

37 коп

С. ЛИПКИН

ДЕРЖАВА
РЯНИИХ
ЖАВОРОНКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С. ЛИПКИН

ДЕРЖАВА РАНИИХ ЖАВОРОНКОВ

*Повесть по мотивам
бурятского эпоса*

С. И. Липкин — известный советский поэт и переводчик. Он познакомил русского читателя с классической и современной поэзией Востока, с произведениями Омара Хайяма, Фирдоуси, Джами, Рудаки, Тукая. В его переводах мы знаем произведения М. Джаилия, М. Турсун-Заде, Зульфии, Г. Цадасы и многих других выдающихся советских поэтов.

С. Липкин много лет посвятил переводу на русский язык народных эпосов. Еще до войны он перевел калмыцкий эпос «Джангар». Позднее были изданы переводы кабардинских «Нартов», киргизского «Манаса», бурятского «Гэсэра».

Калмыцкий народ высоко оценил творчество поэта. В 1967 году С. Липкину было присвоено почетное звание народного поэта Калмыкии.

Для детей С. Липкин пересказал в прозе памятники народного творчества киргизов (повесть «Манас Великодушный»), калмыков (повесть «Приключения богатыря Шовшура»), узбеков (повесть «Царевна из города Тьмы»).

В своей новой книге писатель пересказывает эпос «Гэсэр». Это издание впервые знакомит школьников с бурятским народным эпосом.

Рисунки В. Носко

ПОЭМА О ПОБЕДИТЕЛЕ ДЕВЯТИ ЗОЛ

Повесть «Держава Ранних Жаворонков» написана по мотивам бурятского эпоса «Гэсэр».

Юные читатели впервые получили возможность познакомиться с великим творением бурятского народа. Буряты всегда гордились замечательными памятниками своей культуры — героическим эпосом «Гэсэр» и другими многочисленными эпическими сказаниями.

Мечта о торжестве справедливости, о мире без притеснения и насилия извечно жила в народе. Эта мечта породила множество эпических сказаний, в которых народная фантазия создает и воспеваает героев, наделенных исполинской силой, неиссякаемым душевным благородством и красотой.

Могучие герои всегда готовы прийти на помощь униженным, притесняемым и беспомощным. Им противостоят злые силы, воплощенные в образы ужасных чудовищ.

Всему миру известны эпические сказания народов нашей страны: армянский эпос «Давид Сасунский», киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар». В одном ряду с ними стоит великий эпос бурятского народа «Гэсэр».

«Гэсэр» — огромная эпическая поэма. В ней насчитывается свыше двадцати пяти тысяч стихотворных строк. Сказания, исполненные в прозе на сюжет этой поэмы, широко известны у многих народов Центральной и Восточной Азии. Они исполняются в Тибете, в Монголии. Имя Гэсэра известно в Индии, Бирме. В XVII веке прозаический вариант «Гэсэра» был издан в Китае.

Стихотворный «Гэсэр» существует только у бурят. В эпосе нашли выражение древнее мировоззрение бурят, их философские взгляды, их мифология.

По разному Народ называет богатыря Гэсэра. Он и заступник добра, и защита справедливости, и опора униженных. Странны, необычны обстоятельства рождения Гэсэра. Кто мог подозревать, что в мальчика из стоянки нищего охотника перевоплотился могучий западный небожитель?

О них, о небожителях, следует рассказать особо.

В древности буряты полагали, что мир состоит из двух мирозданий: верхнего и нижнего. На верхнем обитали небожители, разделенные вековой враждой на две области: область западных небожителей, олицетворявших доброе начало, покровителей людей и всего живого на земле, и область восточных небожителей, врагов рода человеческого, врагов жизни на земле. Западные небожители побеждают восточных. Изрубленный на куски предводитель восточных небожителей Атай-Улан перевоплощается в девять чудовищ, в девять зол, истребляющих на земле людей и все живое.

Западные небожители решают, что богатырь Бухэ-Бэлигтэ обязан спасти людей от всеобщей гибели, а чтобы хорошо узнать нужды людские, он должен заново родиться в семье бедняка.

И вот в глухом сибирском урочище, в холодном, безлюдном краю, в нищей юрте, у немощного бедняка охотника и у его однорукой, одноглазой и хромоногой жены рождается мальчик, по имени Гэсэр.

То был необычный мальчик. Его мать, оказывается, — дочь Солнца, нищий охотник, его отец, — могучий небесный богатырь, и сам он, этот мальчик, в прежнем своем бытии был сыном предводителя западных небожителей и звался Бухэ-Бэлигтэ.

Бухэ-Бэлигтэ, живя на небе, был отважным и сильным воином. Но, только перевоплотясь в человека, «человеческий ум обретя», он стал по-настоящему смелым, по-настоящему сильным, потому что понял, увидел «слезы женские, слезы мужские, скорби-горести, муки людские».

В этом очеловечивании существа вымышленного, небесного, в этом убеждении, что даже небожитель становится

сильным лишь тогда, когда превращается в человека, — величайшее художественное значение бурятского эпоса.

«Гэсэр» — это древнее творение поэтического гения бурятского народа, по сути — произведение богоборческое. Есть такой вариант эпоса. Гэсэр, победив все девять зол, должен вернуться на небо и сдать бразды правления небесному Арин Саган-хану. Гэсэр отправляется во главе своих тридцати трех богатырей. Каково же было его негодование, когда он, представ перед Арин Саган-ханом, увидел перед собой полнейшее ничтожество. Гэсэр задумал уничтожить небожителя, но боги наказали его: Гэсэр и тридцать три его богатыря были превращены в каменные изваяния, которые и поныне будто бы стоят на Саянах.

Народ проявил достойное изумления философское понимание природы тех зол, с которыми боролся Гэсэр. Он сокрушил девять великих зол, но полностью избавиться от них человечество не смог, хотя Гэсэр — великий богатырь.

Он не смог убить одно из чудовищ — Лобсогодоя, потому что если бы это было сделано, то прекратился бы рост трав и деревьев и земля осталась бы без зеленого убранства: чтобы увековечить себя, Лобсогодой проник своим существом во все растения на земле! Поэтому Гэсэр приставил к голове и пяткам Лобсогодоя двух великанов-кузнецов, которые непрерывно колют его по голове и пяткам, держа таким образом страшное чудовище в постоянном беспамятстве.

«Гэсэр» — это колоссальная аллегория. В этом смысле он действительно не имеет себе равных в мировом фольклоре.

Бурятский «Гэсэр» замечателен необыкновенной динамичностью в развитии сюжета, яркостью красок, целомудренной простотой и в то же время глубиной изображения человеческих чувств и поступков.

А. У. Хахалов,
Председатель Президиума
Верховного Совета Бурятской АССР

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Перед началом

ЮРТА В ТАЙГЕ

Долго ли будет длиться наш рассказ? До тех пор, пока не сблизятся все звезды на небе, до тех пор, пока не станут друзьями все люди на земле. А с какого времени мы начнем рассказ? С того времени мы начнем его, когда в безлюдном краю, в тайге, на северо-западной окраине горы Сумбэр, в низенькой ветхой юрте, над которой, поднимаясь из дымохода, вился робкий, слабый дымок, поселились нищие старик и старуха.

Откуда пришли они в это глухое урочище? Никто этого не знал — ни сохатые, ни медведи, ни зайцы, ни тушканчики, да и сами они, старик и старуха, забыли о своей прежней жизни.

Если говорить о том, чего у них было в избытке, то много у них было прожитых лет, а если говорить о том, чего у них было мало, то мало было у них здоровья и счастья, а если поведем разговор о том, чего у них вовсе не было, то не было у них скота, чтобы землю топтал, не было у них собаки, чтобы лаяла, не было у них сына, чтобы промышлял диких зверей в лесной чаще и был опорой их старости.

«Где они доставали пропитание?» — спросите вы у нас.

Ответим: иногда поставят вершу на речке, ловят рыбок мальков, иногда и тушканчик попадет в их петельку среди кустов, порою черемшой утоляют они голод, а то выкапывают из таежной земли саранки. Скучная, скудная жизнь.

Старику — Сэнгэлэном его звали — еще так-сяк жилось, хотя и старый был он, а покуда крепкий, но вот старуха, Наран-Гохон, уже с трудом на земле держалась. К тому же она была калекой: правый глаз у нее был выколот, левая рука до самого плеча отрублена, и на ногу Наран-Гохон припадала.

Так и жили жалкой жизнью в старой, низенькой юрте, в глухом таежном урочище двое несчастных стариков. Оттого, что кругом никогда не слышно было человеческой речи, а на звериных языках они не разговаривали, разучились они и друг с другом беседовать.

Изредка, в ту пору, когда красное солнце молодило таежную землю, а звезды, как свечи, загорались в зеленой хвое, вспыхивал в единственном глазу Наран-Гохон свет памяти. Загоралось воспоминание о чем-то прекрасном, нездешнем, загоралось и тут же гасло оно, это воспоминание, не став человеческим словом. А то, что не стало словом, — не существует, и молча ковыляла старуха возле очага, подбрасывая в огонь хворост, а Сэнгэлэн смотрел на нее вопрошающим взглядом, но таким тусклым, что не трепетало в нем ожидание ответа.

Тайга разговаривала со стариками по-разному: и звериным рыком, и журавлиным курлыканием, и речным плеском, и лиственным шумом. Никогда только не разговаривала она с ними по-человечьи, и вот однажды — а дело было зимней ночью — послышался старой Наран-Гохон человеческий голос. То не был старческий голос ее мужа, но кому принадлежал этот голос, не могла понять старуха: то ли богатырю, то ли младенцу.

В странном смятении надела она рваную шубу, обула в унты обе ноги, здоровую и хромую, и вышла из юрты.

Беспредельная снежная равнина устремлялась в темноту ночи, сосны и кедры в белых треухах дышали на звезды, а

звезды сияли острым, морозным светом, озаряя ровный снег, а на снегу, у самой юрты, различил единственный глаз старухи ясные, четкие следы горностая.

Пошла Наран-Гохон, припадая на ногу, по следам горностая и дошла до самого подножия горы Сумбэр. Хотя один только глаз был у старухи калеки, она быстро увидела, что следы горностая исчезли и появились у подножия горы убегающие вверх следы колонка. Когда она доковыляла до вершины горы, следы колонка кончились и обозначились убегающие ввысь следы человека, а каждый след — в сажень длиною.

Посмотрела Наран-Гохон ввысь, а там, над вершиной горы, над прозрачными зеркалами облаков, высоко в рассветающем небе сверкал белыми стенами, сиял бесчисленными главами дворец. И сама не заметила, не почувствовала Наран-Гохон, что уже не по холмистой земле, а по небесной голубой тропе приближается она к дворцу.

Старуха приоткрыла двери из чистейшего жемчуга и увидела в глубине дворца, на сиденье из чистейшего золота, убежденную годами женщину, у которой была в руках чаша из чистейшего серебра. Лицо седовласой женщины было и величавым и добрым — таким бывает небо в ясный, безветренный, теплый день.

На столе перед женщиной лежала раскрытая книга. Узнала или вспомнила Наран-Гохон, что то была Книга Судеб? Когда серебряный отсвет сверкающей чаши падал на страницы, чудесно появлялись на них, сбегая сверху вниз, буквы. Показалось Наран-Гохон, что когда-то, в некоей другой жизни, она хорошо знала эту величавую седую женщину с доброй важностью в пронзительных очах, даже имя этой женщины прозвучало у нее в душе: бабушка Манзэн-Гурмэ.

И, как только старухе калеке вспомнилось это имя, почувствовала вдруг Наран-Гохон, что снова стал зрячим ее выколотый глаз, что опять вырастает из левого плеча молодая, круглая рука, что нога ее стала прямой, здоровой.

Мимо нее проплыло облако, и Наран-Гохон заглянула в

него, как в зеркало, и увидела, что она снова, как некогда, в другой, давно прошедшей своей жизни, стала молодой, сильной, красивой. В одно мгновение прошли перед ней ее прежние весенние годы, ее девическое целомудренное счастье, сияющее лаской лицо ее отца.

А бабушка Манзан-Гурмэ, прочтя при свете серебряной чаши страницу из Книги Судеб, воскликнула:

— Наконец-то люди на земле избавятся от всеобщей гибели! Наконец-то все живое начнет безбоязненно жить! Наконец-то у двух нищих, старых людей, у Сэнгэлэна и Наран-Гохон, в бедной юрте в безлюдной тайге родится благословенный, на земле и на небе долгожданный сын! Склонив головы знатных, он станет опорой и поддержкой униженных. Сломав хребет зла, он станет основой добра и правды. Имя ему будет Гэсэр!

Слезы радости потекли по морщинистому, розовому и доброму, как небо в ясный день, лицу бабушки Манзан-Гурмэ. Эти слезы, наверно, помешали ей увидеть Наран-Гохон, стоявшую у приоткрытой двери. А юную красавицу, которая несколько мгновений назад была старухой калекой, охватило сильное, небывалое предчувствие счастья, когда она узнала, что станет матерью. Побежала она со всех ног — сперва по небесной голубой тропе, а потом по земной холмистой дороге, по саженым следам человека, по быстрым следам колонка, по легким следам горностая. Она бежала, и ей казалось, что белым молоком материнства наливаются ее груди.

Так она достигла ветхой, низенькой юрты в глухом урочище. Она откинула полог юрты, вошла и увидела, что ее муж, охотник Сэнгэлэн, дряхлый годами, сидит у очага. Он поднял на нее взгляд, и по этому грустному взгляду поняла Наран-Гохон, что не юную красавицу увидел Сэнгэлэн, а однорукую, одноглазую, хромоногую старуху.

Видно, только самой себе там, на небе, она показалась вновь молодой и красивой. Но счастье ее было таким полным, таким небывалым, так сильно стучало сердце в ее гру-

ди, что почудилось ей, будто счастье ее шире, чем земля, и девическим, звонким голосом она крикнула:

— Сэнгэлэн, скоро в нашей старой юрте расцветет новая жизнь! Мальчик родится у нас, и имя его будет Гэсэр, и он спасет все живое от зла и гибели!

Услышав эти слова, Сэнгэлэн вздрогнул. Старуха, бывало, за весь день скажет ему всего два-три скучных слова, скажет голосом скрипучим, старческим. Откуда же у бедной калеки такой звонкий, девический голос? Где, когда, в какой своей прежней жизни он уже наслаждался звенящей сладостью этого голоса? Там, на бесконечной шири земной, каждый день умирает жизнь. Там высыхают корни трав и деревьев, иссякают реки и родники, гибнут от повальных болезней домашние и дикие звери, заочневшие птицы падают с неба, как камни, уничтожают людей мор и чума. Они с женой скрылись здесь, в глухом таежном урочище, чтобы спастись, — так неужели отсюда, из ветхой юрты нищего охотника, придет спасение всему живому, всему роду человеческого, и пернатому роду, и звериному, и травяному?

Так думал Сэнгэлэн, глядя на свою старуху калеку-жену, удивляясь ее звонкому, девическому голосу. А Наран-Гохон, чье сердце изнутри озарилось мудрым светом будущего материнства, стала вспоминать свою другую жизнь, когда она была дочерью Солнца, а нищий охотник Сэнгэлэн — могучим небожителем-богатырем, повелителем одного из небесных царств.

Не настала ли пора и нам рассказать о той, прежней жизни охотника Сэнгэлэна и старухи Наран-Гохон?

Эй, меткие стрелки из лука, почему бы нам не метнуть стрелу, не поймать лучшего из бобров? Эй, красноречивые сказители, знатоки былого, почему бы нам не поведать теперешним людям родословную богатырей?

НЕБЕСНЫЕ ГОСУДАРСТВА

То, о чем ныне мы рассказываем, было еще до того, как зеленый цвет стал травой, а белый цвет стал снегом, а красный цвет стал цветком, а черный цвет стал ночью, а невысокий бугорок стал великой Сумбэр-горой, а тоненький ручеек — ревущим, грозным океаном; это было еще до того, как легкая летучая пыль стала нашей матерью-землей, а теплое яйцо — могучим орлом, а безобидный червячок — коварным драконом; это было еще до того, как появилось начало времен, еще до того, как слово стало впервые поведанной былью; это было еще до того, как белое стало воевать с черным, а голубое объявило войну сероцветному, еще до того, как в мире возникли ссора, вражда и месть; это было в то изначальное время, когда еще не было зла, неправды, насилия, болезней. Очень давно это было.

На высоком небесном пространстве простиралось два могущественных государства: Государство Пятидесяти Пяти и Государство Сорока Четырех. Они также именовались Царством Западных Небожителей и Царством Восточных Небожителей.

Царство Западных Небожителей состояло из пятидесяти пяти мощных княжеств. Было среди них Княжество Холода, и владел им небожитель Буран, краснощекий, здоровый, белобородый, и мчался он верхом сразу на семи студе-ных, крепких ветрах; было и Княжество Грома, и владел им небожитель Хухэрдэй, громовержец, чей голос потрясал горы и доли, и на девяти крылатых, железноногих конях облетал он три мира: Верхний, Средний и Нижний; было и Княжество Благодатных Ливней, и одеянием его повелителю служило тяжелое облако, из кармана которого лились добрые дожди; было удивительное Княжество Света, беспредельно лучезарное, а повелитель его именовался Солнцем, а заря, прекрасная дочь его, носила имя Наран-Гошон; было и Княжество Молний, и три брата, три его повелителя, скакали верхом на трех ураганах, и у каждого в руке была стрела-молния; а были и небожители, не имевшие княжеств, но не менее могущественные, чем владыки небесных держав.

Если упомянуть только двух из них, то назовем Солбона, каштановокудрого создателя лошадей и коров, и белоликого Заяна, того самого, который сотворил людей на земле, того самого, который был так мудр, что взвесил все, что имеет вес, и измерил все, чему есть мера.

Надо всеми пятьюдесятью пятью западными небожителями возвышалась мудрейшая из мудрых, добрейшая из добрых, справедливейшая из справедливых — бабушка Манзан-Гурмэ. Она возвышалась надо всеми во имя того, чтобы в мире возвеличилась мудрость и унизилась глупость, чтобы ликовало добро и померкло зло. В ее руке была серебряная чаша разума и правды, и только она, бабушка Манзан-Гурмэ, могла правильно толковать вещие строки изначальной Книги Судеб.

Однажды, когда она была молоденькой и кормила сына своего Эсэгэ-Малана, пролилось молоко из ее груди, и след этого молока навеки остался на небе, и теперь называется Млечным Путем. Когда Эсэгэ-Малан вырос, он стал повели-

телем Млечного Пути, а также владыкой всех облаков, из которых на землю льются добрые дожди. Это он, Эсэгэ-Малан, сотворил на небе луга и пастбища, степи и горы, леса и озера, ключи и реки.

Жена Эсэгэ-Малана, та матушка Эхэ-Юрэн, что была началом тепла, родила мужу нескольких сыновей. Самого могучего из них звали Хурмасом. Была у Хурмаса жена Гэрэ-Сэсэн, что почиталась началом материнской ласки, и эти двое, Хурмас и Гэрэ-Сэсэн, были счастливыми родителями трех сынов-силачей и трех чернобровых красавиц дочерей. Он-то, исполин Хурмас, и был верховным правителем Государства Пятидесяти Пяти, Царства Западных Небожителей.

Мы еще расскажем о его сыновьях и дочерях, о его подвигах и забавах, о его среднем сыне Бухэ-Балигтэ, без которого наше правдивое предание было бы всего лишь красивой сказкою, о том самом небесном воителе Бухэ-Балигтэ, который в своей новой, земной жизни стал опорой униженных, посохом слабых. Но, прежде чем начать заповеданную нам повесть об этом богатыре, мы поведем слово о восточных небожителях, о Царстве Сорока Четырех.

Во главе царства был богатырь Атай-Улан. Лицо его было темно и серо, как туман, и все, что на небе было темным и серым, составляло владения Атай-Улана. Подчинялось ему Княжество Туч, и Княжество Бурь, и Княжество Засух, и Княжество Мглы, и другие княжества, черные и серые.

А между двумя этими могущественными государствами, между Западным и Восточным, скромно расположилось в голубой небесной долине небольшое, цветущее Срединное царство. Было оно богато травой, и скотом, и реками, и птицами, жители его благоденствовали, а повелителем царства был небесный богатырь Сэбдэг. Весело и беззаботно, без страха и тревоги правил он своей маленькой страной, отвергая власть Запада, не признавая силы Востока.

Была у него дочь, царевна Сэсэг-Ногон, и хотя не она явилась причиной Великой Распри, ставшей истоком люд-

ских судеб, — только малая распря произошла из-за нее, — достойна Сэсэг-Ногон того, чтобы мы ее описали.

Кто знает, когда кончается малая распря и начинается великая? Кто знает, где истинная причина причин, где начало начал?

Любящие родители воспитывали царевну так, чтобы никакая грязь к ней не пристала, — даже от копоти в дымоходе, чтобы не взвивалась над нею пыль — даже та, что поднимается во время скачки коней. Говорят в народе: «Если мальчику суждено родиться богатырем, то он отважен уже в колыбели, а если девочке суждено родиться красавицей, то она красива с пеленок». И вправду, когда Сэсэг-Ногон исполнился один только год, она стала розоветь, как заря, а в семь лет она расцвела, как луг весной, и петь научилась звонко и сладостно, а в восемь лет научилась плавно изгибаться в пляске, а в девять лет, навсегда позабыв детские шалости, стала приглядывать за хозяйством, стряпать, шить, рукодельничать.

Такой она была мастерицей, такой умелой и прилежной, что указательный палец ее правой руки подружился с наперстком, а левый, прищуренный глаз — с иголкой и ниткой. Из кусочка шелка, что был размером не больше пальца, удавалось ей сшить двадцать рубашек. Среди обычных трав и растений казалась она внешним цветком, среди снегов — подснежником.

Пойдет совершенной своей походкой — почти не касается тропинки, побежит — все травы мира, все тринадцать красок Вселенной заволнуются и заулыбаются. Лицо ее сияло так, что затмевало сияние неба.

Имя Сэсэг-Ногон, девушки столь великой красоты и столь благородного нрава, стало песней, и полетела эта песня по всем небесным государствам, по всем заоблачным юртам и стоянкам. От одного лишь слова этой песни богатыри-небожители теряли разум и превращались в сущих младенцев или в глупых буянов и задир. Только и было разговору у исполинов Запада и богатырей Востока, что о ца-

ревне Сэсэг-Ногои. Стала она мечтой смелых, желанием отважных.

Из-за нее ли началась распря между Хурмасом, верховным правителем Государства Пятидесяти Пяти, и Атай-Уланом, главой Государства Сорока Четырех? Нет, не из-за царевны они стали врагами, не из-за нее впервые во Вселенной родились месть и война и богатыри сделались воинами. Причиной распри было то, что каждый из повелителей, Хурмас и Атай-Улан, хотел завладеть богатым Срединным царством, но разгорелась распря именно тогда, когда царевна Сэсэг-Ногои достигла цветущего и тревожного возраста невесты.

ПРЕДВЕСТИЕ ВРАЖДЫ

Почему бы нам не изловить лучшего из соболей, почему бы нам не дognать ястреба в тучах, почему бы нам не подняться к Бычьему Созвездию? То, что нам отсюда, с земли, кажется созвездием, на самом деле — два живых быка: один бык из стада Хурмаса, темно-синий и пятнистый, другой — из стада Атай-Улана, огромный, красно-бурый, молодой; на Алтае таких быков называют порогами.

Вот, отделившись от своих стад, встретились два быка в Срединном царстве. Заревел молодой порог Атай-Улана:

— Эй ты, бык из Западного царства! Давай испытаем, у кого из нас острее рога, кто из нас храбрее и сильнее!

Старому пестро-синему быку обидным показался рев красно-бурого порога. Два быка, глядя исподлобья, стали неспешно сближаться. Сперва они коснулись друг друга могучими боками, потом встретились их острые рога, и вот уже вздрогнули под ними холмы и бугры и поднялись вихри. Два быка, два царя бычьих стад, боролись девять дней. Ни на чьей стороне не было перевеса. Когда же забелел десятый день, стал слабеть старый бык Хурмаса с темно-синей пятнистой шкурой. Тело его сделалось рыхлым, кровь начала

густеть в жилах, шея согнулась, как ветка ивы, большие глаза потускнели. Взревав, старик убежал от молодого пороza.

Он бежал по небесной тайге, раздваивая дыханием густые заросли и ломая на бегу тысячелетние деревья. Так достигли быки рубежа Западного царства.

В это время объезжал свои владения правитель Государства Пятидесяти Пяти, отважный Хурмас. Он ударил пороza по голове железной булавой, и тот в страхе помчался на восток, а старый пестро-синий бык побрел к своему стаду.

Хурмас был разгневан. Он повернул гнедого коня и на таежной тропе неожиданно повстречался с главой Государства Сорока Четырех, с крепкоруким Атай-Уланом. Столкнулись они носом к носу, стремям к стремям. Хурмас крикнул:

— Что это за привычка у твоего глупого пороza драться с моим быком на земле Срединного царства, которое должно принадлежать мне?

— А почему бы этому царству не принадлежать мне? — криво усмехнулся Атай-Улан. — Разве я ниже тебя? Разве мои небеса, черные и серые, не сильнее твоих, голубых и белых?

Стали ссориться два властелина, стали браниться так, что трава устыдилась их ругательств, что кусты, оскорбленные этой бранью, приникли к земле; так громко кричали они друг на друга, что от их крика сухие деревья раскололись пополам, а сырые упали наземь; ругались они так долго, что полночь перепуталась с рассветом, быть — с небытью, птицы потеряли своих птенцов, а от коз отбились козлята.

Увидев, что брань ни к чему хорошему не приводит, поняв, что тот, кто умен в ругани, глуп в деле, сошли они с коней, привязали их к белой березе, чья листва упиралась в высокую беспредельную синеву, сели друг против друга, сложив ноги на траве, и повели спокойный, рассудительный разговор. Длилась их беседа до той поры, покуда на голом камне не зазеленела трава, а никак не могли договориться, не могли поделить Срединного царства. Наконец порешили

они, что сперва встретятся с Сэбдэгом, пусть он отдаст свое Срединное царство кому-нибудь из них по доброй воле, а не отдаст по доброй воле, то останется им один путь: непреложный путь войны.

Первым к Сэбдэгу прибыл Хурмас. Давно уже он собирался навестить почтенного соседа, посмотреть на его дочь, на красавицу Сэсэг-Ногон, ставшую мечтой и желанием богатырей Западных и Восточных небес. Была у него затаенная дума: женить на ней своего старшего сына.

В дымке-мареве утренней рани золотились башни синего дворца. Хурмас поскакал по небесной тропе и, замедлив бег гнедого коня, остановился у золотой коновязи. Он поставил коня на приколе и стал подниматься по серебряным ступеням. Ни одной зазубрины не было на них, кобылицам бы взбираться по тем ступеням да коньям-неукам!

Благородный Сэбдэг и его жена встретили гостя с должной учтивостью, пригласили его сесть на почетное место справа, повыше хозяев. Накрыли золотой стол, а на нем мясо — как курган в степи; накрыли серебряный стол, а на нем вино в чаше — как озеро в лесной чаще.

Хурмас потянулся руками к мясу, отведал его, и так оно ему понравилось, что он вместе с мясом откусил кончики десяти своих пальцев. Плохо бы пришлось именитому гостю, если бы не целебные свойства двух пальцев Сэбдэга — указательного и большого. Прикоснулся он двумя этими пальцами к десяти пальцам гостя, и сразу стали целыми пальцы Хурмаса, даже стали крепче и сильнее!

Начали два царя важную беседу об умершем и о живущем, о прошлом и будущем, и о том, что было прежде прежнего, и о том, что будет позднее позднего, и о тех временах, когда вода стала водой, и о тех днях, когда земля получит имя земли, как заповедано в Книге Судеб.

Когда небесные властелины так мудро вели беседу, прискакал с Востока третий царь, Атай-Улан. Стали пировать втроем. Разливались крепкие вина и поучительные речи, во-

семь дней длился мир. На девятые сутки Хурмас обратился к Сэбдэгу с такими словами:

— Подчинись мне по доброй воле, отдай мне Срединное царство. Малая речка, текущая между двумя морями, должна влиться в одно из них. Маленькое царство должно стать частью большого. Оставаясь царем, стань мне преданным слугою.

Но и Атай-Улан добивался своего.

— К чему тебе, — сказал он Сэбдэгу, — Государство Пятидесяти Пяти, голубое да белое? Стань отныне моим слугой, отдай мне Срединное царство, и ты найдешь свое счастье у меня, в прекрасной стране черной и серой мглы!

Сэбдэг внимательно посмотрел на двух могущественных своих соседей и ответил им умным, неторопливым словом:

— Не знаю, кому из вас, непобедимых, подчиниться. Давайте спросим совета у Книги Судеб.

Вот стали гости листать священные страницы вещей книги, стали разбирать ее изначальные буквы, сбегаящие сверху вниз, и оказалось, что Книга Судеб отказала наотрез обоим:

Никакая не вправе рать
У Сэбдэга страну отобрать!

Огорчили эти строки двух могучих царей, да что поделаешь, разве можно спорить с Книгой Судеб? И все же так страстно хотелось Хурмасу получить цветущее, благодатное Срединное царство, как сжигало его душу это желание, что стал он упрашивать Атай-Улана:

— Я постарше, ты помоложе. Уступи мне Срединное царство!

— А моего согласия тебе не надо? — спросил Сэбдэг, спросил, не повышая голоса, хотя сердце у него кипело, как море в бурный день.

Тут подумал хитрый Атай-Улан: «Уступлю, не уступлю Срединное царство — все равно не станет благородный Сэбдэг по доброй воле слугой Хурмаса!» И сказал:

— Уступаю. Бери. Ты постарше, я помоложе.

Так сказав, позвал он Хурмаса к себе в гости. Десять дней пировал западный властелин в восточной стране тумана и мглы. Пора и честь знать. На прощание Хурмас пригласил Атай-Улана:

— Приезжай ко мне в гости на десятые сутки луны.

Настали десятые сутки луны. Хурмас забыл, однако, что должен к нему приехать Атай-Улан, забыл сказать жене, чтобы приготовилась к встрече именитого, важного царя, и отправился в гости к доброму белоликому мудрецу Заяну, к тому богатырю, который взвесил все, что обладает весом, и измерил все, чему есть мера.

А глава Сорока Четырех Атай-Улан прибыл в назначенный срок. Вот перед ним высокий дворец, но почему же не слышно запаха мяса, запаха кобыльего молока, запаха хмельного питья, почему не дымятся трубы и на запоре все ворота?

Атай-Улан сперва удивился, потом разгневался. Белые зубы его заскрипели, белые волосы встали дыбом, серое лицо почернело. Спешившись, он обошел тринадцать раз здание дворца, обошел все постройки, все службы — никто не вышел ему навстречу. Тогда он закричал так громко, что затряслась твердь под пятьюдесятью небесными кочевьями, так громко, будто затрубили десять тысяч сохатых!

С яростью и злобой покинул Атай-Улан владения Хурмаса. Вернувшись домой, он рассказал сорока четверем своим богатырям, владельцам княжеств засухи, тумана и мглы, о том, как оскорбил его повелитель Западных небес. Жажда мести охватила богатырей Государства Сорока Четырех.

Так началась вражда на небе, а потом она перешла на землю, когда земля была создана.

Так белый цвет вступил в вековечный спор с черным, голубой — с серым. Не стало покоя и мира в заоблачных царствах!

Если богатырь западной стороны встречался с восточным небожителем, их встреча переходила в поединок. Появились копья и стрелы, палицы и мечи. Голубое и белое дро-

было все, что черно и серо, черное и серое пыталось повсюду уничтожить голубое и белое.

Тогда-то белолицому богатырю Заяну опротивела жизнь на небе, с непрерывными ее схватками и побоищами, и совершенной силой мудрости и добра превратил он поднебесную легкую летучую пыль в твердую землю, с пастбищами и лугами, горами и равнинами, реками и озерами, со зверями и домашним скотом, с тайгой и степями. Создал он и людей на земле, и люди жили без ханов и господ, и каждый их день был подобен празднику.

Когда Хурмас узнал, что под небесами возникла земля, а на земле — жизнь, что появились люди, приказал Хурмас своим братьям спуститься на землю и править людскими кочевьями с добротой и справедливостью. Старший из этих трех братьев, белолицый, белоголовый Саргэл, скакавший верхом на белом коне, стал ханом Белой страны, где дороги были белей облаков. Младший из трех братьев, но уже богатый годами синеглазый Сэнгэлэн, обладавший синим конем, стал ханом Голубой страны, где дороги голубели, как голубые облака. А средний брат Хурмаса, чернобородый Зутан, скакавший верхом на вороном коне, стал повелителем Черной страны, где дороги были похожи на черные тучи. Никто еще в ту пору не знал, что и душа Зутана черна, как ложь, и мутна, как ядовитая клевета!

БОЛЕЗНЬ И ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ СОЛНЦА

Человеческий род, созданный на земле в ту пору, когда не стало покоя и мира на небе, процветал и благоденствовал. Бесконечные поймы-луга лоснились изумрудной травой, многочисленный скот, каждодневно умножаясь, топтал тучные пастбища, прибой бессмертного моря улаждал берега мерным гулом волн. Люди, как и небожители, не знали тяжких болезней. Но вот впервые в мире одно существо заболело, и этим существом была дочь Солнца Наран-Гохон.

Небесный богатырь, чье имя Солнце, а бурятское имя — Наран-Дулан, был владыкой западного княжества Беспредельного Света. Он давно уже враждовал с государствами тумана и мглы, поэтому он сразу принял сторону Хурмаса, когда разгорелся спор между правителем Западного небесного царства и Атай-Уланом.

В доме Солнца росла красавица дочь Наран-Гохон, сама заря, и Атай-Улан, чтобы причинить Солнцу зло, пустил в дело двадцать три страшных дурмана и тринадцать свирепых чародейных сил. И дочь Солнца стала чахнуть и гаснуть. Днем она кашляла сухим кашлем, а ночью тряслась в лихорадке. Не было спасения от злых чар!

С умыслом выбрал Атай-Улап своей жертвой дочь Солнца. Он хорошо знал грозное предсказание Книги Судеб: если умрет Наран-Гохон, если лучезарная погаснет, то точные сорок четыре небожителя навек возьмут верх над пятьюдесятью пятью западными богатырями.

Пятьдесят пять богатырей Хурмаса, владевшие добрыми волшебствами, стали врачевать дочь Солнца, но ни снадобья, ни колдовство не могли исцелить больную. Тогда богатыри обратились за помощью к мудрой бабке Манзан-Гурмэ, к своей верховной госпоже, к обладательнице серебряной чаши разума и правды.

Бабка раскрыла Книгу Судеб, перелистала ее изначально начертанные страницы и прочла строки предсказания и совета. Прочтя их трижды, охватив мыслью Вселенную, приказала она, чтобы явился к ней средний сын Хурмаса, краснотолкий Бухэ-Бэлигтэ.

Вглядитесь в него, это тот самый богатырь, о котором сказывается заповеданный сказ, это тот, рожденный на небе, кто в земном своем обличье совершит неслыханные подвиги, это тот, кто станет посохом униженных, опорой слабых. А в своем небесном обличье обитал он на вершине, на которой покоились прозрачные облака. Был он строен и упруг телом, обладал шеей быка, спиной храбреца и руками воина.

Любуясь правнуком, бабка Манзан-Гурмэ сказала, когда Бухэ-Бэлигтэ с послушанием предстал перед нею:

— Если погибнет дочь Солнца Наран-Гохон, то погаснет заря. Сорок четыре превратят в своих рабов пятьдесят пять, черное и серое станет властвовать над белым и голубым. Если же Наран-Гохон выздоровеет, то заря будет ярко сиять над миром. Настал, богатырь, час твоего испытания. Ты должен изловить жаворонка Азарга. Вот что говорит о нем Книга Судеб:

На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,

Где не видел никто очага,
Вьется тот, кто спасет от врага:
Белый жаворонок Азарга.
На груди — древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина:
Золотые на ней письмена.
Если поймана будет птица,
Побежденная быстрой стрелой,
То Наран-Гохон исцелится,
Но должна быть птица живой!

Бухэ-Бэлигтэ с благоговением выслушал звонкие строки Книги Судеб. Он, охотясь, обошел небесные леса и луга, равнины и горы, но ни разу не повстречался с белым жаворонком. Где летает Азарга, где гнездится?

Тот, кто учится, — спрашивает; тот, кто отиравается на подвиг, — вопросов не задает. Сел Бухэ-Бэлигтэ на гнедого коня Бельгэна, принадлежащего его отцу, могучему Хурмасу, и поскакал между небом и землей, то взвываясь, как беркут в тучах, то мелькая, как белка в хвое. Долго он мчался, не делая ни дневок, ни ночевков, и там, где заря расстается с ночью, на северо-западе верхних небес, он увидел: в переливах утреннего света вьется, трепещет белый жаворонок.

Казалось, то переливается заря, — так трепетал и пел жаворонок. А пел он слова, что были начертаны на его груди серебром, а на спине — золотом, и эти слова падали наземь, как капли вечности. То превращался жаворонок в маленькую пылинку и пропадал в сквозной синеве, то, подобно были-почке, едва-едва виднелся в утреннем небе, то снова взлетал птицей, и весело делалось на душе от его рассветной песни.

Бухэ-Бэлигтэ остановил гнедого коня на развилине заоблачных троп. Он с таким жаром начал просить помощи у предков, что вызвал вспышку яркого пламени; он с такой силой произнес заклятие над оперением стрелы, что вызвал появление столба дыма. И тогда он пустил из лука стрелу. Пернатая стрела взвилась, засвистела, пронзила облако и в нем исчезла.

Бухэ-Бэлигтэ спокойно стоял, выжидая и думая про себя: «Быстрота коня зависит от всадника, быстрота стрелы — от стрелка». И только он так подумал, как стрела возвратилась назад, а на ней, как на насесте, — целый и невредимый жаворонок Азарга! Богатырь взял птицу на руку, и она посмотрела на него с такой добротой, с какой сестра смотрит на брата или мать на сына.

Бухэ-Бэлигтэ повернул гнедого коня, помчался быстрее таежного ветра и вскоре прибыл к бабке Манзан-Гурмэ. Молча вручил он верховной владычице Западных небес белого жаворонка. Бабка похвалила его, а потом повелела, чтобы к ней привели из княжества Беспредельного Света дочь Солнца.

Заплакали все, когда увидели Наран-Гохон. Та, что еще недавно сияла, как сама заря, та, чей молодой румянец радовал Вселенную, теперь чахла от злого неведомого недуга, ни кровинки не было в ее лице.

Принялась бабка лечить больную. Наклонилась седоволосая над дочерью Солнца, приложила птицу сперва грудью к ее груди, а потом спиной — к спине, и белый жаворонок, будто всасывая в себя яд ее затяжной болезни, исцелил юную Наран-Гохон.

Перестала она днем кашлять, а по ночам трястись в лихорадке, вернулся к ней румянец, молодой и яркий, как заря, и все вокруг увидели, что Наран-Гохон опять весела, красива, здорова.

Бабка Манзан-Гурмэ отпустила белого жаворонка Азарга на волю, в синюю высь верхних небес, а Наран-Гохон, излучая сияние юности и благословляя свою мудрую исцелительницу, возвратилась к отцу.

Богатырь Солнце, властелин Княжества Света, так обрадовался выздоровлению любимой дочери, что засверкал невиданным дотоле сверканием, и это сверкание прорезало княжества туманов и мглы, и сорок четыре богатыря во главе с Атай-Уланом преисполнились тоскливой, темной злобы, а пятьдесят пять богатырей голубых и белых небес ликовали

и радовались, и заря всходила над миром, даруя ему счастье и прелесть молодости.

Чудесное исцеление дочери Солнца принесло отраду и повелителю Срединного царства Сэбдэгу, и решил он на радости устроить пир, и пригласить на пир и западных богатырей, и восточных, и простых стрелков, и предводителей войск. Вот, выбрав из веков самое лучшее столетие, из столетия — самый лучший год, из времен года — самый лучший месяц, созвал Сэбдэг небожителей на могучее пиршество, на великий сход.

ПОЕДИНКИ НЕБЕСНЫХ БОГАТЫРЕЙ

Со всех царств и княжеств беспредельного неба явились богатыри в Срединное государство. Здесь были именитые обладатели дождя и огня, грома и молнии, утренних ветерков и весенних ливней, прохлады и зноя. Здесь были прославленные широкоплечие воины с крепкими луками, с меткими стрелами, со смертоносными палицами и мечами, храбрецы с бычьими шеями, с твердой рукой и смелым взглядом.

Три стрелка, три властителя грома, держали свои стрелы-молнии наготове: а вдруг пир закончится битвой? Богатыри из страны ливней, обводя воинов своим влажным взглядом, кутались в одеяния, наполненные затяжными, непрерывными дождями. Они громко кричали и смеялись, и дрожь охватывала всех, когда раздавались их голоса, то веселые, то сердитые.

Вот появился Солбон, каштановокудрый создатель коней и коров. За ним, неторопливой походкой, пробирался среди небесных владык белолиций мудрец Заян, сотворивший человеческий род на земле. Белоснежный повелитель холода, белобородый Буран, прибыв с опозданием, властно шел впе-

ред, отталкивая широким плечом всех, невзирая на сан и возраст.

У очага восседал зоркоглазый Хурмас, а рядом с ним вышлся его старший сын Засá-Мэргэн, знаменитый стрелок из лука, обитавший на горной вершине. Конь его был сер, как ястреб, а сам он могуч, как гора. Младший сын Хурмаса, крепорукий Хабатá-Гэрэл, живший среди горных теснин, стоял поодаль, взглядом беркута озирая богатырей небес. А среднего сына Хурмаса, отважного Бухэ-Бэлигá, не было среди пирующих, он, как обычно, охотился в небесной тайге, и его отсутствие тревожило Хурмаса.

А напротив Хурмаса, у другого очага, расположился, вперя в толпу свои острые, твердые глаза и поворачивая их белки, повелитель восточных небес Атай-Улап. Он обдумывал дело хитрости и обмана. За его спиною толпились владыки мглистых дымов и серых туманов, суховесов и снежных бурь, сорок четыре богатыря. Здесь был и силач Черное Ма-рево, и три повелителя лесных пожаров с лицами цвета кровавого мяса, и серопятнистый хозяин вихрей, который, дыша ненавистью, таил черные замыслы, и низколобий, желтый с пятнами властитель ненастья, бряцавший ратными доспехами.

Богатыри готовились к состязанию в борьбе. Грязно-серые, с нечистыми сердцами, клооча, дымясь и кипя, со злобой и вызовом смотрели на своих противников, на мощнотелых воинов голубых и белых небес. Три юных юго-западных ветра, три быстролетных всадника порывисто шумели:

— Нам еще неизвестно, на чьей стороне мы будем вести бой, но бороться мы будем непременно!

А три северо-западных всадника, три меняющих направление ветра, не пристав ни к одной из сторон, приплясывая на пути, чуть слышно переговаривались между собой:

— Не надо торопиться. Примкнем к тем, кто победит.

Раздавались возгласы западных богатырей: «С нами — святая правда! Мы утверждаем справедливость и честь!» А воители восточных небес старались заглушить сло-

ва недругов, крича: «Наша дорога — война! Наши пояса — для мечей! Наша победа — впереди!»

И внезапно, когда одни были одурманены вином, а другие шатались от непрерывного курения, настала тишина: из звездного шатра плавно вышла навстречу восхищенным взглядам дочь повелителя Срединного царства красавица Сэсэг-Ногон. Она вышла, чтобы увидеть состязание богатырей. Обе стороны, забыв на мгновение о вражде, слились, перепутались, и все стали проталкиваться вперед, чтобы взглянуть на царевну. Она предстала перед богатырями, как изваяние, что сотворено совершенно и безупречно, как звезда, чье сияние целомудренно. Глаза у нее — таинственная озерная влага, ресницы — молния, косы — шелковый поток, иссиня-черно льющийся по спине.

Очарованные, ослепленные ее светоносной прелестью, богатыри стали готовиться к состязанию, чтобы показать ей свою ловкость, силу, умение. На круг вышел сын Хурмаса, гороподобный Заса-Мэргэн. Он сказал:

— Победителю достанется несравненная Сэсэг-Ногон. Кто хочет подтвердить в честной борьбе свою правоту и свое право?

И когда так говорил Заса-Мэргэн, наполняя богатырское свое тело воинской мощью, напрягая богатырские свои мышцы, как орлиные крылья, отозвался на его вызов старший сын Атай-Улана, Саган. В его костях утвердилась неодолимая сила меча, его взгляд насыщался жадой битвы, зубы скрипели, грудь раздувалась, как кузнечный мех.

Эти двое были самыми сильными из заоблачных воинов. Не раз уже они совершали пляску в знак победы, не раз их железные круглые руки наносили гибель противнику.

— Будет славная схватка! — слышались крики. — Пусть они измерят силу и крепость рук, пусть измерят отвагу и величие сердец, а мы будем судить борцов без пристрастия!

Началась борьба. Противники, кружась по движению солнца, то цепляясь за небесную твердь, то падая на земной прах, взмывали в небо, как коршуны, взрывали землю, как

изюбры, дрались, как сохатые, терзали друг друга, как ястребы. Сотряслись горы, зазвенела высь, загудели леса, а ни один из борцов не добился перевеса, — силы были равны.

Тогда вспыхнула ярость в сердце Заса-Мэргэна, схватил он Сагана, скрутил под мышкой, ударил его со всего размаха о Западную тайгу, повернул на восток, ударил сына Атай-Улана о Восточную тайгу, подбросил вверх и низринул на землю. Саган сперва лишился голоса, а потом засвистел, как стрела, и упал, словно камень, на землю, распростерся среди выжженных скал.

Он упал в холодном, диком краю, на равнину Хонин-Хото, словно вывернутую наизнанку, в краю, где жизнь бесславна, бессолнечна, бесплодна, безлюдна. Согнав туда бесправных рабов, он стал старшим ханом Желтой реки.

Заса-Мэргэн пустился в пляс, гордый победой над достойным, могучим соперником, предвкушая счастье стать мужем несравненной Сэсэг-Ногон. Но тут, как рогатый лось, наскочил на него средний сын Атай-Улана, багровотелый Шарá, чье лицо — как пожар в лесу. Долго длилась их борьба. Они грызли друг друга, как бешеные волки.

В морях началось кружение вод, синяя небесная твердь в испуге застонала, Вселенная затрепетала до седьмого дна своего. Заса-Мэргэн взмыл на врага по-орлиному. Ослабели у Шары сердце, тело и сама душа. Он, возвышавшийся, словно горный хребет, теперь извивался, как былиночка, изгибался, как тростинка. Разум заснул в его глазах, и глядел он без смысла.

Заса-Мэргэн взял его в обхват, так что хрустнули кости среднего сына Атай-Улана, и бросил его вниз, на седьмое дно мироздания. Шара полетел, как искра от пожара, и упал в глухом, позабытом краю, где земля словно вывернута наизнанку, где Желтая река гулко бьется с тремя преградами. Стал Шара средним ханом Желтой реки, поработив и загнав туда подневольный люд.

Увидев, что два старших брата низринуты на землю, младший отпрыск Атай-Улана, воин Харá, крикнул:

— Видно, старшие понадеялись на младшего, на меня! А если так, — начну битву.

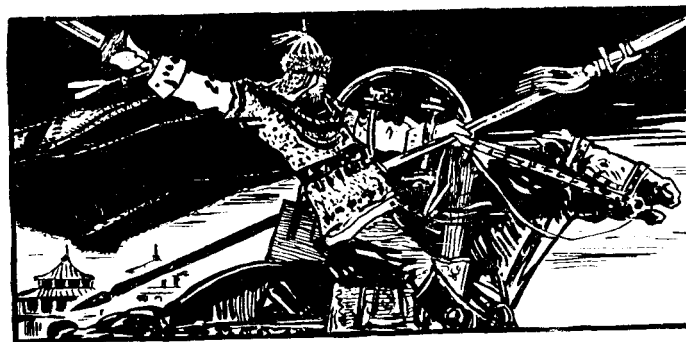
Хара налетел на Заса-Мэргэна. А тот, напрягаясь по-бычьему, став беспощадным, как волк, приплясывая, как марал, провозгласил клич битвы. От его крика отбились от орлицы орлята, зазвешев, разбились на небе зеркала облаков, а на земле кочевья эвенков заблудились в тайге и монголы в сумятице выбежали из юрт. В разгаре битвы Заса-Мэргэн сбивал тучи юга и севера, бил по бокам туманы, поднимая пыль к облакам, и облака опрокидывались.

Посмотрите на поединок небожителей! Вот-вот хрустнут упругие спины, вот-вот сломятся толстые шеи. Воля и мощь Заса-Мэргэна удесятились. То ухватится он за пояс противника, то как дернет его за пятки! А Хара был не таков, был слаб духом. Воля и мощь его иссякли, руки повисли, как плети, восемь ребер изогнулись, голова свесилась горько, — голова младшего сына Атай-Улана.

И тогда-то Заса-Мэргэн пизринул его ногами вверх на седьмое дно мироздания, туда, где миг рождения встречается с миготом смерти, на ту равнину Хонин-Хото, где навыворот все живое, где река, пробиваясь через три порога, низвергается водопадами, где засушливый, душный зной, где пространство поникло во мгле. Сгнав туда скотоводов и звероловов и поработив их, стал Хара младшим ханом Желтой реки.

Так появились на земле три жестокосердных хана. Их прозвали тремя Шарагольскими Желтыми ханами. Они обратили свои думы к насилию и стали врагами людей, ненавистниками их свободы. Об этих трех притеснителях еще будет рассказ. А теперь продолжим рассказ о Заса-Мэргэне.

Победив в честной борьбе трех сильных противников, он, не дав опомниться потрясенным богатырям, подошел к Сэсэг-Ногон, взял ее за правую руку, сказал ей слово правды, взял ее за левую руку, сказал ей слово любви, поднял ее на обе свои сильные руки, сел на коня, серого, как ястреб, и умчал подругу к себе, в обиталище на горной вершине.

ВОЙНА НА НЕБЕ

Восточные богатыри пришли в смятение. Все, что было на небе черным, — стусилось, все, что было серым, — нахлынуло. Перепутались друг и недруг, маломощные воины — с могучими. Мысли у всех замесались, как в огне. Воины жаждали призыва к битве, ждали грозного слова, и это слово произнес Атай-Улан.

— Где же справедливость, жители неба? — сказал Атай-Улан, поворачивая белки острых, твердых глаз. — Где святость наших обычаев, непреложность древних устоев? Сэбдэг, владыка Срединного царства, и я давно стали задушевными сватами. Двадцать лет назад мы решили породниться, десять лет назад мы соединили головы наших детей, головы Сэсэг-Ногон и моего старшего сына Сагана. Но сын Хурмаса, Заса-Мэргэн, отнял у меня мое право, украл у моего сына жену, нарушил обычаи, низверг устои. Жеребенок, ставший конем, подчиняется всаднику, мальчик, ставший воином, подчиняется предводителю, девушка, ставшая невестой, подчиняется родителям. Верните моему сыну красавицу Сэсэг-Ногон, да не будет так, чтобы порядок Вселенной был нарушен!

— Верно! Верно! — раздались крики восточных воинов.

А западные богатыри закричали:

— Это навет и обман!

Тогда поднялся Хурмас, глава Пятидесяти Пяти, и все замолкли. Слово Хурмаса было таким:

— Родители красавицы Сэсэг-Ногон обещали отдать свою дочь в жены моему старшему сыну. Соблюдая обычаи и устои, он одержал победу в состязании борцов и получил Сэсэг-Ногон по закону древности, по праву отваги. Мое слово правильное, а слово Атай-Улана — обман.

Тут крикнули богатыри Западных небес:

— Если мясо мягкое, разве надобен нож? Если слово правильное, разве найдется возражение?

Все глаза уставились на Сэдбэга. Он вышел на середину собрания и сказал:

— Никогда я не давал слова Атай-Улану. С тех пор не могло пройти ни двадцать лет, ни десять лет, ибо сей договор — выдумка. А если говорить о Хурмасае, то не помню, что давал ему слово. А если и был разговор, то разговаривали друг с другом только глаза моей Сэсэг-Ногон и глаза Заса-Мэргэна.

От этой речи, сказанной с достоинством, заволновалось собрание небесных богатырей. Небеса затрещали по белому шву, синецветное и белое надвинулось, сероцветное и черное сгустилось. А на земле содрогнулись горы и доли. Атай-Улан объявил войну Хурмасу.

У рубежей Срединного царства собрал Атай-Улан шестьдесят и шесть смельчаков, и шесть сотен знатных полководцев, и шесть тысяч ратных людей, и сорок четыре повелителя княжеств тумана, мглы и засухи.

Дорога войны была распахана.

Снарядил и Хурмас на битву тридцать и три смельчака, и триста предводителей войск, и три тысячи стрелков, и пятьдесят пять властелинов Западного небесного царства. Огромная тень легла на голубой небосвод, густая великая мгла окутала просторы земли.

Началась война.

Враги бились насмерть. Кровь обагряла утесы и теснины. Те, кто были убиты вечером, вновь оживали поутру. Те, кто пали на заре, оживали ночью и в лисьей тьме шли на бой. Бег времени изменился, год перепутался с годом, по Вселенной катились громы. Старую чашу жизни переполнило кипение мести. Войско Хурмаса победило. Воины Атай-Улана обратились в бегство. Но сам Атай-Улан стоял, как скала, поросшая серым мохом, и Хурмас ринулся на него.

Девять дней и ночей длилась их битва. Спины у них изогнулись, как луки, белые волосы поднялись, как снежные бури, противники хватали друг друга, как лоси, сплетались, как беркуты. Обопрутся грудью на небосвод — облака падают наземь с хрустальным звоном, обопрутся руками о землю — горы превращаются в летучую пыль.

Гул битвы докатился до слуха бабки Манзан-Гурмэ. Она растровожилась, говоря:

— Силы у них равны, не одолеет Хурмас врага!

В это время прискакал к ней после удачной охоты в небесной тайге ее любимый правнук Бухэ-Бэлигтэ.

Обрадовавшись, сказала ему владычица голубых и белых небес:

— Пора тебе испытать копыта гнедого коня, пора тебе отправиться на битву. Сейчас идет схватка между Хурмасом и Атай-Уланом. Силы их равны. Если одолеет Атай-Улан, властитель черного и серого, погрузится Вселенная во мглу, придет в упадок белое и голубое, заря не будет молодить землю, и земля перестанет цвести, и род человеческий зачахнет, погаснет. Не знает Хурмас, как победить Атай-Улана, не знает, что душа и дыхание у этого зложелателя находятся в большом пальце правой его ноги. Это мне открыла Книга Судеб, а я открываю тебе.

Бухэ-Бэлигтэ на гнедом коне поскакал по небесным дорогам, достиг Срединного царства, обогнул синецветный дворец Сэдбэга с золотыми башнями и прибыл на поле битвы. Он обнажил меч, налетел на Атай-Улана и отсек булатной сталью большой палец правой его ноги. Зловонный

вихрь вырвался из отсеченного куска: улстели душа и дыхание Атай-Улана, повелителя тумана и мглы.

Существо без души и дыхания — бессильно. Хурмас обнаженным клинком обезглавил противника. Отрубленная голова Атай-Улана начала ворочать белками острых, твердых глаз. Рот покрылся желтой пеной, из ноздрей вырвалось черное пламя. Ветры мира подняли белые волосы на отрубленной голове.

Хурмас толкнул ногой голову, она покатилась вниз и застыла как раз посередине между небом и землей. Был таков ее удел: не под силу ей было взобраться на небо и не дано упасть на землю. Превратилась она в чудовище, по прозвищу Архán. Это чудовище исходило бешеной слюной, одно было у него желание: проглотить землю и луну.

На этом не кончил Хурмас дела войны. Он отрубил противнику шею, поднял ее на острие клинка и бросил опорный ее позвонок на седьмое дно мироздания. В том краю, где бестравье и суховеи господствовали на диком просторе, на бессолнечной, бесплодной равнине Хонин-Хото, опорный позвонок отрубленной шеи Атай-Улана превратился в шулмуса, в нечистую силу, в чудовище, по прозвищу Гал-Нурман. Мы еще услышим повесть о его злодеяниях, которым и меры не было, а пока только скажем, что на его обширной груди было четыре тысячи глаз — для того чтобы выискивать жертвы впереди, а на спине было десять тысяч глаз — для того чтобы выискивать жертвы позади, а на макушке лысой, как камень, головы был один глаз, и пылал он, как злая звезда, предвещавшая гибель живому на земле. В его беззубой пасти был один пропитанный ядом клык. Гал-Нурман знал две тысячи коварств и тысячу три губительных чародейства. Оказавшись на земле, где пространство поникло в крошечной лисьей тьме, он дал клятву:

— Я устрою гибель племен, ибо люди созданы моим недругом Заяном, богатырем голубых и белых небес. Я истреблю человеческий род, ибо люди не любят того, что люблю я: черное и серое, мглу и туманы, бесплодие и бестравье!

А Хурмас продолжал дело войны. Он рассекал Атай-Улана на части, чтобы избавить небесные просторы от зла. Он думал о небе и не думал о земле. От безгласного тела Атай-Улана отсек он по плечо его правую руку и бросил ее на землю. Отрубленная правая рука упала на гору Сумбэр и превратилась в полосатого тигра Орголи. Подчинилась тигру вся Восточная тайга. Страшна была его алчная пасть: как раскроет ее тигр Орголи, так гибнут в ней деревья от корней до зеленой хвои, гибнут звери, птицы и люди. Такова всякая звериная пасть: хоть сытая, хоть голодная, всегда она жадная.

Хурмас отсек по самое плечо и левую руку Атай-Улана, бросил ее вниз, на землю, и она попала в тот погибельный край, где миг рождения встречается с мигом смерти, — так коротка там жизнь всего живого, и превратилась отрубленная левая рука в одно из самых злобных чудовищ. Имя его было Шэрэм-Мината. В глубине его трехсаженного рта пламенел, как огонь, язык длиною в пять четвертей. Шэрэм-Мината пожирал мужчин и женщин, молодых и стариков, но чаще всего пожирал он малых ребят.

Продолжая дело войны, Хурмас отрубил пустотелую грудь Атай-Улана и бросил ее на равнину Хонин-Хото, где земля будто вывернута наизнанку. Отсеченная пустотелая грудь превратилась в свирепое, хитрое чудовище — людоеда, по прозвищу Абарга-Шулмус.

Отрубил Хурмас до самых ног и толстое седалище Атай-Улана и низринул его на землю, и оно оказалось в самой дальней тайге. Там оно превратилось в чудовище, по имени Лобсоголда. На железноном коне скакало это чудовище по просторам земли, уничтожая все, что растет и цветет, все, что строит гнезда, роет логовища и ставит юрты.

Не кончил и на этом Хурмас дело войны. Он отрубил две ноги Атай-Улана и бросил их на землю, и там они, эти две ноги, превратились в сестер Лобсоголда, и не в двух, а в трех. Получили они имя сестер Енхобой. Это были чудовища достаточно мощные, но не мощью они боролись с людьми, а хитростью, коварством, обманом.

Так на земле, дотоле благоденствовавшей и цветущей, появились злые силы, завидушие, алчные чудовища. Охваченный слепой яростью, разгневанный делами Атай-Улана, его мглистыми тучами, его серыми, мутными туманами, его всеиспепеляющими засухами, решил Хурмас очистить от него небо.

Думал Хурмас о благе рода небожителей и не думал о роде человеческом, об истоках людских судеб. И великое зло двинулось на людей.

НА ЗЕМЛЕ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ПОВАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ

Мы уже знаем, что опорный позвонок шеи Атай-Улана в своем земном перевоплощении стал чудовищем, по имени Гал-Нурман. Из всех чудовищ был Гал-Нурман самым хитрым, из всех хитрецов — самым чудовищным. Он сделался главой нечистой силы. Сверкая завидущими тысячами глаз спереди и сзади, он произнес черное клятвенное слово:

— Пусть погибнет в зародыше каждый человеческий плод! Пусть погибнет, если ему суждено стать мальчиком, пусть погибнет, если ему суждено стать девочкой! Я истреблю весь род человеческий, ибо разум человека враждебен всему, что мило мне: серому и черному, мглистому и мутному, безлюдному и бесплодному!

Так сказав, чудовище двинулось к Желтой реке. Единственный его глаз на лысой макушке извергал пламя, дышащее ненавистью. На крутом желтом побережье сотворил Гал-Нурман тридцать желтых шулмусов, тридцать злокозненных бесов. У каждого из них — желтый хохол, все скачут на желтых конях, желтая гниль — их пища, желтый песок — их обиталище.

Затем направился Гал-Нурман к Серой реке. Собрал он на ее обрывистом берегу серые камни, сотворил из них тридцать серых шулумусов, тридцать отвратных бесов. У каждого — серый хохол, каждого снабдил злобный создатель серым конем, поселил их в серой пустыне, чтобы там питались они серой тухлятиной, варившейся в серых котлах.

Покинув берега Серой реки, отродье зла поспешило к глубоководной, тяжело струящейся Черной реке. Собрав на ее бестравном берегу черные камешки, сотворил Гал-Нурман из мелкой гальки тридцать черных шулумусов, тридцать бесов-убийц, и всех украсил черными хохлами, посадил на черных коней, приказал им насыщаться черной грязью, варившейся в черных котлах.

Девяносто желтых, серых и черных шулумусов, девяносто нечистых слуг свиреного, коварного чудовища стали творить на земле зло. Они отравляли реки, родники и озера смертельным ядом — и вода высыхала, они наполняли отравой корни трав и деревьев — и земля становилась голой, бестравной, бесплодной.

Погибало на земле все живое. Ядовитые туманы сгустились над ней, давили ее. Суховеи, воля и завывая, выжигали пастбища. Повсюду расплодились вредоносные змеи и гады. Люди, которые жили прежде, не зная заботы и горя, не зная болезней, кроме кашля и трясучки, теперь умирали от чумы и моровой язвы.

Табуны, стада, отары домашних животных погибали вместе с людьми. Дикие звери страшились выйти из логовищ. Птицы, обезголосев, задыхались на лету и падали на землю, как бездушные камни. Сок жизни вытекал из деревьев. Травы превращались в серый пепел. Слезы людей текли по земным просторам, как роса.

Старики пришли к трем ханам, к Саргалу, Сэнгэлэну и Зутану, и сказали, обливаясь жгучими слезами:

— Вы сошли на землю с небес, вы — братья Хурмаса, которому на небе подчинено все белое и голубое. Вам должна быть известна Книга Судеб. Ответствуйте: откуда пришла

чума? Из какой страны явилась моровая язва? Чье злодейство, чье коварство стали причиной наших страданий, гибели всего живого?

Саргал и Сэнгэлэн растерянно посмотрели в заплаканные глаза людей. Они никогда не болели, они не знали, откуда нагрянули поварные болезни. А средний их брат, криводушный Зутан, отвернулся, даже слушать не стал убежденных временем несчастных людей. Тогда старики обратились за помощью к шаманке Шайнархан, к той, что лечила людей от кашля и трясучки, что умела заглянуть в грядущее, что чуяла по запаху, где какая убоина жарилась.

Шайнархан собрала в деревянной надломленной чаше слезы женщин и детей, скорби старцев и юношей и, крутя чашу, в которой кипело, бурлило человеческое горе, глядя неподвижными глазами на Западные небеса, голубые и белые, застыв, как придорожный камень, зашаманила мерное заклинание:

Поднимись, деревянная чаша,
О несчастной повсдай земле,
Покрутись, покрутись на столе,
Чтоб тебя увидела наша
Дорогая Манзан-Гурмэ,
Та, что в Западном светлом краю
Над пятьюдесятью пятью
Небесами — глава-властелица,
Та, что волк воздвигла свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Та, что держит чашу добра,
Сотворенную из серебра!

Сказав слова заклинания, полные звука и меры, шаманка Шайнархан метнула вверх, в распростертые голубые и белые небеса, деревянную чашу с человеческими слезами, с людскими горестями. Чаша насквозь пробила облака и оказалась на столе, за которым восседала бабка Манзан-Гурмэ. Закрутилась чаша, наполненная живой скорбью, закрутилась и остановилась. Бабка Манзан-Гурмэ удивленно посмотрела на деревянную надломленную чашу старой шаманки, потом

взяла в руки одно из облаков, в котором, как в зеркале, отражалась вся Вселенная, верхний, средний и нижний миры. Называлось это облако Зеркалом Времен. Увидела бабка, что на небесах царил покой, после гибели Атай-Улана все черное, серое, мглистое притаилось, поникло, а на земле, где пребывал человеческий род, господствовало горькое горе.

Увидела бабка: девяносто уродливых бесов, чьи носы похожи на старые, высохшие колодцы, чьи котлы грязны, чья пища — гниль и тухлятина, чьи мохнатые шапки — без тульи, чьи унты — без подошв, чьи кони — без хвостов, чьи тела — без тени, чьи глаза — как затхлое гноище, девяносто желтых, серых и черных шулмусов устроили на земле гибель всего живого. Они напустили на просторы земли черноцветную, едкую пыль, окутали день тяжелой, серою мглой. То ползая, как змеи, то жужжа, как мухи, они убивали детей рода человеческого. Одна была у них цель: чтобы земля зачахла в гучах пыли, в мглистом тумане, чтобы на земле прекратился людской род. Чума и моровая язва совершали свой смертоносный путь. Все живое гибло от повальных болезней. Там, где валялись во прахе мертвые, — ликовала смерть. Девяносто бесов плясали среди трупов, бахвались и веселясь. Люди таяли, как снег весной. Смерть уносила их, как былинку уносит река во время наводнения. Отчаявшись, люди стали уничтожать свои стада, отары, табуны и съедали загубленный скот, говоря: «Все равно скоро помрем — и люди, и скотина!»

Душа бабки Манзан-Гурмэ, полная сострадания к людям, закипела, забурилась, как живая скорбь в надломленной деревянной чаше. Владычица небес разгневалась, сорвала с себя два разноцветных шелковых платка и, опираясь на посох длиною в девяносто шагов, отправилась к своему сыну, старому Эсэгэ-Малану, отцу Хурмаса, и сказала ему в печали и ярости:

— На земле горе. Девяносто бесов, сотворенных Гал-Нурманом, уничтожают человеческий род. Люди, звери, птицы, растения гибнут от повальных болезней. Причина зла — Гал-Нурман, а Гал-Нурман не кто иной, как перево-

плотившийся в чудовище опорный позвонок шеи Атай-Улана, а отрубил шею твой сын Хурмас. Значит, в истреблении рода человеческого повинен ты, вина лежит на твоём потомстве. Немедленно искупи свою вину: разве должна погибнуть жизнь на земле?

Нахмутив лицо, как туча, грозна, как буря осенью, темна, как ночь, негодуя и гневаясь, ушла справедливая Манзан-Гурмэ, держа в руке серебряную чашу добра и правды. Эсэгэ-Малан приказал, чтобы все небожители собрались повыше звезд и луны и обсудили, как помочь людям, как спасти все живое на земле от поголовной гибели.

Гонцы помчались по заоблачным краям и весям, известили пятьдесят пять повелителей Западных небесных княжеств о надзвездном, надлунном собрании. Когда небожители явились, когда Эсэгэ-Малан, повелитель Млечного Пути и страны Ливней, прислонившись к спинке сиденья, посмотрел на них дымчато-влажными глазами, поведал Хурмас о человеческом горе. Он сказал:

— Чтобы спасти людей от смерти, надо одному из нас спуститься на землю и начать битву с чудовищами, а битва будет долгой, как время. Кто из богатырей спустится на землю по доброй воле?

Охотников не было. Все говорили так:

— Если спустимся на землю, вряд ли вернемся на небо. Если застрянем в болоте, никогда не подыдемся за облака. На веки вечные останемся в земной тине, никогда не будем вести разумную беседу над луной и звездами.

Слушал их старый Эсэгэ-Малан и приходил в ярость. Он крикнул:

— Хватит болтать понусту! Вина лежит на Хурмаса: это он убил Атай-Улана, чьи останки перевоплотились на земле в чудовища, пусть же он сам сойдет на землю, пусть начнет с бесами битву, долгую, как время, пусть искупит свою вину!

Так сказав, повелитель добрых дождей удалился домой, опираясь на посох длиною в девяносто сажень. Небесное воинство зашумело:

— Верное слово сказал многочтимый Эсэгэ-Малан! Пусть Хурмас сойдет на землю, пусть искупит свою вину! А если Хурмас боится, что Государство Пятидесяти Пяти останется без верховного правителя, то разве один из нас не может стать верховным правителем?

Но Хурмас не мог сойти на землю, не мог оставить свою державу. Он хотел убедить богатырей в том, что ему невозможно сойти на землю и начать битву, долгую, как время, но богатыри не давали ему и рта раскрыть. Бухэ-Бэлигтэ, среднему сыну, стало жаль отца. Он сказал:

— Есть у нас на небе три головы, чтобы развеять беду на земле. Если мой старший брат откажется, если мой младший брат оробеет, то я, средний сын, сойду на землю и начну битву с чудовищами.

БУХЭ-БЭЛИГТЭ СПУСКАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ

Хурмас посмотрел на Бухэ-Бэлигтэ, и в глазах его была любовь. Потом он посмотрел на старшего сына и сказал Заса-Мэргэну:

— Вот тебе мой отцовский наказ: сойди на землю.

Заса-Мэргэн, гороподобный богатырь, обитавший на горной вершине, обгонявший на сером, как ястреб, коне буран и снежную бурю, отказался исполнить отцовский наказ:

— Для того ли я, победив в честном состязании мощных противников, женился на красавице Сэсэг-Ногон, чтобы расстаться с ней, чтобы погибнуть на земле от семидесяти оперенных стрел? У меня есть два брата, их и пошлите на землю, а мне и на небе хорошо.

Настала очередь младшему сыну, Хабата-Гэрэлу, держать ответ, но и он отказался исполнить отцовский наказ:

— Отец, я не сойду на землю, ибо я рожден быть хранителем огня, поддерживать в вашем очаге пламя.

Гнев и печаль охватили душу Хурмаса. Наступила тишина. Звезды и луна снизу озарили собрание богатырей. Тогда сказал Бухэ-Бэлигтэ:

— Если я соглашусь сойти на землю, отдадите ли вы мне, отец, все, что я потребую?

— Все отдам, что ни потребуешь, только спаси жизнь на земле! — воскликнул обрadowанный Хурмас.

А Бухэ-Бэлигтэ спросил:

— Если мне на земле понадобится помощник в битве, отдадите ли мне на время Заса-Мэргэна, моего старшего брата, лучшего из небесных воинов?

— Отдаю, — сказал Хурмас.

— Если мне понадобятся помощь, и совет, и утешение, отдадите ли мне трех моих чернобровых сестер, сияющих красавиц голубых небес?

— Отдаю.

— Если мне понадобится мчаться по просторам земли, отдадите ли вы мне гнедого коня Бэлыгэна, свою мощь и опору?

— Отдаю.

— Если мне понадобится пойти пешком по морю, отдадите ли мне четыре волшебных посоха, чтобы я по воде прошел, как по суше?

— Отдаю.

— Если мне понадобится взять врага в плен живым, отдадите ли мне свой знаменитый богатырский аркан?

— Отдаю.

— Если я заболею в чужой стороне, отдадите ли мне кусочки коры сандалового дерева, чтобы исцелилась моя боль?

— Отдаю.

— Отдадите ли вы мне красный камень владыки ветров, чтобы, если мне понадобится, я мог вызвать на земле жар или стужу?

— Отдаю.

— Отдадите ли мне ради блага земной жизни дочь Солнца Наран-Гохон, чтобы ее любовь и милость светили людям, как заря?

— Отдаю.

Когда Бухэ-Бэлигтэ получил от Хурмаса все, что требовал, когда он приготовился к тому, чтобы исполнить долг доброты и отваги — спасти человеческий род от поголовной

гибели, падзвездное, надлуиное собрание небожителей решило так:

— Только тот сумеет спасти людей, кто сам испытает их горести, их муки, кто сам будет уповать их упованием и радоваться их радостью. Пусть Бухэ-Бэлигтэ вкусит на земле земного. Пусть он заново родится в нищей юрте кочевника, у старухи и старика, познавших невзгоды бедной, скудной жизни. Пусть обретет человеческий разум и человеческую душу. Пусть на земле он воплотится в дитя человеческое!

Когда были сказаны эти слова, дочь Солнца Наран-Гохон, превратясь в жаворонка, парила высоко над самым верхним небом, звенела в переливчатом оперении зари. Хотя Хурмас обещал отдать ее среднему сыну, Бухэ-Бэлигтэ не сумел достичь голубизны верхних небес, не сумел взять с собою на землю дочь Солнца. Торопясь помочь людям, он взял колчан со стрелами, лук, палицу, меч, красный камень, взял кусок сандалового дерева, сел на отцовского гнедого коня и спустился на землю, недалеко от тех мест, где ханом Белой страны был его дядя Саргал.

В это время Саргалу приснился удивительный сон. Приснилось ему, что жаворонок парит в переливчатом оперении зари, поет песню утра, и подумал Саргал во сне: «Если бы жаворонок спустился на землю, избавилась бы земля от горя, наступило бы время цветущего благоденствия». Радостная тревога охватила его, но внезапно он услышал такие слова, которые пронзили его острой болью.

Саргал проснулся. Он ударил в золотой барабан битвы — и пришел народ севера. Он ударил в серебряный барабан похода — и, услышав его зов, явился народ юга. Двинулись люди к перевалу горы Сумбэр.

Вслед за ними, разбуженные ударами барабанов, пришли к перевалу и ханы Сэнгэлэн и Зутан со своими многочисленными кочевьями. Люди пришли с надеждой: «Может быть, найдено средство от злого коварства, от страшного чародейства, от повальных болезней, уничтожающих на земле все живое?»

Высоко уходили в распростертую синеву острые скалы горы Сумбэр, а над ними, увидели люди, в переливчатом оперении зари трепетал и звенел, совершая свой полет, утренний жаворонок. Звуки его песни падали на землю, как капли вечности. Когда Саргал поведал о своем сне, криводушный брат его Зутан, владыка Черной страны, сказал со злобной усмешкой:

— Силенок вам не хватает, что ли, чтобы поймать жаворонка ради нашей счастливой судьбы? •

Он вынул из колчана стрелу. Перед тем как метнуть ее вверх, пропустил он стальную стрелу между ногами хромого пса, вытер стрелу о шерсть одноглазого ягненка, провел стрелой по лицу воина, потерявшего руку во время состязания. Сделав так, произнес он слова заклания. Завороженная стрела устремилась в глубину распростертой небесной сини, коснулась жаворонка, и тот слетел с неба. Но, как только жаворонок ступил на землю, увидели люди, что то не жаворонок, то девушка, прекрасная, как заря, то дочь Солнца — Наран-Гохон!

— Послушайте, люди,— сказал Саргал, и все удивились печали его голоса,— послушайте, что я услышал в вещем сне. Хотя дочь Солнца светла и прекрасна, хотя она украшение стран и племен, ради людского счастья надо сделать ее одноглазой, однорукой, хромоногой старухой, надо сделать ее женой младшего моего брата Сэнгэлэна, поселить их в таежной глуши, в низенькой, ветхой юрте. Они станут людьми среди людей, они надолго забудут о своей небесной жизни.

Сэнгэлэн в ответ сказал:

— Я, рожденный на небе хан земной голубой страны, согласен стать безвестным, нищим стариком. Я верю, что ради людского счастья надо исполнить все, о чем говорил Саргал. Но кто из нас решится искалечить милый облик? Если речь идет обо мне, то сжальтесь надо мной, добрые друзья, нет во мне силы изуродовать совершенную красоту дочери Солнца.

Наран-Гохон, застенчиво улынувшись, низко поклонилась могучему Сэнгэлэну. Тут крикнул криводушный Зутан:

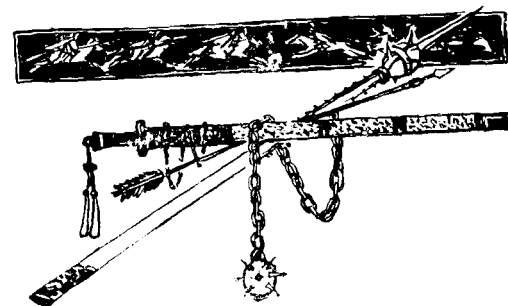
— Это дело я возьму на себя!

Жестоким блеском блеснула сталь, и дочь Солнца, прекрасная, как заря, стала одноглазой, однорукой, хромоногой старухой. А Сэнгэлэн превратился в нищего, бездомного старика. Сочетали горемык и велели им идти куда глаза глядят.

Долго они брели в тоске, среди несчастных животных, растений и людей, умиравших от повальных болезней. Так долго они брели, что забыли о своей прежней небесной жизни; уже казалось им, что всегда они жили в нищете, утоляя голод черемшой и выкапывая из земли саранки. В глухом урочище, в ветхой юрте, над которой поднимался дым из черного дымника, проходили их тусклые дни.

Теперь вы, собравшиеся вокруг нас, знаете, кто такие старик Сэнгэлэн и старуха Наран-Гохон, живущие в той таежной юрте, с описания которой мы начали заповеданный сказ. Теперь вы знаете, что скоро у них должен родиться сын, что Бухэ-Бэлигтэ ради счастья людского рода превратится в дитя человеческое и, заново родившись, получит земное имя Гэсэр.

Слушайте же дальше заповеданный сказ, слушайте до тех пор, пока не сблизятся все звезды на небе, пока не сдружатся все люди на земле.

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я

ДНИ ДЕТСТВА

Мальчик родился, когда Сэнгэлэн пошел на охоту. Наран-Гохон была уже на последнем месяце и отговаривала мужа:

— Дыхание мое затруднилось, время мое приходит, побудь со мной. Волк, упустивший добычу, теряет спокойствие, муж, покидающий жену, которая ожидает дитя, теряет свое достоинство.

Но старик не послушался, ушел. Наран-Гохон разостлала войлок-потник, легла на деревянный настил, принялась ждать. Кого ждать — мальчика или девочку? Если говорить о птицах, то лучше всех — жаворонок, если говорить о детях, то лучше всего — сын. И родился сын, краснолицый, здоровый крепыш. Правая нога у него была согнута, левая нога вытянута, правая рука простерта вверх, правый глаз открыт, а левый — прищурен.

Сэнгэлэн вернулся с охоты с тушканчиком в сумке. Он внимательно посмотрел на новорожденного и, вместо того чтобы сказать слова радости, поздравить жену, произнес с укоризной:

— Кто бы подумал, что на старости лет ты мне родишь

сына! Не потому ли, что слишком поздно он родился, не похож твой отпрыск на других детей?

Каково же было удивление Сэнгэлэна, когда новорожденный ответил ему ясной, разумной речью, как взрослый:

— Сэнгэлэн, мой отец, ничего вы не понимаете! Правая рука моя потому простерта вверх, что буду я уничтожать врагов, чтобы люди зажили, не зная горя. Согнув правую ногу, устанавливаю твердую и справедливую власть, вытянув левую ногу, растопчу зло и обман. Открытый правый глаз отыщет дорогу добра, прищуренный левый глаз разглядит коварство.

Родители обрадовались, рассмеялись от счастья. Их сын с первого дня рождения заговорил так разумно, так красноречиво! Искупали они мальчика и уложили в люльку на почетном месте, у двери, в северо-западной части юрты.

Но мальчик был недоволен. С плачем спросил он у матери:

— Может, родители найдут мне местечко поудобней?

Мать забеспокоилась:

— Разве не мягок войлок в твоей колыбели? Разве не почетна северо-западная сторона юрты, дитячко мое?

— Войлок-то мягок, — ответил мальчик, — а недостает мне в колыбели того, что потребно мужчине: конского волоса, чтобы силки-западни сплести, и плети из красного дерева с восемнадцатью застешками, чтобы постоять за себя.

Положили ему родители в колыбель конского волосу на семьдесят силков, положили и плетъ из красного тальника с восемнадцатью застешками, подумали: «Наконец-то угомонился», — но не тут-то было. Мальчик снова заплакал:

— Душно мне в юрте!

Тогда старик и старуха вынесли его вместе с люлькой в лес, на бугорок. Посмотрели, а на поляне жевал траву мощноногий гнедой конь. Родители полюбовались конем — ведь раньше не было у них никакого скота, чтобы землю топтал, — оставили младенца в люльке на бугорке, а сами вошли в юрту.

Наступили ранние лесные сумерки, упала на землю лисья тьма. Новорожденный привстал в колыбели, сплел семьдесят силков, спрыгнул наземь, ползком-ползком расставил в лесу семьдесят силков, а когда решил снова лечь в люльку, то слегка ушиб колено и закричал. Крик его был услышан далеко-далеко, в той стороне, где земля вывернута наизнанку, где река, разбившись о три порога, низвергается водопадами, где на бестравной равнине Хонин-Хото обитали девяносто злокозненных бесов. Как только уродцы шулмусы услышали крик новорожденного, они сразу поняли, что кричит не обычное человеческое дитя, а новое, невиданное на земле могущественное существо, способное их уничтожить. Они сказали:

— Это, кажется, кричит тот, у кого душа просторнее земли, а в глазах — пламя гнева, которое сожжет нас.

Тогда они отправили в глухое таежное урочище мышей. А мыши в ту изначальную пору имели морды из зеленой меди, а сами они были величиною с трехгодовалых быков. Мыши в одно мгновение достигли колыбели мальчика, стали ползать вокруг нее, обнюхивать — и оказались в западне, в семидесяти силках.

Мальчик выскочил из колыбели, взмахнул плетью из красного тальника, стал хлестать мышей, приговаривая:

— Не полагается мышам иметь морды из зеленой меди, не подобает мышам быть величиной с трехгодовалых быков. Станете вы отныне меньше белки!

И мыши из медномордых и больших, как быки, превратились в таких, какие в наше время в норках живут, и побежали в лес и спрятались в земле.

— Первый день моей жизни на земле — и первый мой враг сломлен, — сказал мальчик, лег в колыбель и крепко уснул.

А Бальгэн, гнедой конь, стоял на пастбище среди травяного изобилия.

Утром родители вышли из юрты, опять полюбовались гнедым конем, опять внесли мальчика вместе с колыбелью

в юрту, опять уложили его на почетном месте. Но, когда лисья тьма упала на землю, мальчик снова пожаловался на духоту в юрте. Делать нечего, младенец кричит, спать не дает — вынесли его родители вместе с колыбелью в лес, на бугорок.

А девяносто желтых, серых и черных шулмусов, так и не дождавшись возвращения быкоподобных мышей, медномордых убийц, отправили, чтобы уничтожить необыкновенного мальчика, в глухое таежное урочище двух черных воронов с железными когтями и клювами.

Вороны прилетели, стали кружиться над люлькой. Услышав вороний грей, мальчик проснулся и, прежде чем они успели сесть на его лицо, схватил обоих воронов за крылья и крикнул:

— Не полагаются вам, черные вороны, клювы и когти из железа, а полагаются вам когти ногтевые и клюв роговой!

Вывал он у разбойных птиц железные клювы и когти и отпустил их, и выросли у них взамен железных когти ногтевые, а клюв роговой. С тех пор и стали вороны такими, какие живут и ныне. А те два ворона в страхе улетели, и мальчик, глядя им вслед, сказал:

— Второй день живу в новом облике на земле, и вторая победа — моя!

Мальчик лег в колыбель и крепко уснул, а неподалеку, на пастбище, гнедой конь Бэлыгэн охранял его юный сон.

Когда, на третьи сутки, снова упали на землю сумерки и два ворона возвратились к бесам, увидели девяносто шулмусов, что вырваны у разбойных птиц железные клювы и когти.

Злодеи-уродцы выбрали из всякого лесного гнуса кусливых комаров, а каждый комар был величиной с лошадь. Прилетели огромные комары в глухое таежное урочище, стали звенеть тонким, пронзительным звоном, стали кружиться над мальчиком в колыбели, стоящей на бугорке посреди тайги. Мальчик приподнялся, взял в руки плетъ из красного тальника с восемнадцатью застежками и, размахивая плетью,

стал бить кусливых комаров величиной с лошадь, покрикивая:

— Отныне, как вам и подобает, станете вы мелкой мошкой, повиснете на верхушках трав!

И огромные, как лошади, комары из племени гнусов превратились в мелких, что и ныне противны людям в тайге. А мальчик лег и крепко уснул, но, перед тем как уснуть, прошептал:

— Смотри, Бухэ-Бэлигтэ, третий день твоей земной жизни принес тебе третью победу!

Утром Сэнгэлэн проснулся сердитый. Он сказал своей старухе:

— Есть у нас теперь сын, опора старости, и это хорошо. Есть у нас теперь гнедой конь, опора жизни, и я рад этому. Но плохо, что мальчик у нас строптивый, непочтительный, не хочет, как все дети, спать в юрте — душно, мол, ему! А раз так, раз не подходит ему человеческое жилье, то пусть живет в зверином: не надо мне такого непослушного, глупого сына! Такой сын и кормить нас не будет, и старость нашу не успокоит. Не понимает он обычаев человеческих, так пусть живет по-медвежьему!

Не было смысла в речи Сэнгэлэна, да уж очень рассержен был старый охотник, обижало его поведение мальчика, и он унес его к медвежьей берлоге.

На другой день, охотясь в тайге, решил Сэнгэлэн заглянуть к зверю в черной шубе — все же тревожилось его отцовское сердце. Мальчик, увидев отца, вошедшего в берлогу, рассмеялся радостным, чистым смехом, обнял старика, стал к нему нежно ласкаться, а рядом, в берлоге, лежало расprostертое черное тело свирепого медведя, задушенного рукою младенца. Сэнгэлэн взял мальчика на руки и пошел домой. Войдя в свою ветхую юрту, он сказал старой Наран-Гохон:

— Необычный у нас мальчик. Он послан нам небожителями. Не надо ему больше перечить, пусть живет как хочет...

Между тем девяносто злокозненных бесов не успокаива-

лись. Они выбрали одного, самого коварного и хитрого, чтобы он убил мальчика из таежной юрты. «Надо его убить, — говорили они, — пока дитя не возмужало, иначе будем уничтожены мы».

Этот бес был из числа тридцати черных убийц. Черный хохол его был чернее и гуще, чем у других, а нос, похожий на высохший колодец, уродливей, чем у прочих.

Хитрейший из девяноста бесов превратился в нищего священника-паломника, в косого ламу. За три дня и три ночи покрыл он огромное расстояние от бестравной, бесплодной равнины Хонин-Хото до глухого урочища в тайге. Набожно шепча молитвы, остановился он у ветхой юрты Сэнгэлэна, над которой поднимался из дымника слабый дымок.

Наран-Гохон поклонилась святому старцу до земли, пригласила косого ламу в свою нищую юрту, поставила перед гостем угощение. Спросил Сэнгэлэн:

— Как называется река, из которой вы пьете воду? Как называется земля, на которой вы родились? Как называется место, к которому вы направляетесь?

Косоглазый лама ответил словами лжи:

— Я родом из восточной страны, я пью воду из устья Желтой реки, я провожу дни в посте и покаянии. Для малых ребят я воспитатель и наставник, а как дети подрастут — обучаю их пляске и молитвам. Узнав, что у вас появился младенец, разумный и милый, я пришел к вам.

Польщенные родители поблагодарили косого ламу. Не заметили они его обмана. Не заметили, что нет у него тени. Но мальчик все это хорошо заметил и в своей люльке закричал. Лама забеспокоился:

— Что с ним? Не заболел ли у него живот? Отвернитесь-ка, добрые люди, не пристало родителям видеть, как врачуют их дитя.

Старики отвернулись, а косой лама, наклонясь над колыбелью, принял свой истинный облик чудовища и протянул бесовскую лапу, чтобы задушить ребенка. Но мальчик, освободив свою ножонку из-под покрывала, ударил беса в отврат-

ную морду, и бес задохнулся и упал мертвым. И только тогда, когда он стал мертвым, у него появилась тень.

Услыхав шум, родители повернулись лицом к колыбели. Где же почтенный старец, косой лама? Вместо него распростерся, от колыбели до дверей, мертвый шулмус! Сэнгэлэн и Наран-Гохон удивились, встревожились, а сынок спокойным голосом велел им вынести мертвое чудовище из юрты. В тайге развели костер и сожгли исчадье зла, а пепел развеяли на все четыре стороны света.

Бухэ-Бэлигтэ, принявший образ младенца, сказал:

— Вот и четвертая моя победа в моей земной жизни.

ДЕВУШКА—СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

Саргал, повелитель Белой страны, прискакал в глухое таежное урочище на белом коне. Узнав, что у его младшего брата и у дочери Солнца родился сын, белобородый старик обрадовался светлой радостью и сказал:

— Кончились годы вашего изгнания. Хватит вам жить в таежном безлюдье, в нищей юрте. Живите теперь у меня, в белой юрте, а я буду воспитателем вашего сына. Скоро наступит хорошее время, уже приближается пора счастья!

Перекочевали старики со своим ребенком в Белую страну, поселились в богатой белой юрте, среди многочисленных кочевий. Кончилось их одиночество, появились у них друзья-соседи.

У Саргала было два сына, Алтан-Шагай и Мунган-Шагай, были они славными стрелками из лука, смелыми, удачливыми охотниками. Стал вместе с ними охотиться и маленький сын Сэнгэлэна: хотя и месяца ему от роду не было, а ходил, рассуждал, разговаривал он и метал стрелы как юноша. И впрямь выглядел он как юноша — статный, широкоплечий, только вот с лица был некрасив. Сыновья Саргала посмеивались над ним:

— Суждена тебе одинокая жизнь. Ни одна девушка по доброй воле не согласится стать твоей женой. К тому же у тебя даже имени нет до сих пор.

Когда такие речи дошли до слуха Саргала, хан Белой страны крепко рассердился:

— Пустое вы болтаете! Есть имя у сына Сэнгэлэна! Это имя начертано в Книге Судеб. Отныне, племянник, будем тебя называть не мальчуганом, а величать Гэсэром.

Гэсэр учтиво поблагодарил дядю и сказал:

— Если так, если мне дано имя, которое не носит ни один из людей, то отпустите меня на охоту одного, без людей. Опротивело мне мясо домашних животных, захотелось мне поесть мяса таежного зверя.

Получив разрешение, сел Гэсэр на гнедого коня и поехал на охоту. Три дня и три ночи скакал он по лесам и ущельям Алтая, а ни один зверь не попался ему, ни разу стрелу метнуть не пришлось. Гэсэр удивился большим удивлением:

— Я думал, что великие просторы Алтая изобилуют зверями с клыками, сохатыми с рогами, а я скачу трое суток и не пролил крови даже из носа серой мышки! А ведь охота для меня — самая большая радость.

Только произнес он эти слова вслух, как вдали, на пестрой поляне, появился красавец изюбр. Гэсэр погнался за ним, но его опередил неизвестно откуда прискакавший всадник в синем одеянии, верхом на кроваво-рыжем коне. Как успел заметить Гэсэр, то был румянощекий стрелок из лука, тонкий в стане. Всадник в синем одеянии быстро метнул стрелу и пронзил изюбра. Даже не оглянувшись на Гэсэра, словно и за человека его не считал, всадник наклонился на всем скаку, поднял убитого изюбра, навьючил его на седло и умчался.

— Кто этот неучтивец, как посмел он вырвать добычу из моих рук! — рассердился Гэсэр и погнался за удачливым соперником. Но, как ни старался Гэсэр, как ни гнал гнедого коня, не мог он догнать всадника в синем одеянии, что сидел верхом на кроваво-рыжем коне. Уже Гэсэр и пронзительным

криком кричал, и тонким, и угрожающим, а всадник мчался, не оборачиваясь. Тогда Гэсэр вынул из кармана привезенный с небесных высот красный камень владыки ветров, раскрошил его своими сорока белыми зубами и развеял крошево в высоко распростертом небе. Рассеялся утренний туман, и наступила такая жара, что закипела пыль под ногами гнедого коня.

— Какой сильный мороз нагрянул внезапно! — воскликнул звонким голосом тонкостанный всадник и поплотнее натянул шапку из лисьего меха, надел доху из волчьего меха и, покрытый инеем, поскакал дальше.

Увидел Гэсэр, что не сломить всадника засушливой жарой, и вызвал с помощью красного камня неслыханную стужу. Налетел такой снежный, морозный буран, что ломались рога у быков, отрывались хвосты у лисиц.

— Какая жара внезапно наступила! — долетел до Гэсэра звонкий голос тонкостанного всадника.

Увидел Гэсэр, что сидевший на кроваво-рыжем коне стрелок снял с себя волчью доху, снял шапку из лисьего меха, остался в шелковой рубашке цвета морской волны да еще ворот раскрыл. Издевался он над Гэсэром, что ли!

Гэсэр ударил в ярости гнедого коня по правому бедру, и Бэлыгэн взвился между небом и землей. Полетел Гэсэр над гребнями высоких гор, над вершинами лесных чащоб, над влажными травами степных равнин — вот-вот догонит он кроваво-рыжего коня, но неожиданно широко и могущественно заблестало бессмертное синее море, и кроваво-рыжий конь вместе со своим тонкостанным седоком скрылся в морской пучине.

Гэсэр призадумался на мгновение. Как быть? Гнаться за всадником дальше? Но тогда погибнет Бэлыгэн в глубине моря. Подумав, привязал он гнедого коня к древку своего копья, воткнув острие в прибрежный песок, а сам, засучив рукава до локтей, заткнув красные полы халата за кушак, опустился на морское дно.

Оказалось, что в глубине моря процветает страна морско-

го царя Лосона, обильная солнцем и травами. Издали сиял дворец Лосона, достигавший морского поднебесья. Литое золото северной стены озаряло народ севера, литое серебро южной стены было источником света для кочевий юга. Увидел Гэсэр: возле ярко расписанной серебряной коновязи стоял, привязанный к ней алым шелковым поводом, кроваво-рыжий конь.

Гэсэр с величавым достоинством перешагнул, не оставляя ни соринки, через мраморный порог, открыл жемчужную дверь и вошел во дворец. Слегка приоткрыв полог, он увидел покой для гостей. За столом сидел белобородый старик с добротой и важностью в зорких глазах, а рядом с ним — тот самый всадник в синем одеянии, за которым тщетно гнался Гэсэр.

Всадник сидел без шапки, и оказалось, что то не мужчина, а девушка необыкновенной красоты. Косы по ее спине сбегали вниз, как два блестящих черных водопада. Со слезами в голосе девушка жаловалась отцу:

— С тех пор как я родилась на свет, не знала я, что такое испуг, а теперь впервые испугалась. Не вы ли, отец, мне всегда говорили: «Нет на земле такого четвероногого существа, чтобы решилось догнать твоего коня, нет на земле такого сына, чтобы вздумал помериться с тобой силой и проворством»? Оказалось, что есть такой сын на земле. Выйдя из глубины моря, охотилась я в горах Алтая. Издалека увидела я всадника, чье лицо поразило меня. Если заглянешь ему в глаза, — в них величие и пламя гнева, если посмотришь на его лицо, то на нем, хотя и некрасивом, начертаны решимость и отвага, если пожелать найти сравнение его стану, то на память придет горный хребет. Я подумала: «Кто он, мешающий моей охоте?» — и три дня и три ночи гнала от него зверей, даже из носа серой мышки не дала ему крови пролить. Всадник сердился, а я, сокрытая от его глаз, смеялась. Внезапно показался на пестрой поляне красавец изюбр. Всадник быстро натянул свой богатырский лук, радуясь добыче, но я первая пустила стрелу, первая убила изюбра, пер-

вая навьючила добычу на седло и поскакала. Тогда-то я поняла, что и всадник владеет чародейными силами. Он вызвал невыносимую жару, такую, что плавилась земля под ногами моего коня, он заставил горы дрожать от холода, он так быстро гнался за мной на своем гнедом коне, что мог бы меня догнать, если бы не задержался на мгновение на берегу, пораженный тем, что я скрылась в морской глубине. Кто же этот всадник, заставивший меня впервые за все мои девические годы испугаться?

Удивленный не менее, чем дочь, белобородый Лосон взял в руки морскую зыбь, служившую ему Зеркалом Времен, пристально, с тревогой вгляделся в прозрачную зыбь, и разгладились морщины на его старом лице, и он сказал с весельем в голосе:

— Давно это было, дочь моя, когда еще позднее не настало, когда еще раннее не начиналось. На сходе владык и старейшин обменялись мы с Хурмасом, правителем Западных небес, ножом и огнивом, вступили в договор. Выкурив, обменялись мы серебряными трубками, стали называть сроки. Съели мясо с одного вертела, порешили стать сватами. Сказал нам белоликий мудрец Заян, создатель жизни на земле: «Мальчик с колыбели — муж, девочка с пеленок — жена. Соедините головы ваших детей». Так, по совету Заяна, мы соединили голову Бухэ-Бэлигтэ, среднего сына Хурмаса, с твоими черными косами, милое дитя мое. Теперь Бухэ-Бэлигтэ сошел на землю, чтобы избавить людей от зла, спасти от гибели. Земное имя его Гэсэр, земные подвиги его уже начались. Поняла ли ты, моя единственная, что жениха своего ты встретила в горах Алтая, жениха на гнедом коне Бэлыгэне! Если Бухэ-Бэлигтэ — самый отважный из небожителей, то Бэлыгэн — самый проворный из коней небесных табунов. Только такой всадник и только на таком коне может тебя догнать, только он — и никто другой на земле.

Алма, морская царевна в синих одеждах воина, не хотела успокоиться:

— Разве вы только сейчас узнали, что я девушка? Почему

же вы раньше не сказали мне, что с колыбельных дней я — невеста? Выходит так, что обучили вы меня метать стрелы из лука, как надлежит мужчине, а не обучили меня вежливо и ласково встречать жениха, как подобает невесте!

С плачем побежала Алма по светлому покою для гостей, распахнула полог и увидела того, кто гнался за ней по просторам Алтая. Гэсэр схватил морскую царевну за предплечья. Попыталась вырваться Алма из его железных круглых рук, уже морского поднебесья коснулась, но крепко держал ее Гэсэр в богатырских объятиях. Попробовала Алма вырваться на землю, уже коснулись ее черные косы морского берега, но Гэсэр не выпускал ее. Когда Алма затихла в его объятиях, Гэсэр сказал:

— Вот закон людей: путника из далекой страны пригласи войти в дом, странника с далекой реки напои водой, а потом можешь состязаться с ним в силе и проворстве.

Присмирившая, успокоенная, пошла Алма во дворец, а следом за нею — Гэсэр. Вступив в покой для гостей, он почтительно поклонился белобородому, седовласому морскому царю. Лосон посмотрел на будущего зятя глазами ласки и доброты. Алма накрыла серебряный стол, поставила вкусное угощение, разлила крепкое вино. Стали два богатыря, старый и молодой, с тонкостью и пониманием, с красноречием и мудростью вспоминать о делах бывшего, о родословной всего растущего. Говорили они так долго, что море покрылось пеной и трава зазеленела на голых скалах.

Алма слушала Гэсэра и дивилась его уму и знаниям, блеску его речей и крепости его стана. По сердцу пришелся ей богатырь, с которым когда-то обручил ее отец. И, хотя ей говорили, что Гэсэр некрасив, казалось ей, что краше она не видела юношей. Не потому ли так ей казалось, что любовь озарила ее сердце светом мудрости?

ЯГОДА ЗАБВЕНИЯ

Устроили свадебный пир. Тридцать три богатыря Лосона с женами и дружинниками воссели за свадебными столами. Соединили две головы, гуляли девять дней. На утро десятого дня Гэсэр сказал тестю:

— Детеныш пятнистого оленя тоскует без матери, жеребенок скучает без молодой кобылицы, его родившей, берцовая кость сохатого не умещается в котле, человеку тесно на чужбине, он чахнет вдали от родины, вспоминая землю, на которой родился, вспоминая реку, из которой сделал первый глоток. Пора мне вернуться домой, пора показать старым родителям новую дочь — морскую царевну.

Отец Алмы не хотел расстаться с единственной дочерью, да и дочь любила отца, молода еще была, не хотела его покидать, навсегда покинуть морское царство. Ничего она не сказала, только быстро поднялась с места и принесла юному супругу своему черно-алую, будто от ожога, круглую ягоду. То была ягода забвения. Проглотил ее Гэсэр — и все позабыл: и себя, и своих старых родителей, и свою заветную цель — спасти людей от зла, спасти живое от гибели.

Так прожил он у морского царя три года, стал пастухом его кроваво-рыжих коней. Напоминал он пьяного, правую

руку от левой отличить не мог, что-то пел, как безумный шаман, и уже не вспоминал о земле, на которой родился, о реке, из которой сделал первый глоток.

Небожители растревожились.

— Что это, — говорили они в смятении, — не слышно на земле голоса Гэсэра, не раздается ржание его гнедого коня? Неужели погиб Гэсэр, так и не исполнив своего долга?

Небожители повелели старшей сестре Гэсэра, чернобровый Эржэн, разыскать Гэсэра. Эржэн трижды обошла просторы юной земли, обошла их и в четвертый раз, искала холодные следы брата — не нашла, искала следы горячие — не увидела их. Уже отчаявшись, решила она попытать счастья в глубине моря. Когда она достигла морского берега, то увидела: острое копьё Гэсэра высится на прибрежном песке, на древке птица свила гнездо, а к середине древка привязан гнедой конь Бэльгэн. Видно было, что давно уже стоял конь на привязи, уже и мох вырос на его груди и дал ростки ствол дерева на его спине, а сам богатырский конь так отошал, что сделался меньше годовалого жеребеночка-лончака, превратился в остов, едва покрытый мясом.

Горько стало на душе у Эржэн. Ведь гнедой конь был скакуном ее отца Хурмаса, был другом ее детских лет. Что стало с милым братом Бухэ-Бэлигтэ?

Чтобы не узнали ее в морском царстве, превратилась Эржэн в белую лебедь и погрузилась в море. Увидела она зеленое пастбище, а на нем — табун красноцветных коней, а паст коней ее брат: сидит на камне посреди табуна, сидит, как пьяный, поет-шаманит что-то непонятное.

Эржэн приняла свой истинный облик, но Гэсэр ее не узнал, продолжал распевать, как обезумевший шаман. Тогда Эржэн ударила брата в левую щеку, ударила в правую щеку. Гэсэр удивился, раскрыл рот, а оттуда выпала ягода забвения, такая же черно-алая и круглая, как и тогда, когда Гэсэр ее проглотил. А Эржэн снова превратилась в белую лебедь и поднялась, чтобы покинуть морское царство.

Гэсэр вдогонку пожелал ей счастливого пути, передал

привет отцу-матери, не земным, а небесным, потом изловил в табуне коня, уселся на него, поскакал на охоту, подстрелил сохатого, сварил мясо, поел и пошел к морскому царю.

— Смотри, — сказал он тестю, — вот берцовая кость сохатого, не умещается она в котле. А душа человека не умещается в чужой стране. Воли хочет душа, а воля только там, где шумит река, из которой впервые пил воду, только там, где под ногами коня бежит земля, на которой родился.

Лосон понял, что Гэсэр освободился от сладкого яда забвения, что не удержат его на чужбине. Приказал он дочери собраться в путь, отправиться на ту землю, где родился Гэсэр. Отдал он дочери и зятю половину своих запасов золота и серебра, половину своих стад, отдал им триста ратных вождей, и три тысячи простых стрелков, и тридцать три богатыря вместе с их женами, с почетом проводил молодых до морского побережья.

Выйдя из пучины моря, Гэсэр увидел: к древку копья, чье острие воткнуто в прибрежный песок, привязан его гнедой конь, да уже не похож Бэлыгэн на коня, а похож на остров, едва прикрытый кожей. Надо было бы снять седло, да прилипло оно к потнику, а как дотронуться до потника, если он сросся с телом коня? Мох вырос на груди гнедого, ствол дерева на спине дал ростки.

Гэсэр заплакал. Он обнял коня за шею, стал гладить его, как жеребеночка, ласкать, как годовалого лончака. От жарких слез, пролитых на коня, размякли седло и потник, и Гэсэр осторожно снял их. Потом он очистил грудь гнедого от мха, освободил его спину от ствола дерева, омыл его, напоил чистой водой, накормил мягкими и нежными травами.

Так прошло тридцать дней. Снова стал Бэлыгэн сильным и могучим конем. Настала пора и копьё вытащить из прибрежного песка. А на древке копья птица свила гнездо и уже высиживала птенцов. Гэсэр перенес гнездо на соседнее дерево, выдернул копьё, сел на коня и пустился в путь вместе с молодой женой, со скотом-добром, с тридцатью и тремя богатырями, с тремястами ратных вождей и тремя тысячами

простых стрелков и их женами. Отправились они в ту долину, чье имя Морэн, на берег реки Мунхэ.

Три года не было вестей о Гэсэре, — как же обрадовались его возвращению родные: и отец его Сэнгэлэн, и мать Наран-Гохон, и дядя Саргал, и сыновья Саргала! Изумились они, увидев огромные стада и табуны, еще больше изумились, увидев могучих тридцать и трех богатырей с их воинами, но самым великим изумлением они изумились, увидев жену Гэсэра, красавицу Алму — стрелка с колчаном и луком.

Старики заплакали слезами счастья, устроили второй свадебный пир — на родине жениха. Пили, ели, гуляли, веселились девять дней. На утро десятого дня повел Гэсэр тридцать три богатыря, и тридцать полководцев, и три тысячи простых воинов в тайгу. Стали рубить деревья, стали строить дворец для Гэсэра и Алмы. Воздвигли дворец посередине долины Морэн, на берегу реки Мунхэ. Сверху казался дворец сияющей каплей, упавшей с неба. Наружные его стены были окованы серебром, внутренние — золотом. Из семи тысяч нижних окон двухъярусного дворца можно было увидеть сияние семи тысяч планет, из пятидесяти пяти тысяч верхних окон можно было взглянуть на синеву и голубизну Пятидесяти Пяти Западных небесных держав. Порог дворца был из мрамора, двери — из жемчуга, а витые ручки на дверях — из серебра. И ступени были из серебра и такие гладкие, что по ним бы бегать в запуски кобылицам с жеребятами.

Когда дворец был построен, Гэсэр сказал:

— Есть у меня жена, прекрасная, как заря над синевой моря, есть у меня тридцать три богатыря с воинами и полководцами, и они могучи, как морские утесы, есть у меня дворец, и он подобен сияющей капле, упавшей с неба. Все у меня есть, кроме покоя и счастья. А покой и счастье придут ко мне, когда будут уничтожены все чудовища, когда человеческому роду не будет угрожать поголовная гибель. Кончилась пора забав. Начинается время подвигов!

КУСОК ЗМЕИНОЙ КОЖИ

Самым хитрым из чудовищ, самым чудовищным из хитрецов, как мы уже знаем, был Гал-Нурман. Это он сотворил желтых, серых и черных шулмусов и сделался их главой. Это его злокозненные бесы отравляли родники, озера и реки, наполняли страшным ядом корни трав и деревьев, это они напустили на землю поварные болезни, чуму и моровую язву, это из-за них погибало на земле все живое.

«С него и надо мне начать», — подумал Гэсэр и пришел к дяде своему Саргалу за советом.

Саргал покачал седой головой:

— Слишком рано вздумал ты начать битву с Гал-Нурманом. Его волшебства пока еще сильнее твоих волшебств, его злокозненные бесы сильнее твоих тридцати трех рожденных в море богатырей. А если говорить об источнике волшебств этого чудовища, то надо тебе сказать, племянник, что сам Гал-Нурман, хотя и хитер и жесток, был бы не так страшен, если бы ему не помогала отрубленная голова Атай-Улана: в ней-то источник его волшебств. Превращенная в чудовище, по имени Архан, эта голова находится между небом и землею. Оно радуется, коварное чудовище, видя на земле гибель

всего живого, но оно злится, видя на небе солнце и луну: оно хочет их проглотить — и не может, и ярость охватывает Архана, когда видит над собой луну, прогоняющую мрак ночи, видит солнце, чье сияние молодит землю и помогает всему растущему расти. Знает Архан: хотя и гибнут люди, растения, птицы и звери от повальных болезней, но, пока ночью светит луна, прогоняя мрак, пока солнце дает живому силу роста, трудно Гал-Нурману и его бесам навсегда уничтожить жизнь на земле. Вот почему злится Архан, вот почему исходит бешеной слюной. Ты, Гэсэр, вырос быстро, ты уже можешь помериться силой с Гал-Нурманом, и кто знает, может быть, тебе удастся ослабить его коварство и злобу, но победить его сейчас ты не сможешь, ибо источник злобной мощи Гал-Нурмана — в чудовище, повисшем между небом и землей, а его ты одолеешь только через девять лет. Не огорчайся, можешь и подождать немного, ведь битва твоя с чудовищами — не на один день, не на один год, она будет долгой, как время.

Гэсэр был недоволен словами дяди и наставника своего Саргала. Он сказал:

— Что же, проведу я еще девять лет в бездействии, буду наслаждаться любовью моей красивой жены, и охотой в тайге, и блеском своего дворца, а в это время люди будут умирать от болезней, дети — сиротеть, матери — оплакивать мертвых детей? Не для этого родился я во второй раз, не для этого пришел я на землю!

Когда Гэсэр так отвечал Саргалу, вошел во дворец невысокого роста старый человек. Он почтительно поклонился хозяевам, произнес, как велит обычай, слова благопожелания, внимательно посмотрел на дядю и племянника и спросил:

— Кто из вас, добрые люди, богатырь Гэсэр? Тот, кто постарше, или тот, кто помоложе?

— Я Гэсэр, — сказал тот, кто помоложе.

— Правда ли, — продолжал спрашивать старик, — что ты, Гэсэр, уничтожил одного из бесов Гал-Нурмана, косого ламу?

— Через девять лет я уничтожу всех бесов вместе с Гал-Нурманом! — твердо сказал Гэсэр.

— Тогда ты-то мне и нужен! — воскликнул старик. — Я родом из северных кочевий. До того, как расплозились гады и змеи по земле, были наши поля чистыми и блестящими, как зеркала. До того, как выжгли их суховеи, широкие степи наши лоснились изумрудной травой. До того, как их отравили ядом, реки и озера поили нас влагой жизни. Теперь трава у нас выгорела, реки и озера высохли, земля потрескалась от засушливого зноя, язва и чума уничтожили наши стада, умирают от повальных болезней дети и старцы, мужчины и женщины. Помогите людям, Гэсэр! Сто двадцать дней шел я к тебе, как посланец людей, паучьим жиром губы обмазал, чтобы не голодать в пути. Если ты жалеешь малых ребят, — помоги. Если ты не в силах спокойно слушать плач матерей, — помоги. Помогите людям, Гэсэр.

Слова старого человека потрясли Гэсэра. Он приказал созвать тридцать три своих богатыря и их жен и так обратился к ним, и к своим родителям, и к дяде своему Саргалу:

— Завтра, как только покажется красное утреннее солнце, отправимся в поход на Гал-Нурмана. Соедините все разбросанное, зашейте все разорванное!

Взошло красное утреннее солнце. Гэсэр и его тридцать три богатыря надели доспехи битвы, оседлали коней, сели верхом и, повторяя движение солнца, объехали слева направо дворец и помчались на битву. А путь их лежал к бестравной, бесплодной, бессолнечной равнине Хонин-Хото, где Желтая река, разбившись о три порога, низвергается водопадами, где обитал Гал-Нурман со своими разноцветными шулмусами.

За день покрывали пространство, равное году езды, за ночь — просторы длиною в три года скачки. Уныла и печальна была дорога богатырей. Созданные бесами ядовитые туманы низко клубились над землей. Сок жизни вытекал из деревьев. Растения умирали от неведомой отравы. Птицы, обезголосев на лету, падали на израненную землю, как без-

душные камни. Русла высохших рек задыхались в пыли. Редкими были поселения — смерть уносила людей, как река в половодье уносит ветки и стебли трав. А травы превратились в серый пепел, не роса блестела на них, а людские слезы.

Услыхали богатыри немолчный рев трех водопадов: открылась перед ними бесплодная равнина Хонин-Хото. Всадники взобрались на двуглавую гору и увидели обиталище Гал-Нурмана.

— Как распахнем ворота войны? — спросил Гэсэр. — С чего начнем битву? И кто начнет ее?

— Я начну, — сказал один из тридцати трех богатырей. Имя его было Шумар, и был он похож, рожденный в море, на морской утес.

Стремительно, как пущенный из пращи камень, помчался всадник Шумар и достиг жилища Гал-Нурмана. Один из бесов, желтоцветный, с желтым хохлом, в шапке без тульи, в унтах без подошв, с телом без тени, сидел на сухой земле, надув щеки. Когда серное дыхание вырывалось из его пасти, мошकारа, летавшая над ним, превращалась в пыль. Шумар на всем скаку закинул аркан, сделанный из крепких морских водорослей, и желтоцветный шулмус стал пленником. Он заорал так громко, что пыль, клубившаяся над ним, затрепетала и снова превратилась в мошкару. Услыхав шум, Гал-Нурман выбежал из своего обиталища и всеми тысячами завидующих глаз увидел быстро скачущего к двуглавой горе всадника, в аркане которого кричал, вопил, плакал желтоцветный бес. Гал-Нурмана охватило смятение. Он вернулся в дом и раскрыл дрожащими руками листы Книги Судеб, которая досталась ему от Атай-Улана: ведь когда-то Гал-Нурман был опорным позвонком бычьей шеи правителя Восточного небесного царства!

Наконец нашел Гал-Нурман ту страницу, которую искал. Сбегающие сверху вниз буквы гласили:

Снаряжением битвы гремя,
Проторивший дорогу правую,

Прискакал с тридцатью тремя
Богатырь на гору двуглавую.
То — Гэсэр, опора униженных,
Умирающих в юртах и хижинах;
Он врага одолеет со славою!

Душа Гал-Нурмана устрасилась. Он снова выбежал из своего обиталища и стал кружиться вокруг него, как безумный, и десятью тысячами глаз, пылавших на его спине, он увидел, что высоко на двуглавой горе Гэсэр и его воины жгут желтого беса, а иные уже стоят с лопатами, чтобы собрать и развеять пепел на все четыре стороны света.

«Беда!» — подумал Гал-Нурман. Бессильный испуг проник в его сердце, полное ненависти ко всему живому. — Давно ли я потерял самого сильного из тридцати черных шулмусов, превратившегося в кособокого ламу, в святого паломника, а теперь и второй сожжен, самый проворный среди желтых!»

Гал-Нурман позвал главу тридцати серых шулмусов. Тот предстал перед своим создателем и хозяином, держа в лапах грязный котел с серой тухлятиной. Гал-Нурман сказал се-роцветному:

— Брось-ка на землю котел, успеешь поесть. Вот тебе кусок змеиной кожи с изображением головы Атай-Улана, которую я когда-то подпирал. Попробуй метнуть. Если кусок змеиной кожи упадет изображением вверх, то моя победа, если упадет изображением вниз — победит Гэсэр.

Метнул серый бес, и кусок змеиной кожи упал изображением вниз. Гал-Нурман рассердился, сжал челюсти, заставил серого беса метнуть еще раз. Снова кусок змеиной кожи упал изображением вниз. Тогда глаз на лысой макушке Гал-Нурмана вспыхнул пламенем злобы, и тысячи глаз на груди и спине то закрывались в бессилии, то открывались в ярости. Приказал Гал-Нурман метнуть еще раз. Бес, откинув лапой на ухо серый хохол, метнул в третий раз, наклонился и крикнул виноватым голосом:

— Опять выходит, что победит Гэсэр!

Гал-Нурман разгневался так, что на миг ослепли от гне-

ва тысячи его глаз спереди и сзади. Он схватил беса за ноги, головой с серым хохлом стукнул его о твердую землю, и серый бес превратился в столб серой пыли, и столб рухнул, и пыль развеялась по равнине Хонин-Хото.

Страх обуял бесов. «Двух раньше потеряли, третьего Гал-Нурман убил сам, того и гляди все погибнем». Так рассуждая, пришли они к Гал-Нурману с похвалой и лестью:

— Напрасна твоя тревога, умерь свою великую ярость. Разве можно доверять судьбу жалкому куску змеиной кожи? Колдовство твое сильнее чародейных сил Гэсэра, у тебя есть то, чего нет у него: смертоносная злоба, всевластная жестокость, всепобеждающее коварство. У тебя есть заступник — Архан, живущий между небом и землей, Архан, который скоро навсегда проглотит солнце и луну, Архан, с которым ты составлял единое целое, когда опиралась на тебя голова Атай-Улана, — кому же суждена победа, как не тебе?

Гал-Нурмана успокоили эти слова, он повеселел, в тысячах глаз загорелась прежняя уверенность, он облачился в доспехи битвы и помчался на двуглавую гору. Восемьдесят семь злокозненных бесов сопровождали его. Увидев Гэсэра и тридцать три его богатыря, понял Гал-Нурман, что не легкою будет битва. Тогда он крикнул сладким голосом коварства:

— Разве я макал свои пальцы в твоей похлебке, Гэсэр? Разве я сжимал своими ногами бока твоих коней? Разве я убил твоего отца и ты пришел с мстостью? Разве я пролил кровь твоей матери и ты требуешь возмездия?

Ответ Гэсэра был таков, и казалось, что его услышала вся земля:

— Не с мстостью за отца я пришел, не требуя возмездия за кровь матери, начинаю битву. Я пришел потому, что ты убиваешь на земле все живое, потому, что отравой напоил ты землю и дети гибнут во чреве матери. Я пришел потому, что ты — бесплодье, бестравье, безлюдье. Начнем битву!

ДЕРЖАВА РАННИХ ЖАВОРОНКОВ

Увидев, что коварство не помогло, Гал-Нурман скосил вправо четыре тысячи глаз на груди, скосил влево десять тысяч глаз на спине, из единственного глаза на лысой макушке вырвалось пламя, смешанное со зловонным дымом, и чудовище ринулось на Гэсэра.

Противники разъярились, как лоси, поднатужились, как быки, взлетели, как коршуны. Двуглавая гора затряслась под ними, вихри взметнулись под копытами их коней. Дневное небо стало ночным, ночное небо превратилось в собственную тень. Гал-Нурман, обнажив желтый булатный меч, отсекал Гэсэру левую руку, но тот приложил к отсеченной руке кусочек коры сандалового дерева, привезенный с неба, и рука снова соединилась с телом, как глина с глиной. Тут Гэсэр отсекал богатырским булатом правую руку Гал-Нурману, но из правого плеча чудовища выросла новая рука: то было одно из его тысячи и трех чародейств. Пытался Гэсэр пронзить мечом глаза Гал-Нурмана, но ведь у чудовища было четыре тысячи глаз спереди и десять тысяч сзади, и все они пылали неистребимым, казалось, пламенем, смешанным с дымом, и не хотели погаснуть.

Между тем Гал-Нурман не переставал наносить свои смертельные удары. Гэсэр стал слабеть, белые зубы покрылись чернотой, сверкающие глаза закатились: не напрасно ли Гэсэр начал битву с Гал-Нурманом на девять лет раньше заповеданного срока?

Седовласая бабка Манзан-Гурмэ, глядя в Зеркало Времени, увидела, что слабеет Гэсэр, что скоро покинут его душа и дыхание. Она повелела, чтобы к ней пришел старший брат Гэсэра, лучший стрелок из лука Заса-Мэргэн, и сказала ему:

— Бухэ-Бэлигтэ, принявший на земле облик Гэсэра, погибнет в битве с Гал-Нурманом, если ты не придешь на помощь. Гэсэр не знает — а открыла мне это Книга Судеб, — что сила Гал-Нурмана — в его единственном глазу на лысой макушке. Этот глаз не погаснет до тех, пока будет висеть между небом и землей голова Атай-Улана, превращенная в чудовище, по имени Архан. Иди и уничтожь оборотня.

Заса-Мэргэн облачился в доспехи боя, сел на коня, серого, как ястреб, и помчался с небес на землю. Еще и середины пути не достигнув, услышал он за спиной топот. Он оглянулся, — на девяти железноногих крылатых скакунах приближался к нему небожитель-громовержец Хухэрдей, а за ним, верхом на трех ураганах, скакали три брата — повелители молний с необъятными луками в руках.

Сила Заса-Мэргэна удесятилась, когда он услышал их голоса:

— Если Гэсэр помогает людям, если ты помогаешь Гэсэру, то мы должны помочь тебе!

На рассвете на пространстве между небом и землей они увидели Архана. Чудовище, которое не могло подняться на небо и упасть на землю, исчадье зла, жаждавшее проглотить солнце и луну, сверкало пестро-полосатым алчущим глазом, скалило напоенные ядом клыки.

— Уйди с нашей дороги! — крикнул Хухэрдей, и от крика громовержца вздрогнули небо и земля. — Уйди, потому что ты живешь без цели, потому что ты, Архан, никому не нужен, кроме смерти, и смерть настигнет тебя.

Архан прохрипел в ответ:

— Одна у меня цель — чтобы не стало жизни на земле, чтобы голубые и белые небеса покорились черным и серым. Радует людшек лунный свет среди мрака ночи, — вот и проглочу я луну. Молодит землю сияние солнца, — вот и проглочу я солнце. Ты сказал, что я никому не нужен, — это ложь: я нужен самому себе!

— Если так, то пусть погибнет тот, кому ты нужен! — крикнули три брата, что сидели верхом на трех ураганах, и метнули стрелы-молнии.

Три пламени вспыхнули ярче солнца и звезд, три стрелы вонзились в полосато-пестрый глаз чудовища. Глаз выкатился и упал на землю, как падучая звезда. Архан ослеп.

Чудовище завывало по-волчьи, а громовеержец Хухэрдей налетел на него на девяти железноногих крылатых скакунах и столкнул чудовище в бездну. И, ломая на пути горы, сокрушая туманы, истребляя леса, свалился Архан в пучину океана. Лишившись души и дыхания, Архан заснул вечным сном на дне океана, превратился под водой в бездушную скалу.

Заса-Мэргэн, поблагодарив небожителей, поскакал на равнину Хонин-Хото. Поднявшись на двуглавую гору, он увидел, что Гэсэр ослабел, как малое дитя, что Бэльтгэн обессилел, как трехмесячный жеребенок, что смерть приближается к коню и всаднику. Он крикнул:

— Гэсэр, брат мой! Душа и дыхание Гал-Нурмана — в единственном его глазу на лысой макушке!

Голос брата вернул Гэсэру богатырскую силу. Гэсэр натянул тетиву лука, метнул стрелу, и она вонзилась в глаз Гал-Нурмана на лысой макушке. Из глаза вырвалось пламя, смешанное со зловонным дымом, и потухло. Гал-Нурман ослеп точно так же, как утром ослеп Архан; ведь оба они когда-то составляли единое целое! Гал-Нурман упал, упершись безглавой головой в одну из каменных голов горы. Гэсэр спешился, наклонился над ним. Гал-Нурман был мертв. Но, хотя душа и дыхание отлетели от него, тысячи глаз спереди и сзади продолжали пылать ненасытным пламенем.

— Спасибо тебе, Заса-Мэргэн, — от всего великого своего сердца поблагодарил старшего брата Гэсэр. — Хорошо младшему, когда у него есть старший.

А Заса-Мэргэн сказал:

— Хорошо старшему, когда он может помочь младшему.

Так задушевно говорили братья и не заметили, что сотворенные Гал-Нурманом девяносто без трех бесов усакаали на разномастных конях с горы на равнину. Тогда тридцать три рожденных в море богатыря помчались за ними, изловили их, связали и бросили рядом с телом мертвого чудовища. Бездыханного Гал-Нурмана и вопящих желтых, серых и черных бесов навьючили на коней, и богатыри покинули бестравную, бесплодную равнину Хонин-Хото.

Опережая лесной ветер, достигли Северной тайги. Богатыри вырвали из земли деревья, развели костер и сожгли Гал-Нурмана и бесов. Быстро сгорели чудовища в огне возмездия, но долго еще пылали среди костра пламенем злобы тысячи глаз Гал-Нурмана. И, когда чудовищ сожгли и развеяли золу на юг и на север, случилось чудо: зашумели живой водой высохшие русла рек, зазеленели травы, замолкли свирепые суховеи, исчезли с лица земли змеи и гады, зазеленели травы, заулыбались цветы, зазвенели голоса женщин и детей, защебетали птицы, уползли неизвестно куда ядовитые туманы, залечились раны потрескавшейся от засушливого зноя почвы — жизнь снова стала утверждаться на земле.

А когда богатыри возвратились домой и все родные и близкие выбежали им навстречу, увидел Гэсэр, что старый Сэнгэлэн снова стал сильным богатырем, властителем Голубой страны, что колченогая, одноглазая, однорукая старуха, дочь Солнца Наран-Гофон, снова стала молодой и красивой, что голос у нее — как у жаворонка, и что тысячи жаворонков поют над его дворцом песню утра, и звуки песни, как капли вечности, падают на счастливую землю. «Мы, люди, — побратимы жаворонков», — подумал Гэсэр.

С тех пор благодатную, цветущую страну Гэсэра стали называть Державой Ранних Жаворонков.

ТИГР ОРГОЛИ И ТРИ КОВАРСТВА

Под защитой Гэсэра люди в Державе Ранних Жаворонков зажили в довольстве и счастье. Повальные болезни не грозили ни им, ни их стадам, ни растениям, ни птицам. Три раза в день люди ели мясо и пили арзү-хорзү, как будто шел у них свадебный пир; трижды в году они собирались на большие праздники и каждый раз гуляли и веселились по девять дней и ночей. Кони и быки, овцы и коровы топтали беспредельные луга, благоухала изумрудная трава, голубые и белые небеса радостно отражались в реках и озерах.

Три богатых ханства объединяла Держава Ранних Жаворонков — Белое ханство доброго белоглавого Саргала, Голубое ханство почтенного синеглазого Сэнгэлэна и Черное ханство криводушного Зутана. Из этих трех братьев один был отцом Гэсэра, другой — его наставником, а Зутан — его тайным ненавистником: завидовал он славе Гэсэра, завидовал тому, что люди благословляют имя Гэсэра.

А далеко-далеко от Державы Ранних Жаворонков, на необъятных просторах юной земли, еще свирепствовали духи зла, уничтожая все живое. То были тигр Орголи, в которого перевоплотилась правая рука Атай-Улана, чудовище Шэрэм-

Мината, некогда бывшее левой рукой Атай-Улана, и другие оборотни, о которых речь впереди.

Тигр Орголи, хозяин Восточной тайги, был подобен горному хребту, одетому в полосатую шкуру. Когда тигр раскрывал пасть, он своим дыханием втягивал в нее с расстояния в сорок верст деревья Восточной тайги, а с расстояния в шестьдесят верст — людей восточных кочевий, и людской плач сквозь леса и горы, реки и равнины доходил до самого сердца Гэсэра, и оно сжималось от боли и любви к людям. И вот с сердцем, переполненным любовью и болью, Гэсэр сказал:

— Не пора ли нам начать битву с тигром Орголи?

Красавица Алма, чья душа была душой Гэсэра, одобрила его слова и добавила:

— Говорят, что тигр Орголи не только пастью своей страшен, — он страшен и хитростью, он — обладатель коварств. Прежде чем начать с ним битву, посоветуйся, муж мой Гэсэр, с морским царем, с моим отцом Лосоном, чья мудрость и знания велики.

Зутан, чтобы обидеть Алму, ибо ее любил Гэсэр, криво усмехнулся:

— Есть пословица, Гэсэр: «Не верь скачке молодой кобылицы, не слушай слов молодой жены».

От кривой усмешки криводушного Зутана богатырь Гэсэр вспыхнул, как костер в лесу. Когда его Алме наносили одну обиду, в сердце Гэсэра вонзалось десять жгучих обид. Но, не желая спорить со старшим, он подавил свой гнев и сказал:

— Тридцать три богатыря, ясные душой, как безоблачный свет весеннего дня, прямые нравом, как бесколочатые камыши! На то и чуток слух, чтобы слушать людскую скорбь, для того и зорки глаза, чтобы найти дорогу помощи людям. Завтра, на заре, отправимся в дальнюю Восточную тайгу на битву с тигром Орголи, но сперва я опущусь на дно морское, попрошу совета у тестя моего Лосоны.

Утром, когда пышущее здоровьем лицо солнца показыва-

лось сквозь рассветный туман, тридцать три богатыря, возглавляемые Гэсэром, а также Саргал и Зутан отправились к бессмертному синему морю, чей прибой своим мерным гулом услаждал берега. Тридцать три богатыря, рожденные в море, обрадовались тому, что снова увидят подводное царство. Вместе с ними опустился на дно моря Гэсэр, а белоголовые братья его отца остались на берегу стеречь гнедого коня Бэлыгэна: рожденный на небе, он не мог дышать в морской пучине.

Морской царь встретил зятя с добротой и лаской. Он усадил его на почетном месте справа, велел накрыть для Гэсэра и тридцати трех богатырей золотой стол, велел поставить гору мяса и курган масла, налить хмельную арзу-хорзу, измеряемую реками-озерами.

Гэсэр объяснил тестю, зачем пришел к нему. Тогда морской царь повел речь, начиная от событий седой древности, поведал о делах, происшедших раньше раннего. Дойдя до тигра Орголи, властитель моря сказал:

— Есть у этого чудовища три коварства, преграждающие путь к нему. Первое коварство — река. Она с шумом низвергается с многооблачной гряды. Стоит человеку приблизиться к реке, как рушатся ее тяжелые черные воды, будто воздвигается крепостная стена, и человек, захлебнувшись, тонет в черной реке. Второе коварство тигра обладает обликом собаки с золотой пастью. Эта собака, незримо для живых существ, обитает на вершине горы и кажется скалой, напоминающей пса. Неожиданно скала оживает, и собака с громким лаем бросается на путника, раскрыв золотую пасть, и путник гибнет от одного ее дыхания. Третья преграда на пути к тигру, третье его коварство даже облика не имеет. Это безликое коварство прячется в земных недрах, под тремя покровами почвы. Но только ступит ногой путник — земные недра разверзаются, и путник гибнет в бездне.

Так сказав, Лосон поднялся, открыл золотой сундук, достал оттуда волшебную трость, сотворенную из морского золота, и наставил Гэсэра:

— Возьми волшебную золотую трость. Когда на тебя хлынут тяжелые черные воды, низвергнутые с многооблачной гряды, подними трость и крикни: «Была ты черной рекой, стань целебным источником!» — и вода упадет перед тобой и станет источником, исцеляющим больных и страждущих. Поедешь дальше, достигнешь вершины горы, где скала похожа на пса. Когда неожиданно нападет на тебя собака, раскрыв с громким лаем золотую пасть, воткни в пасть золотую трость, говоря при этом: «Была ты бешеным псом, стань верным сторожем табунов-отар!» — и собака покорно пойдет за тобой. Поскачешь дальше, почувствуешь под тремя покровами почвы трясение земных недр. Тогда стукни о землю золотой тростью и прикажи: «Таилось ты, безликое коварство, в земных недрах, теперь превратись в золотой клад для людей!» — и тогда земля раскроется, но без коварства и злобы, и обнажатся груды сокровищ.

Гэсэр поблагодарил благородного Лосона за добрый совет и волшебную трость, почтительно и красиво, как велит обычай, распрощался с тестем и во главе тридцати трех богатырей вышел из пены морской на берег.

Увидев золотую трость, мудрый белоголовый Саргал обрадовался, а криводушный Зутан от злости слов не нашел, только покраснели его глаза и закипели, не смея вырваться наружу, черные думы в дурном сердце.

Всадники поскакали пониже распростертого синего неба, повыше зеленых древесных вершин, поскакали, соревнуясь со звездами, то мелькая в хвое, как белки, то взлетая над деревьями, как соколы. Увидели: с многооблачной гряды низвергается, преграждая путь, река, и напоминает она сплошную крепостную стену, состоящую из тяжелой черной влаги. Взлететь на конях над ней? Но она упирается в верхнее небо. Пройти низом? Но река уперлась в седьмое дно мироздания!

— Не проедем, — сказал со злорадством Зутан. — Бесмысленное дело затеял Гэсэр. Он еще молод, нуждается в совете, и вот мой совет: вернемся назад.

Эти слова не понравились Гэсэру, но он, уважая старость и родство, ничего не сказал дяде и, не желая ссоры, предложил:

— Станем на отдых. Надо поесть и коням, и всадникам. Вот бегут по луговине лани и козы. Метнем в них стрелы.

Гэсэр, Зутан и богатырь Буйдэн, сильнейший из тридцати трех, достав из колчанов стрелы, приложили их к натянутым тетивам. Взметнулась пернатая стрела Гэсэра и пронзила козу. Со свистом взвилась стрела Буйдана и вонзилась в лань. А стрела Зутана почему-то, будто с умыслом так ее метнул стрелок, пролетела, сперва задев кольчугу Гэсэра, и ранила Буйдана в руку. Из руки хлынула красная кровь.

Гэсэр посмотрел на Зутана с укоризной и молча двинулся к черной реке. Уже хлынули на него тяжелые, как камни, воды, но, прежде чем захлебнуться, Гэсэр успел поднять золотую трость и крикнуть:

— Стань, черная река, целебным источником, врачуй человеческие раны!

И сразу река исчезла, и открылось бесконечное зеленое пространство, а там, где падали, как тяжелые камни, воды черной реки, заблестал прозрачный источник. Богатырь Буйдэн окунул в него руку, и зажила рана, и рука стала еще крепче, еще сильнее.

Освеживали козу и лань, развели костер, стали жарить мясо на вертеле. Гэсэр достал из кармана серебряную, величиной с нерпу трубку, набил ее красным табаком из бархатного кисета длиной с рукав, выбил искры из огнива, разукрашенного серебряной чернью, зажег трут из лосиного уха, затянулся, лег. Легли на отдых и его спутники.

Так прошла ночь. Утром, когда улыбнулось миру широкойлицее, румяное солнце, всадники проснулись, освежились водой из целебного источника и помчались дальше.

Путь длиною в девяносто дней превращался в девятидневный. Миновали долину, и выросла перед ними высокая гора. Посмотрели вверх — показалось им, что вершина горы похожа на собаку. Не успели опустить глаза вниз, как выбежала

неизвестно откуда собака с золотой пастью и бросилась на Гэсэра. Но ловок был Гэсэр, увертлив! Он воткнул в золотую пасть собаки золотую трость и приказал:

— Стань сторожем стада, стереги людское добро!

И собака, покорно виляя хвостом, легла перед Гэсэром, зарыв морду в густую траву, а когда поднялась, то оказалось, что пасть у нее обычная, уже не золотая, но страшная для воров-волков.

Преодолев вторую преграду, всадники помчались по лесу, а собака от них не отставала. Внезапно кони в тревоге остановились: они почувствовали трясение земных недр. Собака стала в ожесточении рыть землю, как будто напала на чей-то таинственный след.

Гэсэр стукнул о землю золотой тростью морского царя и повелел:

— Ты, безликое коварство под тремя покровами почвы, стань драгоценным кладом для блага людей!

И земля разверзлась, и всадники увидели множество золота и серебра. Оставили собаку стеречь подземные сокровища и поскакали дальше, соревнуясь с ветром.

Вдали зазеленела опушка тайги. Но что это? Деревья на опушке сами вырывались из земли и взлетали, будто влекомые чьим-то могущественным дыханием. Всадники догадались, что это втягивает в себя деревья дыхание тигра Орголи. Тогда всадники поднялись на конях повыше древесных вершин, пониже небесных высот. А под ними, будто гонимые вихрем, летели деревья, птицы, травы, мелкое и крупное зверье — все живое, подчиняясь властному, мертвящему дыханию, стремилось в пасть тигра. И туда же помчались всадники, перелетев через высокую гору. Над их головами клубились облака, под ногами их коней качались верхушки деревьев. Огромные пространства долин и лесов уперлись в новую гору. Это была гора Сумбэр, и на восточном склоне ее всадники увидели чудовище, тигра Орголи.

Страшен был хозяин тайги в своей пестрой шубе, с разъятой пастью, из которой торчали корни дубов вместе с

землей. Тигр втягивал в свою пасть мертвящим дыханием могучую желтую змею, но та не сдавалась, жалила тигра, а он кусал ее в остервенении, раздирая на части ее длинное, извивающееся тело. И змея, взвившись, как плеть, вдруг скрутилась и исчезла в тигрином чреве. Орголи непомерным своим языком стал облизывать пасть изнутри и снаружи, облизывать раны от укусов змеи. Его прищуренные глаза были похожи на острые ножи, сработанные из свирепости и злости.

Зутан устранился постыдным страхом. Зуб у него не падал на зуб. Он крикнул криком безумного:

— Бежим! Еще мгновение, и мы вместе с бахвалом Гэсэром окажемся в пасти пестрого тигра!

Тридцать три богатыря дрогнули. Даже могучий Буйдан, даже отважный Шумар почувствовали в сердце трепет испуга. В самом деле, подумали они, если и тысячелетние деревья и холмы, покрытые травой, втягиваются в пасть чудовища, то что будет с нами? Тогда-то их сердца и уши услышали слова белоголового мудрого Саргала:

— Бойшься — не делай, а делаешь — не бойся. Если хотим жить с честью, то надо жить с Гэсэром. Если хотим умереть с достоинством, то умрем с Гэсэром.

Твердое слово придало богатырям твердости, и они отвернулись от речей криводушного Зутана и посмотрели на Гэсэра. Увидели они, что Гэсэр, держа в руке черное острое копье, мчится вниз на гнедом коне прямо в пасть пестрого тигра! С крепко бьющимися сердцами двинулись всадники вслед за Гэсэром, но остановились на вершине горы. А Гэсэр летел неудержимо в погибельную пасть. Гнедой конь стал легче ветра. Чтобы замедлить падение, Гэсэр на лету сорвал с горы камень величиной с жеребенка, но Бэльгэн и не почувствовал лишнего груза. Тогда Гэсэр сорвал камень величиной с барана, но и два тяжелых камня не стали для Бэльгэна трудной поклажей, он летел, опережая ветер, летел, влекомый смертоносным дыханием пестрого тигра. И слитный крик вырвался из глубин богатырских сердец: Гэсэр попал в пасть чудовища и скрылся за его клыками!

Но и в тигриной пасти Гэсэр оставался Гэсэром. С быстротой мысли воткнул он острое черное копье с семьюдесятью пятью нарезками между небом и нижней челюстью чудовища. Хозяин тайги бессильно взвыл от нестерпимой боли и позора. Затряслась гора Сумбэр под конями всадников, реки вышли из берегов, туманы столкнулись друг с другом, и ветры начали друг с другом биться насмерть. Уже казалось богатырям, что вот-вот они сорвутся с горы в бездну, в пасть тигра.

— Бежим! — снова сказал Зутан, дрожа на ветру от холода и страха. — Глупец племянник погиб в пасти чудовища. Погибнем и мы! — плакал, просил, уговаривал Зутан.

Но Саргал, подобный белоглавному утесу, был и непреклонен, как утес:

— Лучше погибнуть с Гэсэром, чем жить без Гэсэра!

Так сказав, Саргал ринулся на коне вниз, и копыта его коня коснулись пестрой шкуры тигра. Рядом с Саргалом оказался богатырь Буйдан. Могучий воин натянул тетиву необъятного лука и сказал:

— Сейчас прострелю тигра насквозь!

— Саргал, останови Буйдана, — послышался из тигриной пасти сдавленный голос Гэсэра. — Его стрела и меня пронзит насквозь!

А тигр Орголи бесновался. То падал он и становился похожим на ущелье, то вставал, уподобляясь горному хребту. Его душа, теснимая болью и стыдом поражения, подступила к пасти, и Гэсэр разрубил ее надвое булатным мечом. Рассеченная душа тигра вырвалась из пасти, как два урагана из ущелья, и тигр упал, чтобы уже не подняться, а Гэсэр вылетел из пасти вместе с его черной рассеченной душой и свалился на расстоянии трех суток быстрой езды.

Тридцать три богатыря и криводушный Зутан не поняли, что тигр мертв, они видели, как из его пасти вылетел Гэсэр, и решили, что мертв Гэсэр. В страхе они бросились вспять, но Гэсэр, скакавший им навстречу, закричал так громко, будто заревели сотни быков, будто затрубили тысячи лосей.

Богатыри устыдились и остановили коней перед Гэсэром, не смея взглянуть ему в глаза. А Гэсэр, одолев врага, спокойно вынул из кармана трубку величиной с нерпу, набил ее красным табаком из кисета, похожего на рукав богатырской дохи, и, выкурив трубку, повел всадников к мертвому тигру.

Он поднял булатный меч и рассек брюхо пестротелого хозяина тайги. Из рассеченного брюха стали медленно выползать, хмурясь от непривычного дневного света, звери разных пород и люди: пеший — пешком, верховой — на коне, кто с телегой — на телеге, кто с саними — на санях. И люди, радуясь жизни, свободе, свету дня, сказали Гэсэру слова благопожелания и благодарности, произнесли слова дружбы:

— Отныне где ты, там и мы.

Гэсэр подумал: «Из огромной шкуры тигра отменная выйдет одежда-обужа!» — и велел снять с тигра шкуру. Оказалось так много меха, что получили шубу и Саргал, и Зутан, и тридцать три богатыря, а Гэсэру только одна рукавичка досталась. И Гэсэр, взглянув на ту рукавичку, так громко, так весело, так простодушно рассмеялся, что развеселились сердца богатырей и даже у криводушного Зутана душа на мгновение выпрямилась, — только на одно мгновение.

Всадники, торжествуя победу, двинулись в обратный путь. За ними следовали люди, спасенные из пасти тигра. Деревья благодарили Гэсэра на языке листвы и хвои, птицы пророчили ему счастье, звеня мерным слогом, таежные звери желали ему удачи. А когда всадники приблизились к трем покровам почвы, собака, охранявшая золото и серебро, с добрым залиvistым лаем побежала им навстречу, забыв о том недавнем времени, когда она была злобным существом с золотой пастью.

Богатыри навьючили на коней добытое из глубины земли золото и серебро и весело поскакали домой, к благодатной долине Морэн, к реке Мунхэ, чьи волны разговаривали на языке вечности. Всадники думали о долгих пирах, о мирном покое и услышали голос Гэсэра:

— Теперь настал черед гибели оборотня Шэрэм-Мината.

ШЕРСТОБИТНЫЙ СМЫЧОК

Оборотень Шэрэм-Мината, происшедший из отрубленной левой руки Атай-Улана, укрепился на окраине равнины Хонин-Хото, в пределах серой мглы. Если говорить о том, на каком расстоянии от Державы Ранних Жаворонков обитал Шэрэм-Мината, то скажем, что находился он ближе смерти и дальше счастья. Он возмужал, не считая своих годов. Язык длиною в пять четвертей пылал, как пламя, в его трехсаженном рту, в котором торчал один-единственный клык, острый и длинный. Круги красных глаз чудовища были похожи на раскаленные обручи, а в руке его была чугунная плеть, страшная для меча и кольчуги.

На земле медленно зрело хорошее время. Люди в Державе Ранних Жаворонков жили, радуясь жизни. Голубые и белые небеса безоблачно сияли, черные и серые притаились, уже не помышляя о соперничестве с былыми противниками. Добрые дожди орошали цветущую землю, солнечный свет молодил ее. Голова Атай-Улана, желавшая проглотить солнце и луну, превратилась в недвижный камень на дне морском, Гал-Нурман и сотворенные им бесы были сожжены и пепел развеян на все четыре стороны света, богатыри Гэсэра

щеголяли в шубах, скроенных из пестрой шкуры тигра Орголи, а Гэсэр смеялся, когда смотрел на рукавичку, сделанную из остатков этой шкуры.

Атай-Улан, повелитель мглы и тумана, был мертв, но жажда мести кипела в черной душе оборотня Шэрэм-Мината.

«Не настал ли час, чтобы рассчитаться с силой добра, не пришла ли пора истребления человеческого рода? — думал Шэрэм-Мината. — Не считал я своих лет, но чувствую, что возмужал, что готов к битве».

Он высунул из трехсаженного рта язык длиною в пять четвертей, напоил смертоносным зельем свой единственный клык, тридцать раз повернул красные круги-глаза, ударил чугунной плетью по скалам, своротил громады гор и с веселой злобой посмотрел на просторы юной земли.

Из обиталища, что было ближе смерти и дальше счастья, он дохнул на землю бураном и вьюгой и помчался, опережая буран и вьюгу, к становьям и кочевьям. Так стал он бедствием для людей и животных. Ежегодно пожирал он по сто жеребят, чтобы не успели они стать конями, ежедневно проглатывал по сто малых, слабых детей, чтобы не успели они стать взрослыми и сильными.

По земле потекли потоки алой крови, туманы и мгла душили юную землю. Слезы стариков и детей сливались в реки, а злое отродье, в чьей руке чугунная плеть, похвалялось в своем обиталище, что было ближе смерти и дальше счастья:

— Я не дам ликовать добру, я истреблю всех детей человеческих, ибо я — безводье, бесплодье, бестравье, безлюдье! Пусть погаснут очаги во всех жилищах, пусть погибнут животные во всех табунах и стадах!

Люди, кочевавшие в местах, близких к обиталищу оборотня, проделали путь длиною в год и попросили у Гэсэра помощи и спасения, говоря:

— Помоги, ибо ты опора униженных, посох слабых.

Гэсэр слушал их, и сердце его обливалось кровью. Он раскрыл Книгу Судеб, и вот что она поведала:

Таково заповедное слово:
Если должен ты одолеть
Кровожадного беса злого,
В чьей руке — чугунная плеть,
То его ты один одолеешь.
Если ж ты победить не сумеешь,
То потерпишь один поражение,
Потому что в этом сраженье
Не помогут богатыри —
Сильнорукие тридцать и три.

Гэсэр приказал снарядить Бэлыгэна. Гнедой скакун в это время утолял жажду водою из горного родника, что бурлил рядом с облачной синевой. Он ел сладкую, жирную траву, чьи верхушки касались неба. Стать его была красива, а все части — соразмерны. Мягкая грива была шириной в три арбы. Отважной мощью он был похож на ястреба, а силой полета — на сокола. Изловили гнедого и повели по острым камням и по льду, чтобы затвердели копыта, дали ему пожевать прошлогоднюю травку, попить ржавой, болотной воды, чтобы привык к лишениям. Накинули на него потник из шелка, оседлали седлом из серебра. Когда конь был готов к походу, Гэсэр сказал:

— Биться с чудовищем буду я один, но тяготы дороги пусть разделит со мной Шумар, самый меткий стрелок из тридцати трех.

Снарядили коня Шумара, чья масть напоминала разгорающийся рассвет, стали и всадники готовиться к отъезду. Гэсэр оделся в доспехи битвы, кружась перед зеркалом шириной в седельный потник. Натянул он шаровары, на ощупь нежные, как замша, а цветом черные, как печень. Эти шаровары были скроены из шкур семидесяти изюбров. Справа нацепил Гэсэр колчан, который мы сравним с узким ущельем по величине и с весенним лугом — по блеску. Нацепил на левый бок налучник, шириною равный степной равнине. Десяносто стрел он поставил в колчане торчком и такое же число стрел — врозь, чтобы зимою не мерзнуть, чтобы летом от стрел падала тень. Надел Гэсэр стальные доспехи, такие,

что ничто острое и ничто тупое не могло их пробить. Кольчуга его сверкала, как даль, озаренная южным солнцем. Зная, что дорога будет долгой, Гэсэр запасся впрок паучьим жиром, обмазал губы жиром червей, чтобы не испытывать голода, если даже придется скакать двадцать лет. Взял Гэсэр четыре волшебных посоха, чтобы пройти с ними по морю, как по суше, взял красный камень владыки ветров, взял кусок врачующего сандалового дерева, взял аркан, чтобы заарканивать встречных врагов. Натянул Гэсэр унты из рыбьей кожи, что была крепче и нарядней, чем черная юфть, накинул на плечи накидку из парчи, в которой воины сражались только летом, затянул тонкий, сильный стан кушаком, оправленным в золото и серебро, привесил к правому боку меч, который, заведя недруга, удлинялся на восемьдесят шагов, а если надо было, сжимался на восемь шагов. Надел Гэсэр панцирь, которому не были страшны ни дожди, ни вьюги, ни стрелы, ни конья, надел соболью шапку, похожую на копну, а кисть ее напоминала алый куст на холме.

Гэсэр и Шумар сели на коней и, повторяя солнечный круговорот, объехали дворец слева направо и помчались, и Алама, провожая мужа, видела с порога дворца, как трепещет алая кисть на собольей шапке.

Если дорога вела в горы, то летали всадники над гребнями гор, если перед ними возникало безбрежное море, то четыре волшебных посоха помогали им промчаться по морю как по суше. Если выпадал снег и стрекотали сороки, вестницы зимы, богатыри натягивали поплотней свои лисьи шапки. Если синеветные небеса отражались в весенних лужах, если переливались соловьиные голоса и рождалось в мире тепло, возвещая наступление лета, всадники расстегивали ворота рубашек.

Шэрэм-Мината, сидя в своем обиталище, что было ближе смерти и дальше счастья, понял умом колдуна: приближается богатырь Гэсэр.

«Начну битву», — решил оборотень. А Гэсэр и Шумар увидели: мчит к ним навстречу злобное чудище, в руке у не-

го — чугунная плеть, а из трехсаженного рта, как огонь из очага, вырывается язык длиною в пять четвертей.

Противники вступили в схватку. Гэсэр размахнулся булатным мечом, который не тупился о белую кость, не плавился в красной крови, но меч, коснувшись тела оборотня, изогнулся, острое иступилось. Гэсэр спрыгнул с коня, заткнул за кушак обе полы халата, засучил рукава, схватил противника за предплечья, но Шэрэм-Мината только расхохотался.

— Послушай, малец, твои суставы слишком слабы, твои волосы слишком жидки, где тебе со мной справиться!

Так сказав с издевкой, чудовище со всего размаха обрушило на Гэсэра чугунную плеть, но Гэсэр был увертлив, ловок, и чугунная плеть ударила не по Гэсэру, а по земле, и земля вздрогнула, задыхаясь в пыли.

Битва человека с чудовищем длилась девяносто суток. Слетелись вороны, ожидая добычи. Слышалось их злое карканье:

Своего нам давайте мяса,
Пусть побольше будет запаса,
Чтоб на сорок раз сорок лет
Был для воронов жирный обед!

А противники продолжали битву. Уже год миновал со дня встречи Гэсэра с чудовищем, а никак не мог богатырь победить — ни военной мощью плеча, ни гордой силой руки, ни копьем, ни стрелой, ни отвагой, ни умом, ни хитростью. Обескровленные долгой борьбой, противники ослабели. Оба решили передохнуть.

— Встретимся через шесть месяцев, — сказал, задыхаясь, с трудом уже держа в руке чугунную плеть, обессиленный Шэрэм-Мината и помчался в свое обиталище — ближе смерти и дальше счастья.

А Гэсэр, истекавший кровью, приложил к ранам кусок сандалового дерева. Раны зажили.

Богатыри отправились домой. Дорога проходила по глухой тайге, по высоким горам, по морским просторам. Вот по-

казалась равнина Морэн, разлилась река Мунхэ, чьи воды разговаривали с берегом на языке вечности, а на берегу — дворец Гэсэра, и на пороге стояла Алма, стрелок из лука. Так она стояла каждодневно, ожидая возвращения мужа.

Накрыла Алма золотой стол, поставила мясо и хмельное питье, села рядом с милым мужем. Стал ей жаловаться Гэсэр на свою неудачу:

— Ни отвагой, ни силой, ни опытом, ни умом не одолел я врага. Как мне быть? Где лежит дорога к победе?

Любящая жена утешила мужа:

— Не тебя ли послали небожители на землю, чтобы ты воплотился в дитя человеческое, познал все муки и скорби людские? Не тебе ли заповедано Книгой Судеб совершить подвиги ради жизни и правды земли? Не тебе ли суждено одолеть всех чудовищ, чтобы люди, животные, птицы, растения узнали счастье на необъятных просторах юной земли? Что же ты приуныл, мой Гэсэр? Разве тебе неизвестна дорога побед? А если ты хочешь победить Шэрэм-Минату, то отправься за советом к бабушке Манзан-Гурмэ: она тебе укажет дорогу к новой победе. А ведь ты в земном облике ни разу не был на небе, мой Гэсэр!

«Счастье коня — в ногах, счастье птицы — в крыльях, счастье мужа — в любящей жене», — подумал Гэсэр. Он сел на коня и, покинув Державу Ранних Жаворонков, полетел в Государство Западных небес. Пролетая выше облаков, он вспомнил о том времени, когда не знал других забот, помимо охотничьей забавы, когда не был он человеком, а небожителем, когда людская скорбь еще не ранила его сердце. Вспомнил и гневом коня о своих юных годах, когда небесная тайга звенела под его ногами и гнался он не за мерзкими чудищами, а за изюбрами и сохатыми...

Бабка Манзан-Гурмэ, как всегда, обрадовалась приезду любимого правнука. Впервые он предстал перед нею на небе в земном облике, и она любовалась его молодостью, отвагой и мощью. Когда Гэсэр ей рассказал о своем бессилье, бабка разгневалась:

— Ты не сражался, как воин. Мне стыдно за тебя!

— Но что я мог сделать, если чугунная плеть чудовища сильнее меча и конья, стрелы и палицы! — воскликнул Гэсэр. — Не сердись на меня, владычица голубых и белых небес, не гневайся, а укажи дорогу к победе. Не ради себя прошу, а ради малых детей, которых пожирает оборотень.

Бабка смягчилась от этих слов. Да и могла ли она долго сердиться на своего любимца! Она сказала:

— Есть у меня шерстобитный смычок. Годится он, чтобы шерсть трепать и валять, сгодится и для дела битвы. Возьми его, защити детей рода человеческого, уничтожь оборотня!

Гэсэр поблагодарил величавую владычицу Западных небес, взял шерстобитный смычок и поскакал домой. Приехав, он сказал Алме:

— Хороший ты мне дала совет. Сейчас помчусь на битву с чудовищем.

— Целый год я тебя не видела, только приехал — сразу к бабке Манзан-Гурмэ помчался, вернулся — и опять в путь. Останься хотя бы на трое суток, побудь со мной, порадуй меня, — стала умолять Алма.

— Заботы женщины — в юрте, заботы мужчины — в тайге, — сказал Гэсэр жене.

А потом сказал Шумару:

— Близится срок, назначенный оборотнем. Будь мне снова спутником, подели со мной дорожные тяготы.

Гэсэр на гнедом коне, Шумар на коне цвета разгорающегося дня поскакали на битву. Расстояние длиной в пятьсот пространств покрывали, не становясь на отдых, расстояние длиной в сто кругозоров покрывали быстрее ветра. Хотя необъятна земля, а прибыли они вовремя к тем краям, что ближе смерти и дальше счастья.

Шэрэм-Мината уже поджидал Гэсэра. Два врага, две силы, два могущества вступили в бой. Оборотень ударил Гэсэра чугунной плетью, и богатырь едва удержался в седле. Настал черед Гэсэра. Он ударил чудовище шерстобитным смычком, и смычок сгодился не только для того, чтобы шерсть

трепать и валять: от одного удара Шэрэм-Мината распух, он взвыл от боли так, что померкли в испуге все тринадцать красок Вселенной. А Гэсэр сечет и сечет оборотня, не зная устали, и выпала из рук чудовища чугунная плеть, а сам Шэрэм-Мината упал на землю, и черная душа его вырвалась из трехсаженного рта вместе с красным языком.

Гэсэр и Шумар порубили деревья, развели костер и сожгли в огне возмездия мертвого пожирателя детей. Собрали пепел осиновой лопатой и развеяли пепел в сторону юга, собрали золу березовой лопатой и развеяли золу в сторону севера. Так отомстили за безутешные слезы женщин, за погубленных малых детей.

Совершив дело возмездия, богатыри повернули коней в сторону дома. Понеслись по горам и долинам, и вот уже осталось позади расстояние длиною в сто кругозоров. Решили стать у родника на отдых. Подстрелили дикую козу, освежевали ее, разожгли костер, изжарили мясо на вертеле, подкрепились, заснули, и долго еще тлели в ночи сине-красные языки костра. Утром умылись родниковой водой, поскакали дальше, оставили за собой расстояние в пятьсот пространств, стали на отдых. Гэсэр сказал:

— Какая досада! Там, где мы вчера ночевали, забыл я на пне плеть из красного тальника. Возвращаться за нею назад не хочется, и приходится приближаться к родной стороне без богатырской плети.

А родная сторона уже приветствовала их шумом реки Мунхэ, голосами ранних жаворонков. Богатыри услышали топот коня: это выехал им навстречу белоголовый Саргал. Он спросил, полный нетерпения:

— С победой ли ты возвратился, племянник?

— С победой, — ответил Гэсэр, — да с неудачей: плеть свою потерял.

Прямодушный Саргал рассмеялся, обнял племянника, сказал:

— Хотя ты и могучий богатырь, а сердцем — все еще малое дитя. Подарю я тебе другую плеть, с золотой рукоятью.

Когда они прибыли домой, Саргал ударил в барабан, созвал народ севера и юга на великое пиршество. И Гэсэр сказал:

— Земля успокоилась, дети не сиротеют, матери не оплакивают детей. Приближается пора счастья. Спрячу я на время лук и стрелы, кольчугу и щит, копье и палицу.

Пиршество длилось восемь дней. Мясо висело на столе, как гора, масло вздымалось, как курганы в степи, хмельное вино измерялось реками-озерами. Ликовала земля, и река разговаривала с ней на языке мира, покоя и благоденствия, и жаворонки пели, и звуки песен падали на землю, как капли вечности.

Торжество ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

ОВЕЧЬЯ КРОВЬ В ОЛЕНЬИХ УНТАХ

Меткие лучники, где ваши стрелы, что мчатся вдогонку за сохатыми? Красноречивые старики, где ваши слова, меткие, как стрелы, летящие из стародавнего былого к потомкам?

Однажды, когда Гэсэр охотился в тайге, к Алме приехал в гости криводушный Зутан. Алма встретила с ласковым радушием дядю своего мужа, накрыла золотой стол, поставила угощение, накормила хана вкусным мясом в избытке, напоила хмельным питьем в изобилии. Опьянев от арзы-хорзы, одурев от крепкого красного табака, Зутан повел дурную речь:

— Давно влекутся к тебе мои думы, красавица Алма: Гэсэр лежал еще в люльке, когда сердце мое искало тебя, морскую царевну, стрелка из лука. Но Гэсэр меня опередил, женился на тебе. Да разве он хороший муж? Разве не мог бы он ездить на охоту с тобой, чьи стрелы всегда достигают цели? Его дни проходят в забавах, а твои — в скуке долгого ожидания. Если хочешь жить весело, уйди от Гэсэра, стань моей женой.

Алма и не слушала его: мало ли что болтает пьяный? Уло-

жила она захмелевшего дядю на деревянный настил, где подушки — до потолка, укрыла бобровым одеялом, а сверху, чтобы теплее было, накрыла одеялом из меха соболя. Утром Зутан проснулся, а голова тяжелая, опохмелиться надо. Поднесла ему Алма чарку, насыпала табаку в трубку. Криводушный выпил, выкурил трубку — и опять за прежнее: стань, мол, моей женой, уйди от бахвала Гэсэра. Тут Алма по-настоящему рассердилась:

— Вчерашние твои вздорные речи объясняла я тем, что выпил ты лишнего, да и стар, из ума выжил, а сегодня поняла, что грязна твоя душа.

Вышла Алма из белой юрты, кликнула Буйдана, самого сильного из тридцати трех богатырей, и сказала:

— Распустился хан Зутан, буянит. Отправь его домой.

Буйдан понял слова Алмы так, как следовало понять. Он взял в правую руку плеть из красного тальника с восемнадцатью застегками, вошел в юрту, а там пьяный Зутан, красный от хмельного вина, обалдевший от крепкого табака, сидел на деревянном настиле, свесив ноги. Буйдан огрел его плетью, да так больно, что Зутан закричал, как козел, заревел, как козленок. Буйдан поднял его, как клубок мягких ниток, кое-как усадил на вороного коня, и конь побрел домой, в Черное ханство.

На другой день, когда хмель прошел, Зутан застонал от обиды. Зависть кипела в его черной душе: «Мало того, что этому гордецу Гэсэру досталась вся слава мира, досталась ему и красавица Алма. Где это видано, чтобы племянник-молокосос был счастливей дяди? Несправедлив мир, но теперь в мире все переменится!»

Слово сказано — дерево срублено. Сел Зутан на огромного своего вороного коня, а к седлу с обеих сторон заранее приторочил по шестьдесят жирных баранов. Криводушный хан помчался на восток, туда, где земля вывернута наизнанку, где среди ветрового безлюдья, в бестравной пустыне обитал Абарга-Шулмус, хитрое и свирепое чудовище — перевоплощение пустотелой груди Атай-Улана. Хотя далек был тот

бессолнечный край от Державы Ранних Жаворонков, а все же прибыл туда Зутан. Там, где река, разбившись о три порога, низвергалась тремя водопадами, привязал Зутан вороного коня к одинокому камню на берегу, набрал хворосту у реки, развел огонь и стал жарить на вертеле мясо освежавших баранов.

Вкусный запах распространился по равнине и проник в обиталище Абарги-Шулмуса. «Не человечье ли мясо жарится?» — с жадностью подумал оборотень и направился к пылающему костру. Увидев страшилище, Зутан испугался, зарылся носом в песок. Абарга-Шулмус схватил его за шиворот, поднял и хотел уже освежевать, как барана, но тут раздался жалобный, плачущий голос хана Зутана:

— Пощади меня! Ведь я к тебе пришел за советом, привез тебе сто двадцать жирных баранов. Животное убивают — мяса ждут, человека убивают — слово спрашивают.

— Говори слово, — сказал Абарга-Шулмус. — Какая у тебя обида?

— Слово мое — о Гэсэре, и обида моя — на Гэсэра, — полилась из уст криводушного хана клевета. — Мой племянник, этот зазнавшийся, чванливый бахвал, притесняет меня, его жена поносит меня нехорошими словами, его богатыри, не глядя на мои старые годы, бьют меня плетью с восемнадцатью застегками.

Клевета Зутана показалась оборотню еще милее, еще вкуснее, чем запах мяса. Одно из немногих оставшихся на земле чудовищ, Абарга-Шулмус жаждал гибели Гэсэра. Хитрый хитростью, коварный коварством, он легко принял облик человека, только тени у него не было, как и у прочих бесов. Чтобы не пугался его Зутан, чтобы влить немного бодрости в жалкую душу клеветника, оборотень принял человеческий облик и стал поучать Зутана:

— Приедешь — зарежешь овцу. Кровь ее нальешь в овечьи кишки и в желудок. Ночью, когда Алма будет спать, скажешь ее служанке, чтобы в унты из оленьего меха вложила кишки и желудок, наполненные кровью. Начнет рассветать,

тогда крикни: «Триста телят сосут молоко трехсот маток!» Алма мигом проснется, обуеет ноги в унты из оленьего меха. В правом сапожке лопнут кишки, в левом — желудок, прольется кровь. Тогда на долину упадет туман, река скроется в клубах тяжелой, густой пыли. Гэсэр, наглотавшись тумана и пыли, задохнется, умрет. А ты станешь мужем Алмы.

Так сказав, Абарга-Шулмус поднес ко рту вертел с мясом, а Зутан, низко кланяясь бесу, с рабым унижением благодаря его за черный совет, повернул коня в сторону Державы Ранних Жаворонков.

Глубока и длинна река, просторна мать-земля, а все же прибыл наконец хан Зутан к красавице Алме. Увидев дядю своего мужа, она сказала:

— Гэсэр вернулся с охоты, больше не дури. Где был? Все хитростями хитрил, все клеветой клеветал?

Не помня зла, хозяйка накормила и напоила гостя. Выкурив трубку, Зутан, сытый и хмельной, вышел из юрты, позвал служанку, дал ей слиток золота и приказал сделать так, как научил его оборотень. Утром, когда начало светать, служанка заглянула в телятник и крикнула:

— Сто телят сосут сто маток!

Услышав голос служанки, Алма подумала, нежась в постели: «Сто телят — это мало. Можно еще немного поспать».

Видя, что Алма продолжает спать, Зутан крикнул:

— Эй, неженка, дурная хозяйка, триста телят сосут триста маток!

Алма проснулась, подумала: «Триста — это как раз столько, сколько мне надо, чтобы накормить молоком всех воинов в один день. Пора вставать: если долго спит мужчина — меч тупится, если долго спит женщина — ночной удой запаздывает».

Алма стала одеваться. Только обула ноги в унты из оленьего меха, ступила на землю, — кровь потекла из раздавленных овечьих кишок и желудка, и так сильна была струя крови, брызнувшей из унтов, что залила очаг, залила всю юрту, хлынула наружу.

Туман упал на равнину Морэн, река Мунхэ задохнулась в клубах тяжелой, густой пыли. Гэсэр вышел из своей юрты, посмотрел на рассветающее небо, — показалось оно ему ночным, черным. Стал он дышать рассветным воздухом, — наглотался пыли и тумана, упал. Потом встал, с трудом добрался до постели. Тяжкий недуг вошел в его тело. Ни знахарка, ни шаманка не могли ему помочь. Что-то хотел он им сказать, но те не разбирали слов, сказанных прерывистым шепотом. Наклонилась к нему Алма, поняла по движению губ, что Гэсэра слова таковы:

— Загляни в Книгу Судеб, узнай, как быть.

Стала Алма прекрасными своими руками листать вещие страницы, сотворенные тогда, когда еще раннее не наступило, еще начало не началось. Вот что сказали ей сбегающие сверху вниз буквы:

Если дочь владыки морского
Согласится Алма-красавица
К Абарге-Шулмусу отправиться,
То Гэсэр от болезни оправится,
Станет крепким и сильным снова,
А не то — не спасти больного.

Алма почувствовала такую боль в сердце, которой не было меры. Страх перед чудовищем, отвращение к нему овладела ею, и не было меры ни страху, ни отвращению. Но и любви ее к мужу не было меры, и она решила, что пожертвует собой, своим счастьем и своей любовью ради спасения Гэсэра. Но, когда Гэсэр узнал о ее решении, дрогнуло его слабое, недужное сердце. Он не плакал, когда был жителем неба, не плакал, став земным богатырем, а теперь, впервые после дней детства, его глаза узнали боль горя, соль слезы. Он сказал:

— Твоя честь мне дороже моей жизни. Лучше умру, а не отдам тебя на позор, не пушу к оборотню.

Об их беседе стало известно всей Державе Ранних Жаворонков. Печаль поселилась в стране, в сердцах и в глазах

людей. Алма потеряла сон, думала думу в бессонные ночи: «Если я погибну, будет горе мне, горе Гэсэру. А если умрет Гэсэр, будет горе матери-земле. Мне надо отправиться к чудовищу. Чему быть, того не миновать. Куда ни пойду, везде надо мной будет солнце, а со мной — моя воля, моя любовь, мой боевой лук, мои стрелы в колчане».

Тайно от Гэсэра снарядилась Алма в дорогу. Но люди увидели, что она готовится к отъезду, и стали умолять ее, чтоб не губила свою жизнь, свою честь, не давали проехать ее коню. Даже слепые с поводьями, даже калеки на костылях толпились, шумели, плакали. Тогда Алма сняла с гибкой, нежной шеи тройное ожерелье и бросила его поверх людских голов. Толпа рассеялась, все начали собирать рассыпавшиеся жемчужины, и Алма ускакала на красно-рыжем коне.

Долог был ее путь по шири земной. Вот и бестравная, бесплодная равнина Хонин-Хото, где река, разбившись о три порога, низвергается тремя водопадами.

Хитрый хитростью, сильный чародейством, догадался Абарга-Шулмус о прибытии Алмы. Чтобы не испугать ее, он принял человеческий облик и двинулся ей навстречу на железного коня. Увидев Алму с колчаном и луком, с длинными косами, сбегаящими по спине из-под лисьей шапки, оборотень обомлел. Все тонкое и крепкое в ее стане восхитило его, все нежное привело в трепет. Он уже не думал о своей цели — о гибели Гэсэра, он думал о жене Гэсэра. Верхом на коне он приблизился к чернобровой всаднице, наклонился к ней, чтобы поцеловать ее в правую щеку, чтобы коснуться толстыми губами румянца на левой щеке. Алма не позволила себя поцеловать, сказала:

— Дело мужчины — меч да стрела, дело женщины — шитье да котел с варевом. Но я, как видишь, такова, что и мое дело — меч да стрела. На мне шапка из лисьего меха, на тебе — из волчьего. Давай отъедем друг от друга на расстояние, с которого пускают стрелу в волка. Если я попаду стрелой в твою богатую шапку из волчьего меха, то уеду назад, к мужу, не попаду — войду в твой дом как жена.

— Шапка-то моя хороша, ты права, — обрадовался оборотень похвале, — но твое слово нехорошее. Если ты попадешь в шапку стрелой и уедешь, то Гэсэр умрет. Выхода у тебя нет, должна ты войти в мой дом — лишь тогда Гэсэр выздоровеет. Ты будешь у меня искусной хозяйкой. А если ты хочешь показать мне свое искусство в стрельбе из лука, то начинай, а я полюбуюсь на тебя.

Поняла Алма, что и вправду выхода у нее нет. Но мужская хитрость таится под языком, а женская хитрость — глубоже, на дне души. Алма отъехала от оборотня на расстояние, достаточное для того, чтобы настигнуть стрелой волка, и натянула тетиву. Прошептала она заклятие над наконечником стрелы — поднялся дым, произнесла заговор над оперением — вспыхнуло пламя. Стрела взвилась со звоном и свистом и пронзила зрачок правого глаза Абарги-Шулмуса. Алма погнала коня к раненому оборотню. Он завопил так громко, что испугались три водопада:

— Больно мне, жжет меня стрела, до мозга дошла! Плохой ты стрелок, не попала в шапку. Вытащи занозу из глаза!

— Уложу тебя в постель, вытащу занозу, — сказала Алма. — Войду в твой дом как лекарь.

Вопя от боли, добрался оборотень до своего обиталища. Вслед за ним вошла в дом Алма. Она уложила его на постель, стала вытаскивать стрелу, до самой ночи старалась, а вытащила только часть наконечника, а другая часть и острие остались в зрачке. Оборотень мучился от нестерпимой боли, проколотый зрачок налился кровью, с каждым днем страдания его усиливались, а далеко-далеко, в Державе Ранних Жаворонков, Гэсэр поправлялся, становился с каждым днем крепче, сильнее: ведь Алма вошла в дом Абарги-Шулмуса!

ТРИ ОСЫ

Обретя прежнюю силу и крепость, Гэсэр сказал:

— Мужчина — тот, кто ищет, женщина — та, кого находят. Снарядите гнедого коня. Отправлюсь на поиски Алмы.

Снарядили Бэлыгэна. Надел и Гэсэр доспехи битвы, поскакал на восток — только алая кисть его шапки трепетала вдали, как костер на холме. По пути решил Гэсэр заехать к своему криводушному дяде Зутану, думая: «Не достоин глупец моей мести, но заслуживает того, чтобы я посмеялся над ним».

Гэсэр прибыл в Черное ханство, у коновязи ханской ставки остановил коня и крикнул:

— Дядя, дома ли ты?

Услыхав доносящийся снаружи голос племянника, Зутан испугался.

— Спрячь, спрячь меня куда угодно! — стал он умолять жену.

Жена дяди удивилась:

— Кто же это прячется в собственном доме? Да от кого ты, дурень, прячешься? Это же Гэсэр к нам в гости приехал, племянник оказал нам честь!

Зутан оттолкнул жену, ударил ее, чтобы не перечила, и влез в кожаный мешок, стоявший в углу. Ханша, сердясь на глупого мужа, крепко завязала мешок.

Снова снаружи раздался голос Гэсэра:

— Дядя, где же ты, почему не выходишь ко мне? Разве так встречают гостей?

— Он сейчас в ущелье Мешка, — сказала, выйдя на порог, ханша и позвала Гэсэра в дом.

Гэсэр спешился, привязал гнедого к коновязи и, войдя в дом, увидел в углу кожаный мешок. Догадался он, о каком ущелье говорит ханша, притащил к столу кожаный мешок и весело уселся на него, сложив ноги.

Зутан задыхался в мешке под тяжестью Гэсэра, а ханша, довольная тем, что наказан ее криводушный муж, накрыла стол, поставила перед Гэсэром угощение, приговаривая:

— Ешь мясо, дорогой племянник, пей арзу-хорзу, тебе после болезни окрепнуть надо. А дядя твой скоро вернется из ущелья Мешка.

Насытившись отменным мясом и хмельным питьем, Гэсэр спросил:

— Тетушка, что вы храните в мешке, мягкое или твердое?

Будто для того, чтобы проверить, Гэсэр воткнул в мешок острый нож. Зутан закричал истошным криком, заворочался в мешке. Гэсэр, подмигнув ханше, развязал мешок. Увидев Зутана, он удивился притворным удивлением:

— Что с вами стряслось, дядюшка? Ума-разума лишились, что ли? От кого вы в мешке спрятались?

Красный от стыда, не смея взглянуть племяннику в глаза, криводушный хан вылез из кожаного мешка. Не глядя и на жену, направился он к двери, держась за то место, которое пронзил острый нож. Гэсэр остановил его:

— Снарядитесь, дядя, в поход. Алма, дорогая сердцу жена моя, томится в плену в обителище беса. Поедем вместе, вызволим Алму из неволи.

Пришлось хану Зутану согласиться. Сели вса, ники на коней, помчались на восток. Долго ехали, долго скакали, — при-

близилась к месту ночлега. Гэсэр увидел издали пеструю сороку. Пустил он в ход незаметно для глуного спутника тринадцать волшебств, двадцать три колдовства и заставил сороку упасть на землю, превратив ее в тушу быка. Зутан заметил тушу, обрадовался:

— Эй, племянник, плохой ты охотник, зрение у тебя слабое, как у столетней старухи. Не видишь ты, что бычья туша лежит, а я, дядя твой, зорек — туша моя.

— Туша твоя, — проговорил, будто завидуя, Гэсэр. — Как на отдых станем, дашь ли мне бычьего мяса отведать?

Зутан, надув щеки, оборвал его:

— Не дам. Не твоя находка, а моя!

Тут Гэсэр увидел быстро скачущего на рубеже неба и земли огромного лося. Он метнул в него стрелу, и лось сделался добычей Гэсэра.

Стали на отдых. Гэсэр освеживал добычу, развел костер, стал жарить на вертеле мясо. «Пусть жарит, а мое мясо вкуснее», — подумал Зутан и, глотая слюни, посмотрел на свою находку. Посмотрел — глазам не поверил: бычья туша превратилась в маленькое, ссохшееся тельце сороки. А голод между тем стал мучить криводушного хана. Он вдыхал запах лосяного мяса, а сам ребра свои от голода пересчитывал, заглядывал Гэсэру в глаза умильным взглядом, просил хотя бы кусочек мяса, чтобы желудок обмануть, а Гэсэр, держа в руках вертел, съел всего лося и сказал:

— Плохо, дядя, в далекую дорогу пускаться на пустой желудок.

Поехали дальше. Увидел Гэсэр камень величиной с жеребенка. Силою своих волшебств и чародейств превратил он камень в драгоценный талисман, о котором мечтали богатыри, ибо он приносил счастье в битве. Зутан, злой от голода и зависти, сразу повеселел:

— Смотри, племянник, какова находка: драгоценный богатырский талисман! Отныне буду я непобедимым в схватках, потому что находка — моя!

— Воистину ты зорек, воистину удачлив, — похвалил дя-

дю Гэсэр. — С таким талисманом одолеешь ты любого врага, кроме оборотней. Жаль, если воина с таким талисманом уничтожит Абарга-Шулмус. Возвращайся назад, покрасуйся среди наших воинов, погордись редкостным талисманом победы. А чтобы ты не потерял его в пути, не прячь драгоценный камень за пазуху, — на спину я тебе его привяжу.

Спесь раздула щеки Зутана. Привязав талисман к его спине, прошептал: «Стань снова тяжелым камнем!» — Гэсэр отправил криводушного хана домой. Зутан, полный чванливого самодовольства, повернул вороного коня в сторону Черного ханства. Трудно стало ему скакать: непомерная ноша давила его, кожа на спине поистерлась. Недалеко от своих кочевий свалился он в бессилии на траву, глаза у него закатились, дыхание тяжело вырывалось изо рта. Поблизости паслись табуны. Увидели табунщики, что всадник свалился с коня. Прискакали к нему, а это их криводушный хан, еле живой, а на спине у него — крепко привязанный огромный голый камень.

И смеялись же табунщики над незадачливым ханом, всему народу рассказали, как просил он: «Поосторожней снимите с моей спины драгоценный талисман!». И злой глупец стал посмешищем даже для малых детей.

А Гэсэр приближался к обиталищу Абарги-Шулмуса. Удивился богатырь, что оборотень не вышел ему навстречу. «Видно, не до меня ему. Видно, веселится с моей Алмой», — с горечью подумал Гэсэр. Привязал он гнедого к коновязи, вошел в обиталище оборотня, увидел: лежит Абарга-Шулмус на постели, лежит в облике человека, тихо, жалобно стонет, а красавица Алма изо всех сил пытается вытащить из его правого зрачка стрелу. Алма зарделась от счастья, когда ее глаза встретились с глазами Гэсэра, и глаза ее сказали одно, а уста — другое:

— Посмотри, как мучается бедняга Абарга-Шулмус! Никак не вытащу из его зрачка стрелу. Не поможешь ли страдальцу?

Стал и оборотень умолять Гэсэра:

— Помоги мне, сил моих больше нет эту муку терпеть! Вытащи стрелу, и забудем былую вражду. Отпущу тебя и Алму, а человеческое мясо буду есть только трижды в году!

Понял Гэсэр, что умна его Алма, стрелок из лука, что чиста ее душа, и он устыдился того, что подумал о ней дурно. Он сказал:

— Стрела эта заговоренная. Ее вытащить невозможно. Надо ее молотом вогнать дальше — выйдет через затылок.

— Согласен я, на все согласен, делай, Гэсэр, что хочешь, бей молотом до изнеможения, только избавь меня от проклятой боли! — жалобно заныл Абарга-Шулмус.

А Гэсэр спросил его:

— Есть у тебя стальные обручи? Трижды оберну ими твою голову, начну стучать молотом — так сподручней будет, — и стрела выйдет через затылок, и ты избавишься от мук. Но только ты не должен ворочаться, а терпеливо переносить тяжкие удары молотом, поэтому свяжу я тебя ремнем из бычьей кожи.

— Бери обручи, бери ремень, бери молот, бери что хочешь, только вылечи! — застонал оборотень и здоровым глазом показал на сундук.

Гэсэр достал из сундука три стальных обруча, достал ремень из бычьей кожи, достал молот, надел обручи на голову Абарги-Шулмуса, связал его тело ремнем, стал бить молотом по стреле, торчавшей в правом зрачке.

С каждым ударом молота разрасталось тело оборотня, утрачивал он человеческий облик, снова становился чудовищем. Разум покинул его, хитрый лишился хитрости, позвал он Алму, шепнул ей:

— Скажи, чтобы левый глаз не задел, ведь в левом глазу у меня три осы, а эти осы — моя душа.

Гэсэр поднял молот и ударил не по стреле, а по левому глазу. Три осы с ужасным жужжанием, с жалами, как у змей, с пережабинами, от которых жутко становилось, вылетели из левого глаза и стали со злобой и яростью кружиться над Алмой, желая ужалить ее и лишить жизни.

Гэсэр бросил молот, поднял руки, пустил в ход тридцать волшебств и двадцать три чародейства и приказал:

— Были вы осами, станьте камнями!

Осы, еще жужжа, вытянув жала, свалились на землю и стали камнями. Алма подняла молот и раздробила их, превратила в летучую пыль. Когда пыль развеялась, последний вздох вырвался из черной груди чудовища. Абарга-Шулмус, пожиратель людей, был мертв.

Гэсэр разрубил огромного оборотня на четыре части, развел четыре костра, и чудовище сгорело в огне возмездия, и пепел был развеян на четыре стороны света.

Всадник и всадница сели на коней, и Бэлыгэн поскакал рядом с красно-рыжим скакуном Алмы, и сердце Гэсэра радовалось, потому что его Алма была с ним, была вызволена из неволи, потому что чудовище, уничтожавшее людей, было уничтожено, потому что вдали зазеленела та земля, на которой он родился земным рождением, зашумела та река, из которой он впервыепил воду. И почудилось Гэсэру, что родная земля спросила у него:

— Ты вернулся, сын мой? Жив ли ты? Здоров ли ты?

И Гэсэр ответил матери-земле:

— Я вернулся. Я здоров твоим здоровьем, я счастлив твоим счастьем.

ДОЛЯ ОСЛА

После победных подвигов Гэсэра остались на земле четыре перевоплощения Атай-Улана, четыре исчадия зла, четыре изверга — чудовище Лобсоголдой на железноном коне и три сестры Енхобой. Чудовище было черно, как уголь, голова его напоминала закопченный чугунный котел, зубы у него были как лопаты, живот — как корыто. Оно обитало в самой дальней тайге, далеко за равниной Хонин-Хото, и в этой тайге деревья росли так густо и так высоко, что у птиц ломались крылья, когда они пробирались сквозь непроходимую чащу. Боясь Гэсэра, чудовище теперь редко покидало тайгу и только скрипело в ярости зубами-лопатами, наблюдая из далекого далека, как возмечивается людской род, как зло отступает и ликует добро, как приумножается приплод в стадах и отарах. Не знало чудовище, что ему делать дальше, ждать ли прихода Гэсэра или первому пойти на него. Источник счастья человека — в радости всех людей, источник радости исчадия зла — в гибели всего живого. А так как всё живое процветало в Державе Ранних Жаворонков, то Лобсоголдой терзался мучительной мукой.

Решил наконец Лобсоголдой отправиться за советом к

родственницам своим, к трем бесовкам, к трем сестрам Енхобой. Они были похожи друг на друга, как похожи болезни, похожи несчастья. Веки у них свисали до подбородка, подбородки — до живота, рыхлые животы — до чулок, а чулки падали до пят. Называли они друг друга так: Старшая, Средняя и Младшая Енхобой, хотя были они близнецами.

Лобсоголдой сказал сестрам-бесовкам:

— Конец нам приходит. Только мы и остались вчетвером в живых, но скоро и нас уничтожит Гэсэр. Есть еще правда, три шарагольских хана, три сына Атай-Улана, от которого мы исходим, но без нас трудно им будет воевать с Гэсэром. Каков будет ваш совет, почтенные сестры?

Старшая Енхобой подняла руками свои длинные веки, посмотрела на родича долгим, острым взглядом, сказала:

— Гэсэра в открытом бою никто из наших не победил, не одолеешь его и ты. Ему помогают голубые и белые небеса, зеленая тайга, синее море, цветы и растения, ему помогает весь род человеческий. Но есть у Гэсэра горе, и в этом горе — источник нашего счастья. Горюет Гэсэр о том, что Алма до сих пор не родила ему сына. Нет у него ребенка, чтобы к подбородку поднимать, чтобы на коленях убаюкивать, чтобы пеленать его и качать в люльке. Раз в году, в праздник весны, отправляются Гэсэр и Алма в золотой храм, что воздвигся у подножия песчаной сопки, кланяются в храме святому старцу, молят его, чтобы судьба даровала им дитя. Вот ты и примешь, Лобсоголдой, с помощью колдовства облик святого старца, а в руке у тебя будет серебряная чаша, которая принадлежит владычице Западных небес, бабке Манзан-Гурма. Видел ли ты когда-нибудь эту чашу?

— Никогда, — ответил, вздыхая, Лобсоголдой. — Да и что я видел на небе? Ведь я был той частью Атай-Улана, на которой он сидел.

— Возьми чашу, — сказала старшая Енхобой, снимая с правой ноги чулок, падающий до пят.

Она плюнула на чулок девять раз, произнесла заклятие, и чулок приобрел видимость серебряной чаши.

А колдунья продолжала свои коварные слова:

— Ты проникнешь в золотой храм у подножия песчаной сопки. Сперва с помощью колдовства погрузишь ты в сон Алму, и этот сон будет нам полезен. А когда ты примешь облик святого старца и Гэсэр приблизится к тебе с мольбой о даровании ему дитяти, ты ударишь богатыря серебряной чашей по лбу. Так и погубишь Гэсэра.

— Помогу тебе и я, — пообещала Средняя Енхобой, и затрясся дряблый ее подбородок, свисавший на рыхлый живот. — Помешаю спутнику Гэсэра сказать богатырю правду, поверну ему язык.

— А ты, Младшая, что мне пообещаешь? — спросил бес у Младшей Енхобой.

Он радовался так сильно, будто Гэсэр уже погиб.

Но не очень утешила беса младшая бесовка:

— Не верю я в твою победу. Сила на стороне Гэсэра. Чую, что нам суждена гибель. Но обещаю тебе: если потребуется моя помощь, то мое колдовство, мое чародейство — твои слуги.

Бес, черный, как уголь, призадумался. В его голове, наминавшей закопченный чугунный котел, мысли превратились в жаркое варево. Но так ему хотелось погубить Гэсэра, так понравились ему слова Старшей и Средней Енхобой, что решил он поскорей помериться силой своего зла с Гэсэровой силой добра и отправился верхом на железноногом коне в сторону равнины Морэн, по направлению к реке Мунхо, где расцветала Держава Ранних Жаворонков.

А Гэсэр в это время, наслаждаясь покоем своей страны и щедрым изобилием трав, и думать не думал о Лобсоголдо. Перед самым праздником весны спросил его белоголовый мудрый Саргал:

— Племянник, что ты сейчас видишь на самом краю зрения, что ты слышишь в самом конце слуха?

— Ничего не вижу опасного, ничего не слышу злокозненного, — сказал Гэсэр.

Но дядя его покачал седой головой:

— Разве тебе не слышен на другом конце земли железный гул? Разве тебе не видна злая звезда между небом и дальней тайгой? Не превратилось ли в злую звезду черное чудовище, не скачет ли оно сюда на железноногом коне?

Гэсэр был молод, не принял он к сердцу тревогу мудрого Саргала:

— Куда ему, Лобсоголдою, тягаться со мной? Он прячется в дальней тайге, он дрожит, ожидая срока своей гибели, и этот срок близится. А если говорить обо мне, то я отправлюсь вместе с моей Алмой к святому старцу. Счастлива моя доля, но нет у меня ребенка, чтобы на коленях его качать, чтобы ласкать его под подбородком...

Тут вмешалась в разговор Алма, волнение было в ее звонком голосе:

— Видела я сон. Снилось мне, будто утром вышла я из дому, чтобы подоить коров, и в сиянии пробуждающегося дня вырос перед моими глазами золотой храм у подножия песчаной сопки. Но храм не стоял на земле, он висел на золотых нитях, и купол его купался в синеве неба. И старец-прорицатель, держа в руке серебряную чашу добра и правды, такую же, как у бабки Манзан-Гурмэ, сказал мне ласково: «Я послан владычицей Манзан-Гурмэ возвестить тебе, Алма, что родишь ты сына. Вглядишься в мои черты: я — Заян, я тот, кто создал землю и людей на земле».

Когда Алма говорила эти слова, ее лицо сияло счастьем. Не знала она, что этот сон навеян бесом Лобсоголдом. А Гэсэр нахмурился, стал думать думу: «Почему бабка Манзан-Гурмэ сама не поведала мне о будущем сыне, почему эту весть сообщил Заян не мне, а жене моей? Почему бабка рассталась с серебряной чашей, с которой не расставалась никогда с тех пор, как началось начало всего? Не превратился ли в святого старца хитрый бес? Не обман ли, не наваждение ли сон Алмы?» Так подумав, Гэсэр сказал:

— Неспокойна душа моя. Не бесовское ли наваждение твой сон, Алма? Завтра отправлюсь к святому старцу без тебя. Поеду — узнаю. А спутником моим будет Буйдан.

Наступил праздник весны. В новые одежды облачились люди и растения, птицы и звери. Богатыри помчались вдвоем в золотой храм. Когда золото храма засверкало перед ними издали, у подножия песчаной сопки, Гэсэр сказал сильнейшему из тридцати трех воинов:

— Буйдан, верный сотоварищ мой, вступи в золотой храм, внимательно взглядишь в черты святого старца: воистину ли он — перевоплощение Заяна, создавшего землю и людей на земле? А я, не входя в храм, закричу так громко, будто затрубили десять тысяч лосей. Скалы рассыплются, раздвинутся утесы, реки выйдут из берегов, Сумбэр-гора вздрогнет от основания до вершины. Если старец не испугается, не затрепещет мелким трепетом, не упадет, то он — истинное перевоплощение Заяна, а не бесовское наваждение.

Оставив Гэсэра у подножия сопки, Буйдан вошел в храм. Он внимательно посмотрел на святого старца, восседавшего на золотом сиденье с серебряной чашей в руке. Лицо старца было спокойно, глаза чуть-чуть улыбались. Но когда за стеной Гэсэр закричал так громко, что реки вышли из берегов и задрожала Сумбэр-гора, задрожал и старец, упал, свалился с золотого сиденья. Выпала и чаша из его руки, но почему-то без звона покатила она по земле. Буйдан понял, что то — не святой старец, что то — черный Лобсоголдай, что чаша — только видимость чаши, и быстро побежал из храма, чтобы предупредить Гэсэра. Но чародейство Средней Енхобой было таково, что повернулся язык Буйдана, и Буйдан, вместо того, чтобы сказать: «Это презренный обман!» — проговорил: «Это блаженный Заян!»

Гэсэр удивился, но поверил спутнику. Он сказал:

— Видимо, ты прав, здесь нет обмана. Скажи, мой Буйдан, к Алме, обрадуй ее: сон ее, оказывается, был вещим.

Буйдан, не понимая, что с ним происходит, поскакал домой, а Гэсэр вошел в золотой храм. Представ перед лже-Заяном, богатырь спросил:

— Почему, великий душой, бабка Манзан-Гурмэ не сказала свои слова мне, а передала их через вас моей жене?

Лобсоголдай, лже-Заян, ответил с важностью:

— Таково было ее указание. Я спустился с небес, чтобы возвестить тебе ее благословение, чтобы осчастливить тебя: Алма тебе родит сына. А в знак того, что слова мои — истина, вручила мне владычица Западных небес серебряную чашу добра и правды. Подойди ко мне, взгляни на чашу.

Все подозрения Гэсэра разом развеялись, и он, осчастливленный желанной вестью, приблизился к старцу. А тот ударил его серебряной чашей по лбу, и Гэсэр почувствовал, что меняется его тело, что тесно стало богатырской душе в новом теле, и превратился Гэсэр в осла.

Долго ждал его гнедой конь Бэльтэн, не дождался, и уныло побрел он в сторону родного дома. А черный Лобсоголдай, снова приняв облик чудовища, надел на осла железный недоуздок, сел на железного коня и заставил несчастного осла бежать рядом с конем, погоняя его ударами железного бича. Поскакал Лобсоголдай так скрытно, чтобы и бык не обнаружил следы коня, чтобы и лисица их не вынюхала, поскакал в дальнюю тайгу, далеко за бестравной, бесплодной равниной Хонин-Хото.

Прибыв на место, подумал Лобсоголдай: «У кого жизнь в опасности, тот ее должен беречь», — и начал укреплять свои владения. Такие заросли возникли на границах тайги, такие густые и высокие, что и змея не могла проползти. Красная лава кипела на рубежах, волны Желтой реки, злобные, как волки, были наполнены кусливыми, жалящими гадами: это было чародейство Младшей Енхобой — исполнила она свое обещание, помогла чудовищу. «Теперь не страшны мне тридцать три Гэсэровых богатыря с их войском», — решил Лобсоголдай. А ослу с железным недоуздом сказал:

— Голова твоя — для казни, ребра — для бича.

Был Гэсэр когда-то небожителем, потом превратился в дитя человеческое, а теперь познал жалкую долю осла. Стал он таскать камни на черной арбе. Ослиным изнеможением изнемогало его тело, покрытое грязью и потом, белая пена спадала с его губ, а в глазах была человеческая тоска.

СВЕТЛАЯ СИЛА ЖАВОРОНКА

Заса-Мэргэн радовался подвигам брата, пребывая над звездами и луной. Однажды, озирая молодую, скользкую землю, не нашел он на ней Гэсэра. Долго всматривался заоблачный богатырь в хребты и ущелья Алтая, в тайгу Хангайской горы, а следов брата не видно было. Охваченный тревогой, сел Заса-Мэргэн на серого, как ястреб, коня и трижды помчался на нем вокруг юной, расцветающей земли и увидел: в дальней тайге, за бесплодной, бестравной равниной Хонин-Хото, вблизи обиталища злобного Лобсогодоя, усталый осел перевозит на черной арбе тяжелые черные камни из-за Хангайской горы, и черным потоком он орошает землю тайги, и белая пена падает с его губ. Узнал небесный богатырь в этом измученном осле своего брата Бухэ-Бэлигтэ, узнал Гэсэра, дитя человеческого.

Заса-Мэргэн поспешно поскакал в Державу Ранних Жаворонков. Страна была погружена в горькое уныние: гнедой конь Бэлыгэн вернулся без всадника, исчез Гэсэр, и люди говорили: «Может быть, нашему заступнику наскучила земная жизнь с ее тревогами и бедствиями и он ушел от нас на небо, и снова мы будем унижены и подавлены исчадиями зла, ибо мы лишились опоры и защиты».

Алма, вина во всем свой обманный сон, плакала, пряча слезы от людей, но разве могла она утаить свою печаль?

Богатыри, лишившись отважного предводителя, не знали, где перед ними отныне раскроются ворота битвы, где нужно распахнуть дорогу войны, чтобы уничтожить врага.

Когда прибыл Заса-Мэргэн и поведал людям о том, что стало с Гэсэром, слезы с новой силой брызнули из людских глаз, но и решимость в них засверкала, как сталь булата.

Богатыри воспрянули духом: теперь они знали, где раскрываются ворота битвы, куда скакать для дела войны. Небесный воин повел за собой тридцать трех богатырей, триста вожатых войск, три тысячи умелых бойцов. Отправилась с ними и Алма, стрелок из лука, поскакал и конь без всадника — гнедой скакун Гэсэра.

Просторна земля с тысячей пространств, с десятью тысячами кругозоров, а в конце концов добрались все же воины до рубежей дальней тайги. Но такие высокие и густые заросли выросли на их пути, что и тонкая змея не могла бы сквозь них проползти, что и птица не могла бы через них перелететь. Попытался Заса-Мэргэн проскочить на крылатом коне поверх зарослей, но они плотно упирались в небо; попытался пробраться снизу, но заросли упирались в дно земли. Тогда небесный богатырь натянул могучую тетиву необъятного лука, пустил стрелу, и огромная стрела со свистом и звоном взметнулась, пронзила заросли, лесная чаща расступилась, и образовался проход для воинов. Но тут их встретила свирепым гулом бурлящая огненная лава. Кони в испуге отпрянули назад. Сквозь многопламенное кипение лавы можно было увидеть волны Желтой реки, подобные бешеным волкам, и вместе с волнами поднимались кусливые гады.

Заса-Мэргэн растерялся, не знал он, как преодолеть эти страшные преграды — огненную лаву и Желтую реку, наполненную гадами. Посмотрел он на небо, как бы прося у сородичей помощи, и увидел, что три птицы, широко и мощно расправив крылья, устремляются к войску. Когда птицы спустились на землю и приняли свой истинный облик, Заса-

Мэргэн узнал их: то были три дочери Хурмаса, три сестры Заса-Мэргэна и Гэсэра.

Поздоровавшись с воинами, они сказали:

— Мы прибыли к вам, чтобы поведать вестные слова Книги Судеб. Вот эти слова:

Не сумеет земная рать
Злое чудище покарать.
Если спустятся с облаков
Пятьдесят и пять смельчаков, —
Не пройдут пятьдесят и пять,
Возвратятся в бессилии вспять.
Так хитер злокозненный бес,
Что никто из детей небес,
Что никто из детей земли
Не повергнет его в пыли.
Победит его лишь одна
Ратоборца Гэсэра жена,
Ибо в море она рождена,
Ей морская отвага дана!

Алма, услышав заповедные слова Книги Судеб, сошла с красно-рыжего коня, низко поклонилась золовкам своим, рожденным на небе, низко поклонилась воинам, сказала:

— Ждите меня здесь. Я вернусь с Гэсэром и с победой, ибо Гэсэр — это победа.

Тогда сестры Гэсэра заставили плясать на своих ладонях тринадцать волшебств, заставили на пальцах трепетать двадцать три чародейства, распростерли ладони над головой Алмы, произнесли заклятие:

— Стань, морская царица, серым жаворонком. Стань, красно-рыжий конь, огнивом. В тайге Лобсогдолы ты, Алма, и ты, конь, рожденный в море, примите снова свой истинный облик.

Увидели воины, что жена их предводителя превратилась в серого жаворонка, а ее красно-рыжий конь — в огниво. Спрятали золовки Алмы под правым крылом жаворонка огниво, а под левым — сосуд с небесной влагой превращений.

Серый жаворонок взвился, исчез в переливах синего неба, перелетел через бурлящую огненную лаву — показалось жаворонку, что красно-рыжие дикие кони, огнедышащие чудища, вырываются из глубины земли. Перелетел жаворонок через Желтую реку — показалось жаворонку, что не волны, а бешеные волки кидаются на берег, а кусливые гады хотят ужалить прибрежные камни. Еще увидел жаворонок поросшие гравяной щетиной хангайские скалы, а между ними, таясь от взоров небес и деревьев, бежал, кипя и пенясь, чистый родник. И еще увидел жаворонок: из-за хангайских скал тащит на черной арбе черные тяжелые камни осел, тащит, понукаемый ударами железного бича в незримой руке. Черным потом покрывалось исхудавшее, истерзанное ударами железного бича тело, белая пена падала с губ, вкусивших горечь мира, в прекрасных глазах бедного животного жила человеческая тоска.

Серый жаворонок коснулся земли — и тотчас же превратился в женщину, а огниво, выпавшее из-под правого крыла, ударившись оземь, превратилось в красно-рыжего коня. Алма пролила на осла небесную влагу превращений из маленького сосуда, и Гэсэр обрел человеческий облик. Только по-прежнему черным потом было покрыто его исхудавшее, измученное тело, и было оно, это тело, тоньше волоска, и по-прежнему с его страдальческих губ падала белая пена.

Алма сказала:

— В мире нет ничего сильнее таежной воды, — и омыла Гэсэра в роднике, кипящем среди хангайских скал.

Алма сказала:

— В мире ничего я не знаю крепче ветвей великой тайги, — и таежными ветвями очистила Гэсэра от грязи и пота.

Снова стал Гэсэр сильным, как родники тайги, стал крепким, как деревья тайги. Погасла в его глазах тоска, и вспыхнула в них человеческая радость, он прижал к сердцу Алму, крепко поцеловал ее в обе щеки, сказал:

— Спасла ты мою душу, ибо ты сама — душа моя.

Два всадника, муж и жена, сели вдвоем на красно-рыже-

го коня и двинулись к обителищу Лобсоголдоя. А чудовище и три сестры Енхобой пили в это время арзу-хорзу. Выпили целое озеро — показалось мало, выпили целое море — повеселели. Затряслись дряблые подбородки и рыхлые животы трех сестер, а живот Лобсоголдоя, похожий на корыто, стал урчать, переполненный хмельным питьем.

Младшая Енхобой, хихикая, сказала:

— Вкусное мясо у детей человеческих. Закусить бы арзу-хорзу человечиной!

Средняя Енхобой тяжело вздохнула, ударяя себя по животу, свисающему до чулок, падающих до самых пят:

— Пока не подойдет Гэсэр, защитник людей, не будет нам вкусного человеческого мяса.

А Старшая Енхобой, подняв руками веки, свисавшие до подбородка, подмигнув Лобсоголдою, прохрипела:

— Братец Лобсоголдой, а осел-то твой, глупец труженик, все тащит камни на черной арбе, все проливает, бедняга, черный пот?

Рассмешили эти слова Лобсоголдоя, засмеялся он так громко, что задрожали стены его обителища, — и вдруг в страхе оборвал свой смех. Послышался четверем чудовищам такой крик, будто рев десяти тысяч быков, голоса десяти тысяч лосей соединились, чтобы устроить противника страхом. Это был крик победы и возмездия, это кричал Гэсэр.

Желтая река вышла из берегов, и ринулись волны, как бешеные волки, а кусливые гады стали жалить четырех чудовищ, их сотворивших. Огненная бурлящая лава, вырвавшись из земли на рубежах дальней тайги, хлынула на обителище беса, и казалось, что красно-рыжие кони, извергая пламя, топчут тело Лобсоголдоя.

Злокозненный бес и три колдуньи-сестры были уничтожены бурлящим потоком огненной лавы. И, когда не стало того, кто создал огнедышащую лаву, не стало и самой лавы, не стало и кусливых гадов, и Желтая река, присмиренная и покорная, вернулась в свои берега, и наступила в дальней тайге великая тишина.

Топот коней внезапно разрушил тишину: это, предводительствуемые Заса-Мэргэном, примчались тридцать три Гэсэровых богатыря с войском — отныне на их пути не было преград. Но и дорога войны была уже не нужна войску. Гнедой конь Бэлгэн с радостным ржанием прискакал к хозяину, его грива шириной с три арбы мягко и ласково, как шелковая ткань, коснулась груди Гэсэра. А Заса-Мэргэн, небесный воин, сказал:

— Теперь все чудовища, все перевоплощения Атай-Улана уничтожены. Ты совершил, Гэсэр, свой самый смелый подвиг на благо людям.

— Это подвиг Алмы, — ответил Гэсэр. — Это подвиг серого жаворонка. Оказалось, что маленький жаворонок, дарящий утром нам, людям, песню добра, сильнее злобных чудовищ. Светлая сила жаворонка одолела темную, мглистую мощь Лобсоголдоя.

Так сказав, сел Гэсэр на гнедого коня, а рядом с ним верхом на красно-рыжем коне сияла счастьем Алма, и всадники с весельем двинулись домой, в Страну Ранних Жаворонков. Когда оставили за собой дальнюю тайгу и вступили на бестравную, бесплодную равнину Хонин-Хото, увидела Алма, что кое-где между голыми сопками пробиваются слабые, редкие травинки.

— Посмотри, посмотри, Гэсэр, — воскликнула морская царевна, — травинки пробиваются сквозь сухую землю бестравной равнины!

Так ответил Гэсэр:

— Здесь, на равнине Хонин-Хото, где владычествовали исчадия зла, миг рождения встречается с мигом смерти, поэтому ничто живое здесь не может жить: едва рождаясь, оно умирает. Но теперь, когда погибли чудовища, приближавшие к мигу рождения миг смерти, начнет расти живое и на равнине Хонин-Хото. Эти слабые, редкие травинки, если к ним прислушаться, нам скажут: «Когда будет низвергнута власть трех ханов, трех злобных сыновей Атай-Улана, расцветет и эта равнина, и на земле наступит вечное торжество жизни».

ЖЕЛЕЗНОКРЫЛАЯ РАЗВЕДЧИЦА

На окраине земли томился подневольный люд под властью трех шарагольских ханов. Три сына Атай-Улана — Саган, Шарá и Харá — лютовали, свирепствовали, угнетая бесправных рабов. Притеснители завели такой порядок: сильные мучили слабых, знатные грабили простых, немногие терзали многих. У несчастных скотоводов и звероловов не было друга-защитника, который вызволил бы их из неволи, а давно известно, что даже черно-пестрый тигр без друга слабее шелудивого пса.

У старшего из трех ханов-злодеев, у Сагана, был сын Эрхэ-тайжá. Однажды подумал Саган: «Не пора ли послать свата, чтобы он присмотрел на просторной земле красивую девушку для сына, чтобы женился Эрхэ-тайжа и продолжил наш славный род? Заодно пусть выведает сват, что творится на земле, каковы дела Державы Ранних Жаворонков, люди которой свободны и счастливы, а свобода и счастье — мои враги».

Три хана-колдуна стали делать птицу-разведчицу. Белоликий Саган создал голову птицы из серебра, желтоликий Шара отлил грудь из золота, чернотелый Хара выковал из

железа туловище и крылья. Эрхэ-тайжа сотворил перья и вдохнул в золотую грудь птицы душу для парения. Оказалось, что непомерна величина рукотворной птицы, тень от железнокрылой покрывала половину земного пространства.

Перед тем как отправить пернатого соглядата в полет, решили птицу накормить. Дали ей быка — шевельнула она клювом, как положено птице, и сожрала всего быка. Дали ей жеребца — проглотила его и потребовала еще мяса. Дали ей верблюда — кое-как огромная птица утолила голод. Накормив исполинскую разведчицу, три хана стали ее наставлять:

— Троекратно облети юную скользкую землю, осмотри все пути-дороги, найди для Эрхэ-тайжи невесту. Заодно узнай, каковы дела Державы Ранних Жаворонков.

Разбойная сваха пустилась в полет. Тень от нее упала на половину земного пространства. Рукотворная птица осматривала все пути-дороги, оглядывала все кочевья-стоянки, а нигде не нашла для ханского сына подходящей невесты. Так достигла она небес, озаряющих Державу Ранних Жаворонков. Услышала она сверху, как река Мунхэ на языке вечности беседует с травами цветущей долины Морэн. Птица опустилась с распростертого синего неба и присела на тысячелетнюю лиственницу, обломав ее ветви.

Дело было ранним утром. Все жаворонки мира весело звенели, радуя небо и даруя счастье земле. Алма вышла подоить коров. Так она была прекрасна, что блеском правой щеки затмевала сияние рассвета, а блеском левой щеки — сверкание реки Мунхэ. Она остановилась, как бы заслушавшись пения жаворонков, и посмотрела из-под ладони в сторону восхода солнца: она ожидала возвращения мужа с охоты, и так удивительно мила и нежна была она в своем целомудренном ожидании, что птица решила: «Вот жена для ханского сына!»

Многомудрый Саргал, который измерил все, чему есть мера, вышел из юрты и увидел на лиственнице необычайную птицу, тень от которой покрывала половину земли. Быстро собрал дядя Гэсэра тридцать трех богатырей и сказал:

— Эта рукотворная птица прилетела к нам не с добром. Не разведчица ли она, посланная врагами? Богатыри, разбейте стальными стрелами железные крылья соглядатая.

Богатыри посмотрели на непомерную птицу, чья голова — из серебра, грудь — из золота, туловище и крылья — из железа, и растерялись. Отказались они метнуть стрелы:

— Стрелы обломаются о железо, не пронзят птицу.

А железнокрылая разведчица, увидев все, что надо было увидеть, взвилась на небо. Алма побежала в юрту за боевым луком и стрелами, а когда вернулась, птица в небе превратилась в пылиночку, только тень ее была по-прежнему огромна. Алма, натянув тетиву лука, метнула в пылиночку стрелу. Затем сказала богатырям:

— Не знаю, попала ли в цель, — какой-то звук слышался мне, что-то отозвалось на моей ладони. Пусть двое из вас помчатся за перевал, посмотрят, что произошло.

Два верховых поскакали за перевал. На пути перед ними лежало длиною в сажень перо, выпавшее из крыла рукотворной птицы. На пятидесяти арбах притащили всадники это перо. Саргал взглянул на него и сказал:

— Теперь я вижу, что прилетела к нам разведчица трех шарагольских ханов, трех колдунов, чье ремесло — разбой и грабеж, чья основа — зависть и злоба, чье оружие — ложь и мерзость, чья цель — смерть всего живого. Она послана сюда, эта железнокрылая разведчица, чтобы выведать дела Державы Ранних Жаворонков. Жаль, что Гэсэр беспечен, дни и ночи охотится в тайге, жаль, что наша Алма не сразила стрелой проклятую птицу, жаль, что тридцать три богатыря оказались несмелыми, жаль, что и я не метнул стрелу: ослабел ваш Саргал, одряхлел душой...

А птица, высоко паря в облаках, вернулась к устью Желтой реки. Она кружилась в небе, сверкая губительным сверканием золота, серебра и железа. Три хана ждали ее. Ханский сын Эрхэ-тайжа кликнул ее, чтобы опустилась на землю, но надменная птица не отзывалась на его зов. Эрхэ-тайжа заколол буланую кобылу, чей жир был толщиной в

десять пальцев, но птица с презрением отвергла эту пищу. Тогда Эрхэ-тайжа выбрал из бесправного люда одного раба, юного годами, и зарезал его. Птица была извергом, ибо изверги сотворили ее. Она опустилась на грудь несчастного, проклевала ее и утолила жажду человеческой красной кровью, алчно глотая остывающую струю. Насытившись, птица начала свысока ронять слова, как монеты из кошелья:

— Троекратно я облетела молодую скользкую землю и нигде не нашла девушки, достойной ханского сына. Так я достигла страны, над которой неумолчно звенят жаворонки. Возглавляет эту страну Гэсэр, а народ его живет гордо и свободно. Так веселы эти люди, что называют себя побратимами жаворонков. Опустившись рано утром на тысячелетнюю лиственницу, я увидела истинную красавицу. То была жена Гэсэра, заступница людей. Блеском правой щеки затмевала она сияние рассвета, блеском левой щеки — сверкание реки Мунхэ. К тому же оказалось, что красавица — превосходный стрелок из лука. Она метнула в меня стрелу, когда я улетаю, чтобы спасти свою жизнь, и перо выпало из моего крыла. Теперь, ханы, поступайте как знаете, а я устала от долгих странствий, полечу я на родину вечного холода, отдохну в ледовитых водах.

Рукотворная птица с клювом, обрызганным человеческой кровью, взвилась вверх и, расталкивая стальным туловищем облака, рассекая рассветные лучи, полетела в страну вечного холода, к ледовитым водам.

Три шарагольских хана, получив донесение крылатого соглядатая, порешили:

— Пойдем войной на Державу Ранних Жаворонков, унизим достоинство страны Гэсэра, завладеем женой Гэсэра, а самого Гэсэра уничтожим!

Войско двинулось в поход. Оно было таким многочисленным, что передние всадники топтали жирную траву лесов, воины, скакавшие в середине топтали пыльные корешки степной полыни, а верховые, замыкавшие войско, топтали прибрежный песок в горных скалах. Казалось, что сама тай-

га ринулась в битву, что камыши пошли в наступление, что все муравейники мира двинулись в путь, что полая вода забушевала на всех просторах земли!

Богатыри Гэсэра собрали свое небольшое войско, чтобы встретить неприятеля на дороге войны. Вместе с воинами поскакали ханы Саргал и Зутан, а средний их брат Сэнгэлэн остался, чтобы охранять дом Гэсэра. Когда воины достигли песчаной горы, Саргал посмотрел на земной кругозор сквозь богатырский лук и увидел, что в этот широкий лук не вмещается вражеское войско. Тогда дядя Гэсэра сказал:

— Если перед нашим взором войско врага вмещалось в богатырский лук, то мы, горстка храбрых, всегда вступали в бой. Но число нынешних врагов таково, что не вмещается в богатырский лук: надвинулись на нас все муравейники мира. Надо вернуться назад и ждать возвращения Гэсэра. Нельзя без него начинать битву.

Богатыри не одобрили слова старого Саргала. Они жаждали битвы не потому, что хотели сокрушить хребет зла, а потому, что хотели совершить подвиги. Они восклицали:

— Вступим в бой! Пусть послышится звон кольчуг и стрел, хотим услышать хруст костей!

Только Гэсэр мог заставить воинов повиноваться разуму, но Гэсэра не было, и Саргал понял, что никто не подчинится его мудрому, осторожному слову. Внезапно вырвался из рядов его брат Зутан верхом на вороном коне и крикнул:

— Мне противна робость Саргала, дряхлого силой и умом! Я один попытаюсь напасть на вражеский стан!

Слова криводушного хана пришлись воинам по душе. Хотя Саргал уговаривал богатырей: «Зутан — пустой болтун, не вижу в брате своей опоры, погубит нас глупый бахвал», — тридцать три смельчака порешили:

— Пусть попытается дядя Гэсэра напасть на врага. А потерпит неудачу — в дело двинемся мы. Ступай, Зутан, покажи, каковы твои отвага и ловкость!

И Зутан поскакал вперед. Грудь и спина его — в броне, а за спиной — лук муравьиного цвета.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЗУТАНА

Перевалив песчаную гору, Зутан увидел издали войско трех шарагольских ханов. Показалось ему: это многодеревный лес пошел в наступление, это душные пески всех степей мира хлынули скопом, это все муравейники мира двинулись по земле, это беспредельно разлилась полая вода всех рек мира. Зутан затрепетал, серо-пестрое сердце забилося в его жалкой груди. Но стыдно ему было возвращаться к своим в страхе и трепете, стыдился он света дня и решил дожидаться ночи. Когда лисья тьма упала на долину, табунщики из войска шарагольских ханов пригнали сто коней и поставили их на приколе в распадке между двумя отрогами горы.

«Совершу подвиг, — подумал хан-бахвал, — удивлю наших воинов». Он подкрался к распадку, разрезал сто поводьев и угнал сто коней в сторону Гэсэрова войска.

Три шарагольских хана поставили главой над своей неисчислимой ратью полководца Бирузу. Когда Бируза узнал о захвате коней, он громко рассмеялся:

— Если бы наш противник был силен, он не поступил бы, как вор, не угнал бы сто коней, воспользовавшись лись-

ей темнотой ночи. Он слаб, а где слабость, там растерянность. Надо захватить этого грабителя в плен.

Два знаменитых шарагольских лучника, два храбреца Зургалдай и Маньялай, помчались вслед за захватчиком коней. Вот уже слышит Зутан за спиной погибельный топот, уже короче и беспомощнее становятся шаги его вороного. Отделившись от ста угнанных коней, Зутан свернул в сторону, спешился и притаился в норе степного сурка. Два вражеских лучника примчались к норе, разожгли костер и стали окуривать нору сурка дымом. Задыхаясь от дыма, криводушный хан выполз из норы долгоспящей твари и униженно, презрев свои имя и сан, упал к ногам шарагольских воинов. Зургалдай и Маньялай потащили его за белые волосы, стали бить его о сыпучие степные камни.

Зутан завопил от боли и страха:

— Пожалейте меня, седого старика! Когда режут скотину, льется кровь, а когда убивают мужа, пусть прольется из его уст слово!

— Говори слово, говори два слова, только не говори жи! — грозно сказали два лучника.

А Зутан, ваяясь у них в ногах и облизывая песок, пролил из грязных уст ядовитое слово:

— Я — дядя Гэсэра. Мой племянник, чванливый бахвал, ускакал на охоту-облаву. Пока он не вернулся, вам надо закончить дело войны. Тридцать три богатыря Гэсэра — опасные враги. Такова их мощь, рожденных в море, что меч их не рассечет, стрела не пронзит. Если у них в колчанах кончаются стрелы, то в стрелы превращаются их пальцы; если разорвется у них тетива, их плечи превратятся в грозные боевые луки. Только хитростью, только обманом можно погубить Гэсэровых богатырей, и я — эта хитрость, я — этот обман!

Два лучника, не очень доверяя словам предателя, все же поволокли его за два уха к своему полководцу.

Зутан упал перед ним на колени и, глядя на Бирузу снизу вверх, как пес, заговорил как предатель:

— Великий Бируза, верь мне, спаси мою жизнь, и я предаю в твои руки Гэсэровых богатырей! Дай мне сто захудалых кляч, истощенных дорогами войны. Я вернусь с этими никудышными лошадьми, скажу богатырям: «Посмотрите, как обессилены кони противника! Три шарагольских хана повернули вспять, устрася битвы с нами. Снимите боевые доспехи, спрячьте подальше колчаны и луки, никто не грозит войной нашей стране, расстелите скатерти, испробуйте крепость арзы-хорзы!» Тридцать три богатыря, поверив обманным словам, напьются до беспамятства, до глухоты-немоты, и тогда я вам выдам опору Гэсэра — его богатырей. Приходите ночью, открою вам ворота. А чтобы успокоить моего брата Саргала, который измерил все, чему есть мера, сделайте так. Перевалив песчаную гору, внезапно, всей ратной гущей, повернитесь вспять. У Саргала есть Зеркало Времени. Он посмотрит в зеркало, чтобы узнать сокровенную правду, и стекло скажет ему, что враги повернули коней. Все его тревоги развеются, пронизательный старый воин успокоится, и вы беспрепятственно вторгнетесь в Державу Ранних Жаворонков.

Бируза остался доволен словами предателя. Он сказал:

— Есть в твоих речах смысл. Вижу, что хитрость — твое ремесло. Отбери сто захудалых кляч, скачи к своим. А мы придем, и будет побоище, и погибнут тридцать три богатыря и их войско.

Зутан повеселел, ибо не только спас жалкую свою жизнь, но и навлек гибель на великую жизнь Гэсэра. Он отобрал из вражеского стана сто захудалых кляч, принадлежавших рабам, сто едва ползущих теней и погнал их в сторону Гэсэрова войска. Прибыв к своим, он увидел белоголового Саргала, чей взгляд был суров и печален, увидел Гэсэровых богатырей и стрелков, сказал:

— Радуйтесь, храбрецы, снова настало время мира, время пиршеств! Снимите боевые доспехи, спрячьте стрелы и луки! Я привел в смятение трех шарагольских ханов. Увидев меня верхом на вороном коне, они испугались, обратились

в бегство, раскинув на поле оружие, оставив своих обесиленных коней. Будем пировать, богатыри, будем гнать арзу-хорзу, будем есть мясо на вертеле: настал день веселья!

Богатыри зашумели, обрадовались, поверили хвостуну, но Саргал их предостерег:

— Пес, который бежит быстро,— еще не конь, болтун, который врет складно,— еще не мужчина. Нельзя верить Зутану. Душа его состоит из клеветы и лжи. Не может быть так, чтобы три шарагольских хана, три грозных и злобных властителя Желтой реки, испугались одного всадника, да еще старого и болтливого. Не может быть, чтобы они, решившие распахнуть ворота войны, ушли без боя. К тому же им, наверно, стало известно от болтуна, что Гэсэр сейчас на охоте.

Чуть не плача от притворной обиды, Зутан ответил старшему брату:

— Если вы не верите мне, то поверьте Зеркалу Времен.

Саргал приказал, чтобы ему принесли из его юрты Зеркало Времен. Долго вглядывался зоркий старец в стекло вечности, долго искал — и увидел: три хана, повернув свое неисчислимое войско, удаляются на восток...

Богатыри, ликуя, загрели голосами веселья:

— Если властелины Желтой реки повернули вспять, убоясь войны с нами, то к чему нам разбивать маслаки лошадей, к чему нам отягощаться бранными тяготами? Возвратимся домой, насладимся вином и мясом, шутками и песнями!

Саргал посмотрел на богатырей и понял, что невнятна им его тревога. Он сказал им в глубокой печали:

— Есть предел небесной злобе, нет предела злобе земной. Может быть, повернули своих коней шарагольские ханы, но не повернули своих коней коварство, хитрость, обман. Нельзя нам прятать мечи в ножны, нельзя дать стрелам заснуть в колчанах, нельзя возвращаться домой.

Богатыри не приняли слов разума. Они повернули коней

в сторону дома, прискакали к златоглавому дворцу Гэсэра, крикнули Алме, хозяйке Гэсэра:

— Вкусна ли твоя пища, хмельно ли твое питье? Шарагольские ханы убежали, убоясь встречи с нами. Начнем пировать!

Алма созвала народ севера, пригласила кочевья юга, накрыла золотые и серебряные столы, поставила перед всеми горы мяса, курганы масла, разлила озера арзы-хорзы. Началось веселье. От хмеля и курения табака богатыри впали в беспамятство. Мужчины были пьяны, женщины — еще пьянее. Напрасно призывал Саргал: «Хватит вам хмеля и табака, вконец одуреете!» — люди пили арзу ведрами, они обезумели от хмеля. Саргал увидел, что трезв один только воин из числа тридцати трех, юный богатырь, пятнадцатилетний Манзан, безусый и румяный. И хотя Манзан был еще юн годами, еще не приобрел всех богатырских качеств, Саргал приказал ему:

— Дитя мое, один только ты не пьян. Поскачи на песчаную гору, посмотри, что делает враг.

Манзан оседлал коня цвета крови и поскакал на песчаную гору. До нее было двое суток пути. Он увидел, взобравшись на вершину: бесконечным боевым станом расположились у подножия горы бойцы трех шарагольских ханов, — будто все муравейники мира собрались в мураве под песчаной горой!

Манзан разом повернул коня, чтобы доставить Саргалу грозную весть. Быстро скачущего верхового заметили Зургадай и Маньялай и бросились ему вдогон. На хребте песчаной горы они крикнули:

— Остановись! Чей ты сын? Какого ты рода и племени? Почему ты приблизился к нашей рати?

— Это вы приблизились к нашей стране! — ответил Манзан. — Это вы принесли беду нашим отцам-матерям!

Шарагольские лучники поняли: всадник, хотя и молод годами, отважен и высок душою, и решили справиться с ним, безусым и румяным, с помощью хитрости.

Маньялай нашел такие обманные слова:

— Не мели языком попусту, а если есть в тебе гордость мужа, докажи, что ты — меткий стрелок. Видишь, в небе летят вороны. Сумеешь ли ты, на чьих губах еще видны капли материнского молока, подняться к ним на небо и вернуться быстро на землю?

Манзан, доверчивый доверчивостью юности, не разгадал обмана. Он скосил глаза в ту сторону, где летели вороны, и в этот миг Зургалдай метнул в него стрелу, и стрела пронзила насквозь две подмышки юного богатыря. Манзан упал, а шарагольские лучники повернули коней к своему войску. Напрягая последние силы, тяжело раненный Манзан вытащил стрелу и, истекая кровью, приладил эту стрелу врага к тетиве своего лука и сказал:

— Стрела — не конь, она хозяина не узнаёт.

Он произнес над стрелой заклятие и метнул ее, и она пробила черную грудь своего хозяина Зургалдая. Обагрённый кровью, шарагольский лучник упал, чтобы никогда больше не встать.

А Манзан, свесившись с коня, поднял камень величиной с жеребенка, закупорил свою правую рану, поднял камень размером с овцу, закупорил левую рану, перевязал раны шелковым кушаком и медленно спустился с горы на равнину. Конь его — краснее крови, кровь запеклась на седле, кровью обливалось его сердце. Низко-низко пролетела над ним полосатая сорока.

Манзан попросил ее:

— Прошу тебя, сестра сорока, полети к воинам Гэсэра, в Державу Ранних Жаворонков, передай моим соратникам, что неисчислимое войско грех шарагольских ханов пришло с войной и гибелью. Еще передай богатырям: «Ваш побратим Манзан был доверчив, и теперь, обманутый хитростью, насквозь простреленный вражеской стрелой, он плетется, едва живой, среди зноя и чахлой травы. Спасите его!»

Сорока ответила отказом:

— Не могу полететь в Державу Ранних Жаворонков.

Пришло мое время класть яйца, надо мне набрать веток для гнездовья.

Сорока улетела. Манзан, ослабев, свалился вместе с конем посреди сухой, знойной равнины. Вдруг в беспамятстве слышит он: кружится над ним низко-низко черно-синий ворон. Не решил ли ненасытный, что в чистом поле приготовлен ему обед?

Свет сознания вспыхнул в глазах богатыря, он прошептал:

— Наклонись ко мне, брат ворон, услышь мою просьбу. Полети к богатырям Гэсэра, скажи им, что шарагольские ханы пришли с войной и гибелью, — эту, мол, весть передает богатырь Манзан.

Ворон прокричал в ответ:

— Я отправился в полет, чтобы раздобыть для детишек жилье и пропитание. Но раз просит человек, мой брат, то сперва исполню просьбу брата.

Черно-синий ворон летел всю ночь. Утром засверкал перед ним златоглавый дворец Гэсэра.

Ворон сел на ворота и воззвал к богатырям:

— Войско трех шарагольских ханов пришло, чтобы вас истребить. А ваш соратник Манзан, истекая красной кровью, лежит, насквозь прострелен, посреди жаркой, сухой равнины. Идите на брань, а я полечу ради пропитания и жилья для моих птенцов.

Богатыри были пьяны. Они сидели по два, по три в обнимку, ослабев от арзы-хорзы, одурев от крепкого табака. Услышав от ворона, что враг близко, они отрезвели. Вернулось к ним сознание, но не вернулись отвага и разум. Они оседлали коней, понеслись к песчаной горе, но скакали без рассудка и без порядка. На вершине песчаной горы, где из недр вырывался зловонный серный дым, грянул бой. Потоки крови потекли по горе, и в красной влаге плавали тела убитых. Но, хотя убитых врагов было много, — живым не было числа. Богатыри дрогнули, пустились в бегство. Войско шарагольских ханов хлынуло всей ратной гущей им вослед.

Алма вышла на порог дворца, глядя из-под ладони в сторону тайги, — не возвращается ли с охоты Гэсэр, глядя в сторону песчаной горы, — не возвращаются ли воины Гэсэра, и увидела: тридцать два богатыря скачут без рассудка и без порядка, тридцать третьего, юного Манзана, истекающего кровью, два стрелка внесли в юрту, столбы душной пыли возносятся над землей, топот коней потрясает сердце тайги, а вдали скачут шарагольские всадники.

Горе вам, богатыри, горе вам, ранние жаворонки, горе тебе, жена Гэсэра!

Но не напрасно Алма была воительницей, недаром славилась она повсюду, как меткий стрелок из лука. С помощью двадцати трех чародейств приняла она облик Гэсэра. Когда вражеское войско двинулось к воротам дворца, Алма натянула тетиву богатырского лука. Со звоном и свистом полетели в гущу вражеского войска пернатые стрелы. И, когда стрелы летели, прорубались дороги в тайге, и трепетали облака, и дрожали горы и доли. Сколько было стрел, столько было убитых. Три шарагольских хана крикнули полководцу Бирузе:

— Нам сказали, что Гэсэр на охоте, а Гэсэр здесь! Обманул тебя предатель Зутан!

Ханы в испуге повернули войско вспять. Криводушный Зутан поскакал вдогонку шарагольским владыкам. Он увидел, что глаза у них устрашены, а лица свирепы.

Он спешился, упал перед ханами на колени, хотя сам был ханом, сказал:

— Почему вы повернули коней? Гэсэра во дворце нет, он охотится в тайге. Это Алма, жена Гэсэра, приняла облик мужа. Но она женщина, ей страшна и отставшая от стада дикая кобылица, — как же ей не убояться вашего грозного, неисчислимого войска?

Три шарагольских хана, успокоенные словами предателя, приказали Бирузе вновь повести войско на приступ дворца Гэсэра.

Алма, чья душа всегда была богатырской, а облик ныне

стал богатырским, отважно продолжала битву. Она разметала вражеское войско, как вороха сена. Тогда Эрхэ-тайжа решил: «В облике мужа она уничтожит наше войско. Как же она в облике женщины, она, которая должна стать моей женой?»

Эрхэ-тайжа, заткнув за кушак две полы шелкового халата, засучив рукава, обнажив меч, бестрепетно, не обращая внимания на губительные стрелы, пошел по телам убитых, поднялся по ступенькам дворца. Но только он ступил ногой на порог, как Алма, достав из ножен булатный меч, опустила его на Эрхэ-тайжу, и голова ханского сына со стуком покатилась по ступенькам дворца.

Старший из трех ханов, грозный Саган, вскрикнул:

— Погасла моя жизнь, прекратился мой род!

Вражеское войско снова отхлынуло от ворот дворца. Живые топтали мертвых. Смятение охватило трех шарагольских ханов.

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

Тогда-то снова предстал перед Бирузой и тремя ханами, остановившись поперек дороги, криводушный Зутан, предстал с поклоном, но с упреком:

— Неразумные, где же ваш разум? Неужели такое многочисленное войско может быть побеждено одной слабой женщиной? Да вы станете посмешищем в глазах всех воинов мира! Поймите, что ваша победа близка. Когда я стану ханом вместо Гэсэра, я буду вам служить, как преданный слуга. Но кто же воюет, как вы? Разве можно идти в сражение скопом? Надо идти с двух сторон и опоясать дворец трижды. Богатыри Гэсэра сейчас беспомощны, Гэсэра нет, и вы возьмете в плен ту, кто приняла облик Гэсэра.

Властелины Желтой реки поступили так, как советовал предатель. Они повели войско с двух сторон, опоясали дворец троекратно.

Могла ли Алма, окруженная со всех сторон муравейниками шарагольских полчищ, продолжать дальше неравную битву? Богатыри и их войско были бессильны, Саргал был стар, Гэсэр был на охоте. Не было конца ее отваге, но пришел конец стрелам в ее колчане.

Шарагольские разбойные воины захватили Алму в плен. Не хотела она, чтобы люди думали, будто Гэсэр попал в руки врага, и снова приняла полонянка свой истинный облик. По приказу трех ханов Алму посадили на серебряную арбу, запряженную иноходцами.

Саган, старший из ханов, подумал: «Мой сын погиб, но мой род не прекратится. Возьму себе в жены красавицу Алму».

Ханы-колдуны напустили на Страну Ранних Жаворонков страшные болезни, отравили реки и озера, чтобы погибли и люди, и скот, чтобы и жаворонки утром не пели над травами лугов и, взяв в плен Алму, двинулись домой, радуясь быстрой победе.

А Зутан остался. Страх проснулся в душе изменника. Он боялся Гэсэровых богатырей, ибо знал, что их отвага и мощь возродятся, он боялся Саргала, ибо знал, что мудрость его велика.

Тяжело дыша, он прискакал к трем ханам и воззвал к ним в унижении и в трепете:

— Вы уходите слишком рано! Взяли, что хотели взять, и ушли! Невдомек вам, неразумным, что до победы еще далеко. Тридцать три богатыря поскакали на песчаную гору вместе с войском, чтобы опередить вас и разгромить. Они еще живы. Они еще грозны. Еще жив Саргал, еще мудрость его и зоркость сулят вам гибель. А пока жив Саргал — так заповедано в Книге Судеб,— не подвластны Гэсэровы богатыри ни мечу, ни стреле: если вечером будут убиты, то поутру оживут опять! Богатыри — на песчаной горе: надо их обессилить. Саргал — в приозерных камышах: надо его убить!

— Надо заковать богатырей страшным заклитием,— сказали шарагольские ханы.

Три колдуна-шамана вышли из гущи войска. Крича в таком неистовстве, что белой пеной покрылись их губы, с помощью непотребных чародейств три злых волшебника заклиняли богатырей Гэсэра и его войско страшным заклитием:

— Отныне пусть тридцать три богатыря Гэсэра, и три-

ста вожатых его войска, и три тысячи его ратных людей превратятся в каменные изваяния!

Когда заклятие было произнесено, полководец разбойных полчищ Бирюза приказал:

— Стрелок Маньялай, отомсти за своего соратника Зургалдая. Обезглавь Саргала, дядю Гэсэра. Отруби две его руки и преврати их в две плети. А голову, как велит наш ханский обычай, привяжи к седлу своего коня и привези сюда.

Саргал действительно прятался в приозерных камышах. Мудрый, белоголовый, богатый годами дядя Гэсэра и слова не успел сказать, как неслышно пробравшийся в камыши Маньялай обезглавил старого хана и отрубил обе руки, некогда благословлявшие Гэсэра на подвиги добра. Седую голову старца шарагольский лучник приторочил к седлу своего коня, две руки Саргала превратил в плети. Гордясь добычей, разбойный стрелок предстал перед главою непотребного войска. Увидели голову ханы — злобно рассмеялись, увидела полонянка Алма — и заплакала, как плачет вечерней росой закатное солнце. Она обратилась к трем ханам с мольбою:

— Я ваша полонянка, ваша рабыня. Суждено мне в чужой стране терпеть у вас горькую муку. Не прошу у вас воли, не прошу у вас жалости, прошу только одного: подарите мне голову Саргала.

Хара, младший из трех ханов, сказал:

— Не дам.

Шара, средний хан, сказал:

— Почему бы не дать?

Старший хан, Саган, сказал:

— Отныне голова Саргала — беспомощный выюк, притороченный к седлу. Какая будет нам польза, если останется голова дяди Гэсэра у нас, какой будет нам вред, если отдадим ее Алме?

Саган так говорил, потому что хотел, чтобы Алма считала его добрым, потому что хотел, чтобы Алма стала его женой. Решили ханы послушаться старшего брата — отдали Алме седую голову Саргала. Алма взяла голову, поцеловала

и велела, чтобы ее серебряную арбу, запряженную иноходцами, возница погнал к девяти скалам. Целебным жиром были богаты скалы, девять родников с живой водой текли у их подножия. Алма омыла голову Саргала девятиродниковой водой, умастила жиром девяти скал, и голова, лишенная тела, стала живым существом, живыми, разумными глазами любви и жалости посмотрела она на Алму. Алма сказала:

— Полети в беспредельную синюю высь, опустишь на колени бабушки Манзан-Гурмэ!

Оживленная целебной водой, умащенная жиром девяти скал, голова Саргала устремилась в беспредельную синюю высь и, пробив облачный покров, влетела во дворец бабки Манзан-Гурмэ и легла на ее колени.

Владычица Западных небес наклонилась и встретила глазами с живыми, полными печали и разума глазами внука своего Саргала. Манзан-Гурмэ заплакала слезами, не знающими утешения, и сквозь безутешные слезы взглянула в Зеркало Времен. Вот что ей сказала стекло правды:

На просторах могучего края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн течет,
Где раскинулась величаво
Ранних Жаворонков Держава, —
У песчаных горных высот,
Где клубится горячая сера,
Тридцать три храбреца Гэсэра
В изваянья превращены,
В изваянья из каменной плоти!
А Гэсэр далеко — на охоте,
И, открыв ворота войны
И пойдя дорогой обмана,
Злобных три шарагольских хана
Напустили язву-чуму,
У Гэсэра забрали Алму!

Гнев и горе вспыхнули в душе старой бабки неугасимым пламенем. Она послала к Гэсэру трех его сестер — пусть разыщут того, кто среди охотничьих забав забыл о своем

долге. Чернобровые красавицы Западных небес приняли облик соловьев и спустились на землю. Там, где зеленели десять лесов Хангая, там, где возвышались двадцать алтайских холмов, они увидели: Гэсэр верхом на гнедом коне, приторочив к седлу большую добычу, поднимается на горную вершину, одетую листвою леса. Внезапно Гэсэр оглянулся: на лиственнице, среди ветвей, свистели и цокали три соловья. Что-то знакомое услышал Гэсэр в их голосах и остановил коня. Тогда соловьи слетели на землю и приняли истинный свой облик. Гэсэр обрадовался встрече с тремя любимыми сестрами, но он ведь выпросил их у отца ради того, чтоб они помогали ему на земле в трудную годину, и он понял, что трудная година наступила. Он спросил:

— С каким известием прибыли вы ко мне, милые сестры?

И услышал Гэсэр соловьиные, тоскующие слова сестер, — показалось ему, что плачут леса Хангая, что рыдает великий Алтай:

— Нет у тебя войска, Гэсэр! Там, где серный зловонный поток вырывается из недр песчаной горы, тридцать три твоих богатыря, триста полководцев и три тысячи ратных людей превращены злобными владыками Желтой реки в каменные изваяния. Нет у тебя жены, Гэсэр! Три шарагольских хана увели ее в плен, издеваются над нею. Нет у тебя дяди, Гэсэр! Лучник Маньялай обезглавил мудрого Саргала, и седая голова твоего наставника лежит ныне на коленях бабушки Манзан-Гурмэ. Нет у тебя и другого дяди, ибо Зутан — предатель, изменник! Нет у тебя державы, Гэсэр! Шарагольские ханы напустили на твой народ повальные болезни, уничтожили твои луга. Нет у тебя стад-табунов: они больны язвой-чумой. Нет у тебя счастья, Гэсэр: оно затоптано конями шарагольских ханов!

Сказав брату слова горя, три сестры снова превратились в трех соловьев и взвились в синеву неба. Гэсэр остался один на вершине горы. Глянул он влево — заплакал, глянул вправо — зарыдал навзрыд. И когда выпала слеза из правого его глаза, она широко разлилась и превратилась в озеро.

Нынешние люди именуют озеро Байкалом.

А слезы из левого глаза ныне именуются широкой, полноводной рекой Леной. Потому и священ Байкал, потому и почитается всеми людьми Лена, что они образовались из слез Гэсэра, заступника людей.

Гэсэр велел гнедому скакать на родину. Вершины Алтая благословляли всадника, а он смотрел на них заплаканными глазами. Горько стало на душе у Гэсэра, когда он увидел родную землю, еще так недавно цветущую, а теперь ставшую добычей тлена, увидел родной народ, окровавленный горем и унижением, увидел родные кочевья, опустошенные повальными болезнями, увидел отца своего Сэнгэлэна, охваченного тоской разочарования и старости.

Вместе с Сэнгэлэном Гэсэр отправился на песчаную гору. Он не узнал ее. Новые скалы выросли на ней. Когда всадники приблизились к этим скалам, то оказалось, что на горе стоят изваяния тридцати трех богатырей, и трехсот вожатых войск, и трех тысяч лучников. Те, кто делил с Гэсэром труды его походов и битв, и веселье его пиров, и надежду его помыслов, теперь каменели в бессилии, превратились в каменные изваяния. Боль охватила сердце Гэсэра, и оно дрогнуло. Он стал обнимать своих соратников, говорить им ласковые слова, желая вдохнуть в недвижные камни пламя жизни, вольный дух отцов-матерей. Но плоть камня не становилась плотью человека, и Гэсэр упал, обливаясь слезами, к каменным ногам богатырей.

Сэнгэлэн, чтобы развеять печаль сына, чтобы помочь ему и его сподвижникам, прибег к тем чарам, которыми он овладел смолоду, еще будучи жителем неба. Он выдернул свою светлую, синюю от старости бороду и сжег ее в очистительном огне, сказав слова таинственного заклания.

И тогда камень заволновался, задвигался, в него вошло пламя жизни, в нем затрепетал вольный дух отцов-матерей, его твердая плоть стала горячей плотью человека, в глазах изваяний вспыхнул чудный смысл жизни, руки богатырей освободились от каменной неподвижности, обрели проворство

и рванулись к мечам, снова ставшими железными и острыми.

Гэсэр расцеловал оживших богатырей, повел их на луга, где в грустном ожидании паслись их кони. Радостное ржание огласило просторы лугов. Приласкав коней, по которым они так сильно соскучились в долгие, унылые дни окаменения, богатыри уселись в седла и вместе с Гэсэром поскакали в Черное ханство, чтобы наказать криводушного Зутана за его измену. На середине пути повстречался им старый табунщик. Он сказал им, что Зутан поутру скончался. Богатыри не поверили: опять, мол, хитрит обманщик, боится мести, вот и распускает слухи о своей смерти.

Гэсэр сказал тридцати и трем:

— Как бы ни была черна душа Зутана, он все же брат моего отца, а мой отец оживил вас. Мы с ним одного рода, и я должен исполнить долг родства, проводить его в последний путь, положить его там, где положено. Вы станьте здесь на отдых и ждите меня, а я отправлюсь к Зутану.

Никто не встретил Гэсэра, когда он ступил в дом своего криводушного родича. Он увидел: пар поднимался над недопитой чашкой чая, дым поднимался над недокуренной трубкой. У стены лежал бездыханный Зутан. Левый глаз его был закрыт, правый глаз открыт и слегка прищурен, правая нога вывернута, правая рука вытянута. Откуда ни посмотришь на него — состоит он из одной кривизны! Понял Гэсэр, что тот, чья жизнь была обманом, хитрит и со смертью. Богатырь крикнул:

— Некрасиво умер мой дядя! Когда у мертвеца один глаз не закрыт, слегка прищурен, то жди вероломства. Надо насыпать в открытый глаз горячей золы!

Гэсэр подошел к очагу, набрал горячей золы, но когда приблизился к мертвецу, то увидел, что и правый глаз у него закрылся, только чуть-чуть моргал, видно, от страха.

Еще громче крикнул Гэсэр:

— Если у мертвеца нога вывернута и рука вытянута, то потомство наше не будет знать счастья. Ради блага потом-

ства надо подрезать мечом сухожилия руки и ноги брата моего отца!

Но как только Гэсэр обнажил меч, лжемертвец выпрямил руку и ногу.

Гэсэр воскликнул:

— Вот теперь он лежит как должно! Опущу его в землю, как подобает родичу, положу его там, где положено.

Гэсэр взвалил бездыханное тело на арбу и повез его в неприступную тайгу. Там он вырвал с корнем деревья, повалил их рядом с телом Зутана и поджег с четырех сторон. Вдруг покойник вскочил, завопил:

— Мне больно, я сгорю сейчас, люди добрые, помогите, спасите мою душу!

Гэсэр крепко схватил предателя за предплечья, сказал:

— Если воскресает изменник, то воскресает измена. Если вернуть предателю жизнь, то горе будет родной земле!

Гэсэр снова бросил Зутана в красно-синее пламя костра.

Пожираемый огнем, предатель закричал, извиваясь, простирая руки:

— Я не в силах больше терпеть, прости меня, племянник, пожалей меня, Гэсэр! Всеми делами своими я доказал, что моя душа черна и ничтожна, докажи и ты, что твоя душа велика и добра. Прости меня, заступник людей, клянусь тебе, что никогда больше не причиню людям зла!

Так плакал, так молил криводушный хан, чья суть была ничтожна, и Гэсэр, чья душа была велика, простил его, сказал:

— Прощаю тебя, но помни: тот, кто совершил зло, — виновен, а тот, кто поклялся, что больше зла не совершит, но клятву нарушил, — виновен дважды. Дарю тебе жизнь, храни ее, но пуще жалкой жизни храни свою клятву.

Гэсэр отпустил криводушного хана. Тот побежал, радуясь подаренной жизни. А деревья, поваленные в неприступной тайге, еще поныне, говорят, охвачены красно-синим пламенем, и костер, сказывают старики, пылает поныне, чтобы помнил мир о предателе и о его покаянной клятве.

НАЙДЕНЬШ

Гэсэр поскакал к богатырям, и хотя до победы было еще далеко, хотя еще не кончились муки-страдания его народа, хотя еще бедствовала его земля, хотя еще томила в плену его жена, Гэсэр знал и верил, что близится торжество земной жизни, что меч его уничтожит силу зла, и добро возликует, и земля расцветет, и люди на земле будут счастливы. И Гэсэр, скача по тайге, вдыхая ее запахи, внимая языку листвы, запел песню:

Желтый лук, мой военный лук,
Верный друг, драгоценный друг,
Ты по-прежнему крепок и туг!
Золотая моя стрела,
Ты, как прежде, быстра и смела!
Грозный меч, оружие мое,
Ты на все закален времена,
Чародей — твоё лезвие,
На твоём обушке — письмена!

Обрадовались и богатыри, услышав военную песню, а Гэсэр, прискакав к ним, сказал:

— Скоро грянет последняя битва. Пусть будут наготове

ваши сердца и думы, ваши мечи и луки. Ждите моего клича. А я поеду один.

Гэсэр помчался по хребтам и ущельям, по объезженным, гладким дорогам ханов и по ухабистым дорогам подневольного люда. Посередине просторной степи, у подножия красной сосны, он спешился, пустил по пальцам тринадцать своих чародейств, заставил затрепетать на ладонях двадцать гри волшебства, и случилось чудо: могучий гнедой конь превратился в жеребеночка-лончака, а сам Гэсэр — в слабосильного старца из кочевья бедняков. Дряхлый годами старик накинул на шелудивого, тощего жеребенка деревянное седло, положил кой-какой потничок и поехал мелкой трусцой к обителицу трех шарагольских ханов.

Владыки Желтой реки, опасаясь Гэсэра, закрыли все дороги, все луга превратили в крепости, чтобы даже червь не сумел проползти мимо бдительной стражи. А стражами были две огромные горы, воздвигнутые ханами с помощью колдовства на рубежах государства. Из утесов и скал вырывалось всеуничтожающее пламя, каждый выступ, каждый камень скрежетал зубами, пугая путников. Две горы проглатывали живьем всех двукрылых и четвероногих, необдуманно дерзнувших пересечь вершины страшных гор.

Гэсэр, приблизившись к колдовским каменным стражам, пустил в ход свои волшебства и чародейства. Жеребенка своего он превратил в кремешок и спрятал в карман. У подножия горы он выкопал из таежной земли саранки и проткнул ими горные жилы. Образовался в горах проход. Седенький старичок, опираясь на кривой посох, прошел по узкому, как лезвие меча, горному проходу и оставил за собой две колдовские преграды. Земля заговорила с ним голосом быстрого родника. Старик решил отдохнуть, прилеж у родника на прибрежной мягкой траве. В это время пришли по воду семьдесят три служанки шарагольских ханов. Их ведра зазвенели в тайге. Семьдесят две девушки перешагнули через бедного старика, чтобы набрать родниковой

воды, но семьдесят третья обошла кругом и сказала с упреком:

— Вы нарушили обычай, вы перешагнули через человека, старшего вас годами. Мне стыдно за вас.

Старик приподнялся, опираясь на локоть, и спросил у девушки, свято хранившей обычай учтивости:

— Для чего вам понадобилось, доченька, столько воды?

Служанка, забыв, что старость хитра, что на старой стоянке бывают невидимые до поры ямы, простосердечно ответила:

— Три наших хана отняли у Гэсэра жену. Старший хан Саган решил на ней жениться. Видимо, пленница отказалась. Тогда ханы бросили красавицу Алму в низкий, темный, холодный сарай и приказали поить-кормить ее лишь одной водой.

Сердце Гэсэра заметалось в широкой груди, как мечется в лесной чаще лань, преследуемая охотником. С трудом скрывая волнение, он спросил старческим голосом:

— Потому ли терзают пленницу ваши ханы, что она — из страны Гэсэра, или потому, что не хочет стать женой Сагана?

— Не знаю, — сказала девушка, немного подумав. — Мы с пленницей не разговариваем. Нам запрещено вносить воду к ней в сарай. Вода катится к ней по желобу.

Гэсэр поблагодарил девушку за ее учтивость и незаметно опустил в ее ведро золотое кольцо. Служанка догнала подруг, все вместе пошли к сараю. Когда родниковая вода звонко полилась по желобу, покатилося и кольцо, сверкая золотом в серебре воды. Алма, несчастная пленница, черпая воду двумя ладонями, поднесла руки ко рту и увидела кольцо. Показалось ей, что в темном сарае вспыхнуло жаркое солнце, почудилось ей, что сырые стены сарая согрело солнечное тепло! Она поняла, что Гэсэр близко, и надежда разгорелась в ее измученном сердце, как разгорается солнце рассветающего дня.

А Гэсэр снова пустил в ход тринадцать чародейств-уло-

вок, двадцать три волшебства-могущества и превратился в мальчика из бедной юрты. С громким плачем подошел он к надворкам дворца хана Сагана. Старший из трех ханов, услышав детский плач, вышел из дворца. Он ударил мальчика по щеке, чтобы узнать, какова его мощь. Станет ли мальчик богатырем, как славный жеребенок становится ветроногим аргамаком? Решил Саган: будет толк из мальчика-оборвыша! Он взял его к себе в дом. Мальчик рос не по дням, а по часам. Сегодня ему впору овечья шкура, завтра не помещается он в шкуре быка. Ненароком затронешь его — даст сдачи. «Хороший будет у меня слуга, преданный и храбрый», — думал Саган. Дали и имя мальчугану: Найденыш.

Настали дни большого праздника. Три хана устроили пир. Позвали только знатных. Явились все военачальники, все князья и старейшины, все могучие стрелки.

Маньялай, убийца мудрого белоголового Саргала, расхвастался, налитый хмельным питьем:

— Ни у кого на земле нет такого лука, как у меня. Из этого лука полетит сама смерть, и погибнет Гэсэр. Нет храбреца, который осмелился бы растянуть мой лук, нет силача, который смог бы его изогнуть.

Попытались самые сильные шарагольские воины, а не смогли растянуть лук Маньялая. Тут попросил разрешения Найденыш:

— Позвольте, великие ханы, мне испробовать свою силу.

Все знатные громко рассмеялись, а иные, давась от смеха, сказали пьяными голосами:

— Не робей, сынок, попытай свою силу!

Найденыш расправил плечи, потянул, дернул — и богатырский лук Маньялая распался на три части. Знаменитый стрелок не на шутку рассердился:

— Я берег этот лук для схватки, для того, чтобы уничтожить Гэсэра, а этот сопливец все дело испортил!

Он схватил мальчугана за предплечья, стал трясти, чтобы душу из него вытрясти. Найденыш, покрасневший, как утром восток, напал на могучего стрелка-силача, как беркут

на добычу, взял Маньялая под ребра, под колени, под пятки, стал его крутить-вертеть взад-вперед, ударил его с размаху оземь, и Маньялай погрузился глубоко в землю: одни только уши торчали над гравой!

Три хана решили, восхищенные мальчишечьей силой: «Вот кто учинит разгром Гэсэру, вот кто будет нашей опорой!» А воины, кто с колом, кто с лопатой, двинулись, чтобы выкопать Маньялая из земли. Но мальчик сказал им с важностью:

— Если такой воин, как Маньялай, вкопан во время схватки в землю, то не подобает его выкапывать колом или лопатой.

— А как же? — спросили в недоумении знатные стрелки.

— А так! — воскликнул Гэсэр и ударил о землю тяжелой ступней.

Земля, не желая, видимо, хранить в своих недрах живого убийцу, выбросила шарагольского стрелка. Гул удивления прошел по рядам пирующих воинов. А мальчик, отвернувшись, произнес чуть слышно богатырский клич. Но то, что прошептали детские губы, мощно повторили горы и реки, долины и степи, вся земля повторила этот боевой призыв, и его услышали воины Гэсэра. Они сели на проворных коней и поскакали на восток, к владениям трех ханов, заставляя небеса сокрыться в пыли, заставляя дороги трепетать под копытами ветроногих скакунов.

Три хана Желтой реки почувствовали, что сердце матери-земли забилося новым биением. Они прислушались к далекому топоту и поняли, что ожили богатыри Гэсэра и его войско, что кончилось каменное оцепенение. Ханы приказали построить свою разбойную рать. Знамя похода вручили Найденышу: пусть мальчик поведет за собою несметное шарагольское войско.

ЖЕЛАННАЯ ПОРА

Злодейское полчище буйно хлынуло по хребтам и ущельям, по лугам и долинам. Казалось, что расплзлись по дороге войны все муравейники мира. Рассыпались горы-стражи, воздвигнутые черными чарами, и три хана увидели: скачет войско Гэсэра. Оно было невелико, это войско, — тридцать три богатыря, триста вожатых полков и три тысячи лучников, — но почудилось трем насильникам, будто грозные горы Алтая, одушевленные смыслом жизни, пошли в наступление.

Тогда-то Гэсэр принял свой истинный облик, маленький Найденыш снова стал богатырем, а камешек, выпав из его кармана, стал гнедым конем Бэльганом. Гэсэр бросил на пыльную землю походное знамя грех злодеев и, топча его, присоединился к своим воинам. А эти воины, которые долгое время были недвижимыми каменными изваяниями, почувствовали при виде Гэсэра, что вспыхнула в их сердцах отвага отцов-матерей, что пламя вольности охватило их существо, и они, суровые, как камень гор, и стойкие, как деревья тайги, всей мощью своей правоты обрушились на войско грех ханов и обратили его в бегство.

Зеленое тело земли стало черным, голубой свет неба внезапно погас. Кровь, как море, затопила низины, и в ее красных, горячих потоках плавали убитые всадники и обезумевшие кони.

Три хана поняли, что пришел их конец, что напрасны были их хитрые чары, что перехитрил их Гэсэр. Они испугались. Неожиданно из гущи разгромленной шарагольской рати вырвался и повернул коня стрелок Маньялай. Он хотел отомстить Гэсэру за то унижение, которое нанес ему, знатному стрелку, безвестный Найденыш. Так бушевала, так в нем кипела сила злобы, что и бегущие воины остановились, а три хана подумали: «Может быть, наш конец еще не пришел?»

Навстречу Маньялаю прискакал из Гэсэрова войска Буйдан, сильнейший из тридцати трех. Кони противников сошлись стремени к стремени, мечи ударились лезвием о лезвие.

— Ты убийца, ты обезглавил дряхлого старца Саргала, белоголового мудреца, ты не должен жить на земле!

Это крикнул Буйдан и тяжелым своим булатом, не дав опомниться врагу, обезглавил Маньялая. Рухнуло безглавое тело шарагольского стрелка, рухнула безглазая надежда шарагольских ханов. Они ускакали в смятении, а за ними — полководец Бируза и рассеянное войско.

Гэсэр закричал так громко, что казалось, будто сто тысяч изюбров подняли этот победный крик. Сотрясаясь небесная твердь, разверзлась земля, небывалый вал поднялся в море, по священной горе Сумбэр с гулом прошел первозданный трепет.

Богатыри Гэсэра гнали врага до самых ворот дворца трех ханов. И три владыки Желтой реки, три исчадия зла, три бесплодия, три бестравья пали на колени перед Гэсэром, зарыдали:

— Пожалей нашу кожу и жилы! Ты победил — уведи весь подневольный люд, уведи наш скот, возьми нашу землю, оставь нам только наши души!

Гэсэр сказал:

— Плач ребенка вызывает любовь, плач женщины вызывает жалость, плач злодея вызывает отвращение. Разве вы не те, кто убивал безвинных людей, кто избрал ремесло жестокости, кто уничтожал все живое? Разве вы достойны прощения?

Три хана, три зла, три коварства, три насилия облизали перед Гэсэром пыль и песок, простерлись, как мох, и, валяясь во прахе, снова взмолились:

— Оставь нам жизнь, ничтожную в твоих глазах, но милую нам. Мы беспомощны, а твоя мощь беспредельна. Ничего нам теперь не надо, ни власти, ни богатства, ни войны, оставь нам только нашу кожу и жилы.

Гэсэр сказал:

— Людской суд вас осудил. Вам нет оправдания. Вы — зло, но мощь добра беспредельна, как само добро. Поклянитесь на все времена, что отныне и навеки перестанете насыщать болезни, отравлять реки и озера, губить животных и растения, поклянитесь, что отныне и навеки не причините зла роду человеческому, что никогда не пойдете войной на людей, на животных, на птиц, на деревья и травы, что остаток ничтожной жизни вы проведете в сознании своей вины перед всем, что растет и зреет, перед всем, что любит и страдает.

Три хана поклялись:

— До скончания веков будем соблюдать законы человеческой жизни, не причиним никогда зла ни людскому роду, ни звериному, ни пернатому, ни гравяному!

Гэсэр отпустил их, и они смешались с остатками разбитого войска и ускакали в сознании своей вины в страну вечного холода, к ледовитым водам, где кончается земля, подалее от людских осуждающих глаз. А весь подневольный люд, все кочевья рабов пришли к Гэсэру, чтобы пойти с ним по дороге свободы. Пришли и семьдесят три служанки, привели к Гэсэру его жену, красавицу Алму, и пленница трех ханов увидела в глазах мужа свет жизни. Гэсэр сказал

ей слово любви и верности, и красно-рыжий конь Алмы поскакал рядом с гнедым конем Бэлыгэном. Подневольный люд, дыша таежной волей, отправился вместе с воинами Гэсэра, богатыри возвращались домой с победой. Но разве то была победа горстки отважных? То была победа всего живого, ибо отныне миг рождения перестал встречаться с мигом смерти. Вся земля расцвела от края до края, даже бестравная, бесплодная, бессолнечная равнина Хонхин-Хото оделась изумрудной травой, запестрела яркими плодами, озарилась великим сиянием солнца. А когда взорам людей открылась Держава Ранних Жаворонков, Гэсэр сказал:

— Наступило желанное время! Не надо ни походного стремени, ни колчана, ни стрел, ни лука, ни булата, а нужны нам покой, мир, песни утренних жаворонков!

— Если так, — промолвили родители Гэсэра, старый Сэнгэлэн и дочь Солнца Наран-Гохон, — если наступило торжество земной жизни, если род человеческий навеки избавлен от зла, то не вернуться ли нам на небо, где мы родились: ты теперь не нужен земле, Гэсэр!

Но Гэсэр отказался вернуться на небо. Он полюбил землю и людей той любовью, которая никогда не умирает: любовью страдания и сострадания. Он стал человеком, ибо познал все тяготы человеческие. Он сказал:

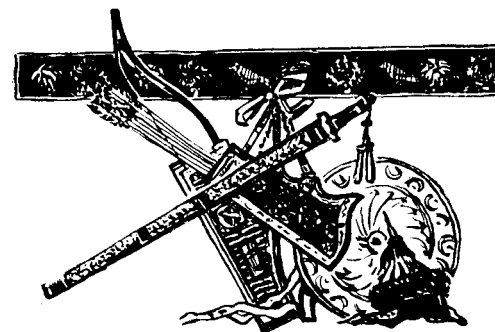
— Красив род пернатых, могуч род зверей, удивителен род растений, всемогущ род небожителей, у которых чаша разума, но превыше всех — род человеческий, испивший чашу страдания. Я навсегда останусь на земле, я останусь человеком среди людей...

А теперь, когда сблизились все звезды на небе, когда сдружились все люди на земле, мы окончим заповеданный сказ.

Меткие лучники, не нужны нам ваши стрелы, а нужны нам ваши слова, седобородые сказители! Пусть из стародавнего былого полетят, как стрелы, крылатые слова, пусть услышат их потомки, чтобы влюбиться в песню до восторга,

до радостных слез, чтобы запомнили голоса утренних жаворонков — мерные звуки, что падают на землю, как капли вечности:

В той стране, где неведомо горе,
Где бессмертья волнуется море,
Где в душистой долине Морэн
Каждый камень благословен,
Где раскинулась величаво
Ранних Жаворонков Держава,
Где не знают люди войны,
Где на веки веков вольны
Каждый род и каждое племя, —
Наступило желанное время!
Сокрушила страна Гэсэра
Все, что было черно и серо,
И земля ее молодая
Расцветает, не увядая!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поэма о победителе девяти зол. А. У. Хахалов	3
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Юрта в тайге	9
Небесные государства	14
Предвестие вражды	19
Болезнь и исцеление дочери Солнца	25
Поединки небесных богатырей	30
Война на небе	35
На земле распространяются поварьные болезни	41
Бухэ-Бэлигэ спускается на землю	47

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВРЕМЯ ПОДВИГОВ

Дни детства	55
Девушка — стрелок из лука	62
Ягода забвения	68
Кусок змеиной кожи	72
Держава Ранних Жаворонков	78
Тигр Орголи и три коварства	82
Шерстобитный смычок	91

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТОРЖЕСТВО ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Овечья кровь в оленьих унтах	103
Три осы	110
Доля осла	116
Светлая сила жаворонка	122
Железнокрылая разведчица	128
Предательство Зутана	133
Каменные изваяния	142
Найденыш	150
Желанная пора	155

Для среднего и старшего возраста

Липкин Семен Израилевич

ДЕРЖАВА РАННИХ ЖАВОРОНКОВ

Повесть по мотивам бурятского эпоса

Ответственный редактор Г. И. Москoвская. Консультант по художественному оформлению П. И. Суворов. Технические редакторы О. Н. Иванова и О. В. Кудрявцева. Корректоры В. К. Мирингоф и С. П. Мосейчук. Сдано в набор 13/V 1968 г. Подписано к печати 22/XI 1968 г. Формат 60 × 90¹/₁₆. 10,13 печ. л. (Уч.-изд. л. 7,8 + 1 вкл. = 7,86). Тираж 100 000 экз. А11566. ТП 1968 № 417. Цена 37 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Отпечатано с матриц Ордена Трудового Красного Знамени фабрики «Детская книга» № 1, Москва фабрикой «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 456.